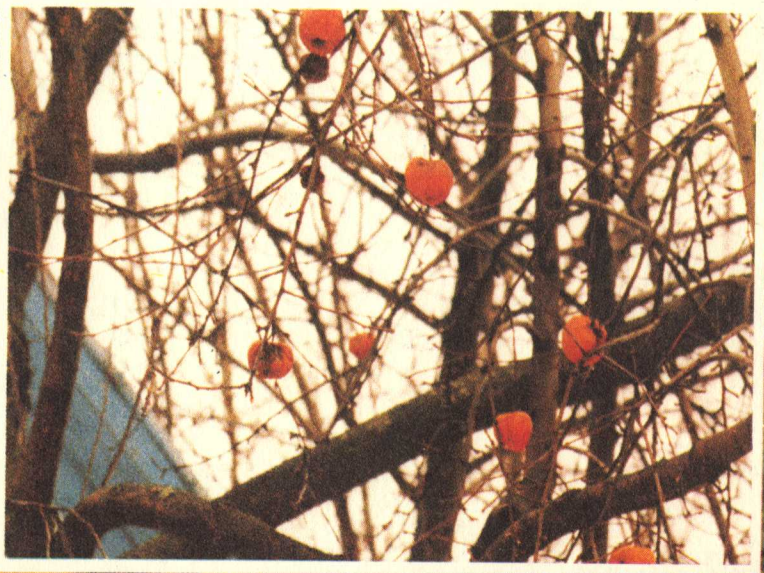

**ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ
РЕПОРТАЖ**

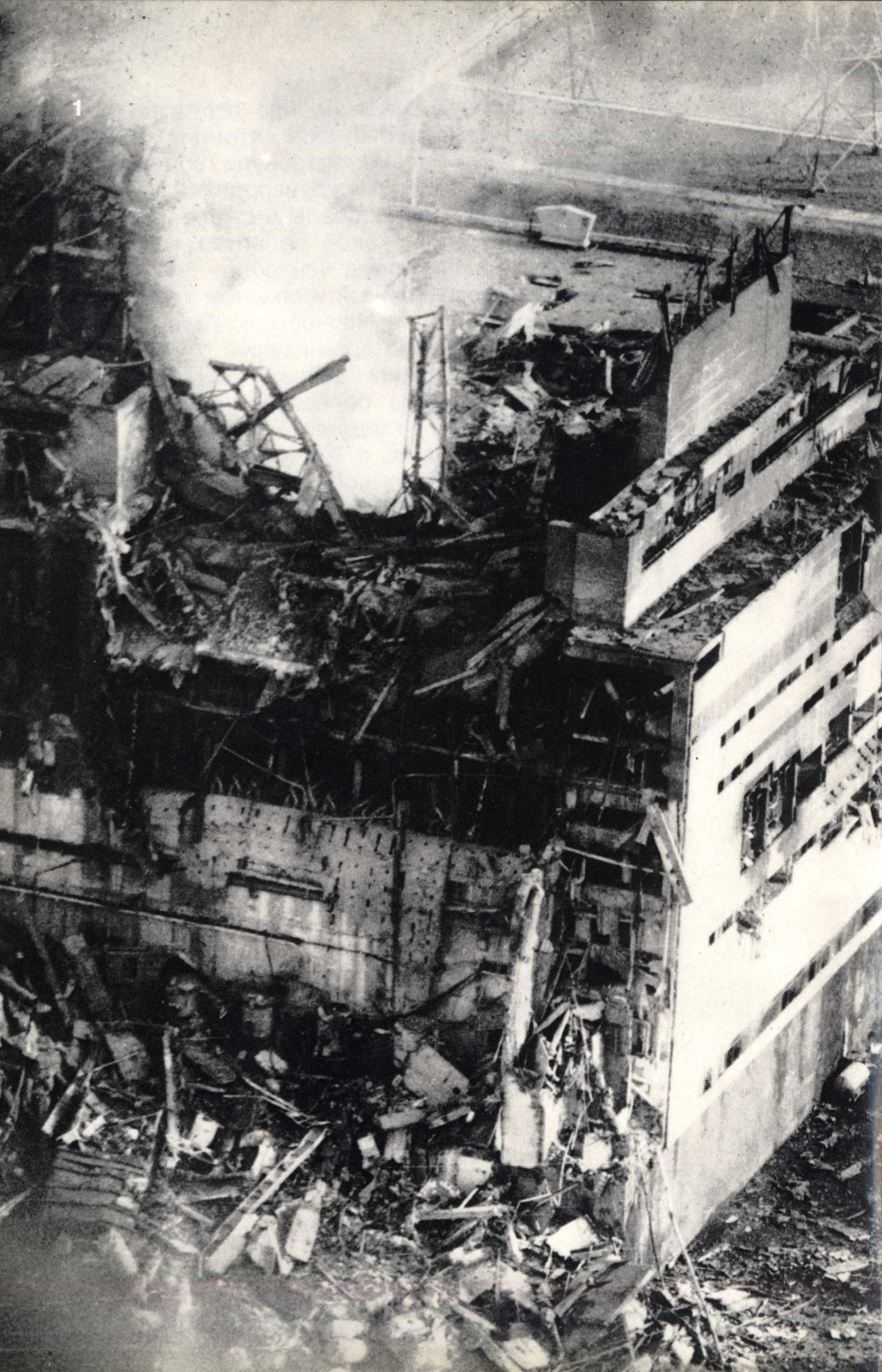

Днепр, Припять, украинское Полесье... Места красивые на удивление. До того рокового дня 26 апреля они были местом отдыха тысяч людей. Но нет на этом снимке, сделанном весной 1986 года, рыбаков, не видно лодок — в те напряженные майские дни, да и потом, летом, и даже осенью было не до рыбалки. Реку спасали. Главным было не дать радиации попасть в воду. Не допустить возможности разноса по Припяти и Днепру страшной и невидимой смерти. И только те, кто был связан с этой труднейшей работой, появлялись на речных берегах. А вот яблоки, дары садов Чернобыля, срывать не решались. Эти фрукты несли беду. Радиоактивная пыль осела на листьях и плодах. Так и остался урожай неубранным...

«Все вы знаете, недавно нас постигла беда — авария на Чернобыльской атомной электростанции. Она больно затронула советских людей, взволновала международную общественность. Мы впервые реально столкнулись с такой грозной силой, какой является ядерная энергия, вышедшая из-под контроля.

Учитывая чрезвычайный и опасный характер того, что произошло в Чернобыле, Политбюро взяло в свои руки всю организацию работы по быстрой ликвидации аварии, ограничению ее последствий. Была образована правительственная комиссия, немедленно выехавшая на место происшествия, а в Политбюро для рассмотрения оперативных вопросов создана группа под руководством Николая Ивановича Рыжкова».

*(Из выступления
Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева
по советскому телевидению
14 мая 1986 года)*

Что мы сегодня, спустя два года, знаем о трагедии в Чернобыле?

Множество самого разного.

Знаем о том, что взрыв на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС рванул в 01 час 23 минуты 48 секунд. Что за черту, обозначенную страшноватым словом «зона», было выселено 135 тысяч человек. О том, что из многомиллионного Киева весной уехали дети. О счете номер 904, открытом в Госбанке СССР, куда поступали деньги для чернобыльцев. О том, что денег никто из нас не пожалел, отдал их — кто сколько мог — все советские люди. И сложились наши рубли во многие сотни миллионов — об этом мы тоже знаем. Известно и то, что ликвидация последствий грандиозной катастрофы обошлась государству в миллиарды. О беспримерном мужестве первых часов страшной апрельской ночи, когда люди, не жалея себя, шли в огонь и были насквозь прошиты смертоносной радиацией, сообщалось подробно...

Итак, много ли мы знаем о Чернобыле?

Да, много.

И все же...

Что известно, скажем, о том, почему полусоттысячная Припять, находящаяся в прямой видимости разрушенного и сочащегося радиацией четвертого блока ЧАЭС, сутки с лишним пребывала в неведении о реальной опасности для каждого ее жителя? Знали ли они, эти жители, да и все мы о том, как вести себя в случае беды — о том хотя бы, что надо закрыть форточки, а детей не пускать гулять? Как сегодня прогнозируется здоровье тех, кто вошел в тревожные медицинские списки? Не случайно сегодня беспокоит специалистов проблема радиофобии — болезни самообмана, охватившей тысячи людей. Не с итогами ли странной «гласности» борются на Украине и в Белоруссии врачи, когда к ним приходят здоровые люди, совершенно убежденные в своих «чернобыльских болячках»?

Подобных вопросов можно задать сотни. Убежден — утолить жажду ответов на них можно будет еще не скоро. И не потому только, что вопросов накопилось много. Но и потому, что в сознании — и «начальственном», и «подчиненном» — за долгие годы сформировалась привычка получать информацию «по рангам». Кому-то можно знать все, кому-то хватит и газетного, ставшего едва ли не анекдотичным сообщения по поводу любой стихии — «жертв и разрушений нет...».

Одна из первых потребностей нашего времени — потребность в правде. Никакие «особые обстоятельства» не должны мешать ее масштабу. Но не секрет, увя, что после аварии, да и до сих пор иные ответственные работники уклоняются от прямых ответов. Привычка делить людей на тех, кому «можно», а кому «нельзя» знать истинное положение дел, уйдет в прошлое не сразу. Но извлекаться от нее, особенно когда речь идет о здоровье и безопасности тысяч людей, крайне необходимо. Чернобыльская беда учила нас многому. В том числе и этому — гибельности ранжирования правды. Апрельский взрыв, всколыхнувший буквально все общество, заставил понять — информация часто стоит вровень с лекарствами, бывает дороже денег, нужнее хлеба. Потому любая правда, пусть даже самая страшная, о Чернобыле, о том, что там произошло, что будет происходить, крайне важна и сегодня. И будет нужна еще долго — мы не имеем права забыть Чернобыль.

Потому необходимо и закономерно появление на свет этой книги — многие фотографии, в ней пред-

ставленные, сильнее и точнее всяких слов. Они — документ того события, что уже стало историей, но еще не утратило остроту боли. Для всех нас Чернобыль высветил высоту подвига и одномерность чиновничьего «миропонимания», высочайший взлет разума и одновременно низость рутин и всебоязни, глубину человеческого сострадания и подлость трусливого бегства.

Чернобыль высветил человека.

Человек и стал героем фотографий, сделанных на атомной станции и вокруг нее. И сразу вслед за апрельским взрывом, и позже, во время нечеловечески напряженных дней работы по ликвидации последствий аварии и после возведения странного сооружения с экзотическим, но вскоре ставшим привычным названием саркофаг...

Конечно, в книгу вошло не все, что могло бы дать полное представление о происходившем в Чернобыле. Да и вряд ли это было возможно — масштабы одной из крупнейших аварий XX века требуют большой дистанции во времени. Взвесить, оценить, понять — для этого требуется время. Но чтобы суметь это сделать, необходимо и увидеть, и почувствовать прежде всего — слезы, боль, страх за близких, отчаянное напряжение труда — всех, кто оказался по месту ли рождения, по долгу ли, по зову ли совести причастным к событиям весны 1986 года на берегах Припяти.

Дела людей, лица людей — героев фотографий — достоверное свидетельство. Таков, во всяком случае, был замысел этой книги. Каждый документ из Чернобыля чрезвычайно важен. Ибо он не только напоминание о произошедшем, но пища для анализа, раздумий, а главное, выводов на будущее. Книга же эта — документальна, фотографии сделаны на месте происшествий, текст написан людьми, видевшими все это своими глазами.

Нехватка информации рождала слухи — один смутнее другого — весной и летом после взрыва. Слухи и домыслы появляются до сих пор. Потому порочна точка зрения тех, кто считает, что Чернобыль — дела давно минувшие: «О чем толковать, когда аварийный блок давно похоронен, а остальные три дают ток? Когда прозвучали слова приговора и виновники взрыва давно развеялись в места не столь отдаленные. Пора кончать разговоры о Чернобыле...»

Нет, не пора! Кто рискнет ответить утвердительно — на всех других АЭС — полный порядок? И после апреля 1986 года не было ни одной поломки, ни одного отказа? Все специалисты на всех других атомных — ответственные и толковые? И население вокруг досконально знает, как поступать в критических ситуациях?

Если все страшное, труднообъяснимое, мало чем оправданное мы станем легко забывать, амнистировать за давностью лет, не получится урок Чернобыля, как и любой другой урок истории, исчерпывающим. Таким, каким требует его сделать само время. Быстро забыть — значит, в будущем разбить лицо о невыученное, повторить не просто ошибку, совершить новое преступление.

Чернобыль — это звонок из XXI века! И еще раз пройти через его испытания без колоссальных, необратимых потерь — невозможно. Итак, что мы сегодня знаем о Чернобыле? Перелистаем эту книгу.

ОКРЕСТНОСТИ ПРИПЯТИ. 28.IV.86 г. 19 ЧАС. 30 МИН.

ЧЕРНОБЫЛЬ. 29.IV.86 г. 7 час

ПРИПЯТЬ. 15.V.86 г. 16 час 20 мин

ЧЕРНОБЫЛЬ. 13.1.87 г. 15 час 30 мин

• ТРАГЕДИЯ
ЧЕРНОБЫЛЬ • ПОДВИГ
• ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Владимир Яворивский.

ИСПЫТАНИЕ

...Еще совсем недавно сюда так стремились киевляне, в этот благословенный уголок тихого украинского Полесья, где грибы «косой косили», где рыбу ловили на «пустой крючок», где из-под ног брызгала красным соком земляника. Но кто знал тогда о Чернобыле? Киевляне, жители соседних районов, а в Москве — разве что энергетики.

Теперь о Чернобыле знают во всем мире. Чернобыль — это трагедия. По отношению к ней можно оценивать человека, ведь Чернобыль — это суровая проверка человечества на солидарность, на умение сочувствовать чужой беде, тем более что ядерная авария не считается с границами.

Очевидец многих послеаварийных событий, приехавший в зону в первой половине мая 1986 года, я многое из увиденного отобразил в своем романе «Мария с полынью в конце столетия», но сказать о Чернобыле все, наверное, не сможет никто и никогда.

Возвращусь к своим записям тех дней. Документальным, нервным, рваным, как кардиограмма человеческого сердца в стрессовой ситуации.

За плотностью всего увиденного, услышанного, пережитого, понятого (да и того, что еще предстоит осмыслить в новом измерении, на совершенно ином уровне) первые дни моего пребывания там, в зоне, эпицентр которой исчисляется от обезумевшего Четвертого, — кажутся далеким прошлым.

...Летающие на Чернобыль колонны машин, под колесами которых плавился асфальт и прогибалась дорога, посты гаишников, прощающих мне очевидное превышение скорости и рискованные обгоны, одичавшие курицы, мечущиеся по пустым деревенским подворьям, забитые и обтянутые пленкой колодцы, угрюмая, обжигающая душу тишина оставленных деревень, полевые лагеря воинских и пожарных частей, пестрота вдруг потерявших смысл указателей сел на разъездах — сознание реагирует только на расстояние до Припяти. Драматизма происходящего на второй-третий день почти не замечаешь, удивляясь только собственной способности молниеносно адаптироваться, когда до предела напряжены чувства, когда после привычного желания увидеть приходит жгучая потребность понять. Почему взорвался реактор, как закрыть его ядерную пасть, почему произошло то, что, как утверждают физики-теоретики и физики-практики, не должно было произойти даже в случае самых невероятных вероятностей? Почему это произошло именно здесь, в Припяти, в молодом городе, где детишек рождалось в несколько раз больше, чем в других городах Украины? На это со временем ответят члены правительственной комиссии. Их можно узнать сразу, хотя депутаты не носят депутатских значков, генералы — погон. Я готов утверждать, что огромная тяжесть ответственности, легшая на их плечи, уже почти материально ощутима даже для постороннего глаза. Они несут это бремя без суесть, как будто готовились к этому испытанию всю свою предыдущую жизнь.

Будем ждать, когда захлопнется крышка реакторного гроба в Припяти, — они переведут дух и расскажут, что произошло в ночь на двадцать шестое апреля.

Меня привело сюда другое: за эти две ночи и полтора дня Припять узнала каждого своего жителя. Сегодня Припять уже может сказать, что на десять тысяч ее людей приходилось по одному трусу и подонку. Этих, последних, она тоже узнала в эти дни и не простит им.

Ситуация высветила каждого. Высветила бескомпромиссно и навсегда.

Еще не знаю, как буду писать обо всем этом, какую форму обретет то, что я узнал и еще узнаю о людях Припяти и Чернобыля в конце апреля и этого, порой даже кажется — просто бесконечного мая восемьдесят шестого. Сейчас не время думать об этом, пока еще память и сознание впитывают все происшедшее и происходящее на этой земле. Уезжают эвакуированные, осознав, наконец, что их вывезли из города не на три дня, как было

объявлено. Теперь они знают, из какого пекла вышли живыми и вывели детей своих. Надо успеть выслушать их, понять, проникнуться их не остывшей еще болью, чтобы потом ответить — почему пятидесятитысячная Припять не поддалась тотальной панике (в субботу вечером еще игралась свадьба, а в школьных классах с закрытыми окнами шли уроки). Если бы это случилось, если бы Припять потеряла голову... Вот один только факт: каждый, кто убежал бы из города в киевском направлении, на мосту путепровода попадал бы в самую опасную зону радиации, последствия которой трудно предсказать. В объявленный день эвакуации каждому припятчанину надо было взять с собой лишь самое главное, что необходимо было спасти и уберечь. Этого уже не могли сделать только двое. Их уже не было на свете.

Валерий Ходемчук, чье сердце остановилось в то мгновение, когда начала свое действие авария, ставшая предостережением всему человечеству. Валерка, который, уходя на смену, на реактор, попросил Наталку, чтобы собрала детишек — завтра поедут все вместе к матери сажать картошку.

Его друга и одноклассника Володю Шашенку, тоже заступившего в ту ночь на смену, вынесут на руках обожженным и облученным врачи и пожарники. Он успеет простонать: «Там... Валера...» — и его покинет сознание, беспомощными окажутся врачи. Тело Володи Шашенки вывезут из зоны и похоронят на первом деревенском кладбище. Валерия не найдут. Похороненный реактор стал и его могилой. И может, на той бетонной стене когда-то напишут его имя. Но разве этим успокоишь его мать?

...Вчера утром я стоял у калитки старенького деревенского дома в селе Кропивня Иванковского района Киевской области. Боялся зайти. Что я скажу матери Валерия Ходемчука? Чем успокою ее? Может, только увеличу и без того безмерную ее материнскую боль? Ведь она, наверное, ждет его, Валерку. По ее деревенскому опыту — умерший только тот, кого похоронили.

Стоило мне приоткрыть калитку, как из дому, спотыкаясь, выбежала хрупкая, измученная горем женщина в черном платке. Она уже все знает, вчера услышала имя своего сына в выступлении М. С. Горбачева, а все-таки ждет...

...Анна Исааковна в сорок пятом встретила своего Илью с фронта, без ноги, израненного. Вскоре он умер на ее руках, но успел родиться Валерка («я вышла, а он, двух лет ему не было, взобрался к гробу отца и будил его: тату, тату, вставай, посмотри, сколько людей к тебе пришло...»). Разве могла она — колхозная звеньевая из деревни Кропивня, воспитавшая четырех детей-сирот, хотя бы предчувствовать, что ее тихий, застенчивый Валерка будет Первым, кто открыл трагический список героев Чернобыля. Он, старший оператор, несущий обычную свою вахту на четвертом блоке, пытался укротить выходящую из-под контроля силу. Пытался. Взрыв не разбудил его детей — второклассника Олега и шестиклассницу Ларису. Но до утра не могла уснуть его жена Наталка — стирала, готовила коржики для Валеркиной матери, всю ночь искала себе работу, чтобы не думать о худшем — увидев, как полыхнуло небо над блоками.

Анна Исааковна рассказывает о сыне, и боль ее на мгновение отступает. Он трижды «повзрел» з того свиту». Знал об этом. Секретов от матери не имел, да, трижды побывал на грани: лет шесть тому назад успел закрыть сорвавшуюся паровую заслонку; тонул, перевоза товарища через Припять на моторке, успел под водой сбросить с себя сапоги и фуфайку; едва избежал автокатастрофы. И все отшучивался: в сорочке вы родили меня, мама, теперь смерть меня испытала, как могла, не скоро придет, лет этак через сто. Она, мама, смотрит на его свадебную фотографию под вышитым рушником, забывает о случившемся, словно разговаривает с сыном. И вдруг умолкает, боль наваливается на нее с неостывшей силой:

— В якому ж ты страшному вогни горів, сыночку? Як же я попрощаюся з тобою? Як би заплакати на твої могилі?! Дз вона?

Наверное, так же плакала и мать Юрия Гагарина, когда узнала о его смерти. Им, матерям, не облегчить свое горе тем, что о смерти их сыновей узнает все человечество. Но мы запоминаем имена их сыновей навсегда, без этой памяти теряется связь времен, без этой памяти и мы неотвратно теряем самих себя.

Анна Исааковна ждала сына в субботу. Не приехал. Ждала все воскресенье. Вечером зашла во двор Наталка с детишками. Перед этим в маленькую Кропивню въехал два автобуса с эвакуированными. Мать почуяла беду и заголосила, но к ней бросился Олежка, который уже знал, что отца у него нет. Он, едва сдерживая слезы, убедил бабушку, что папа во время аварии ночевал дома, что его оставили дежурить на реакторе и он вскоре придет. Украдкой плакали Наталья с Ларисой, но Олег так по-мужски убеждал бабушку, что и они вынуждены были умолкнуть. Утром Олег пошел в местную школу, и даже учительница не заподозрила, что в классе, среди эвакуированных детей сидит сирота и сын первого советского человека, погибшего двадцать шестого апреля этого года именно той смертью, которая может уничтожить все человечество. Когда-нибудь Олег поймет, что смерть отца стала предупреждением всем живущим на этой планете.

Случившееся расставило всех людей по своим местам. Дети стали на несколько лет взрослее, герои стали героями, бездушные — негодьями, трусы — дезертирами.

Я был на первом после аварии партийном собрании атомщиков. Протокол этого собрания — документ уникальный. Здесь ни разу не звучало слово «герой», но в устах людей, только что сменивших с вахты, слово «мужчина» было даже емче. Зато понятие «дезертир» излучало убийственную дозу безразличного презрения. Эти парни имели право назвать трусов поименно.

Почему городская связистка Надя Мисикевич работала на станции так напряженно и до тех пор, пока не потеряла сознание, пока ее не отвезли в больницу? Почему в то же самое время молодая пара не просто панически сбежала из города, но и оставила в квартире отца-инвалида, который получил эту квартиру для них? Отца эвакуировали посторонние люди — милиционеры, увидевшие зажженный свет в окне, когда город уже был пуст.

Почему Валерий Белоконь — припятский педиатр, дежуривший в ту ночь на «скорой помощи», приказал шоферу Анатолию Гумарову гнать машину на место услышанного им взрыва? Не домой, где спала его жена и только что родившийся сын, а на этажи горевшего блока. Они вдвоем вынесли четырех пострадавших, но возвращались и возвращались снова, уже отчетливо понимая, что именно произошло и чем это угрожает их собственной жизни. Когда Валерия Белоконя вместе с теми, кого он спас, отправляли в Москву — он сожалел только об одном: не смог обнять жену и поцеловать сынишку. Не мог, не имел права — теперь уже его тело излучало опасность. Если Валерий будет читать эти строки, я хочу, чтобы он знал: десятки разных людей рассказывали мне о нем с такой необычной в это тревожное время нежностью, что я полюбил его тоже и обязательно напишу о нем в своей будущей книге.

Вот-вот должна была родить жена Сережи Филина, секретаря комитета комсомола припятского завода «Юпитер», а он занимался эвакуацией завода. Он был как будто стожильным, всегда именно там, где нужен в эту минуту. Его жену вывезли товарищи, успев оставить записку в дверях: «Не беспокойся, Наташку отвезем к матери». Он уехал из города, когда ни одно окно в Припяти не светилось. Его отпустили к жене на месяц. Заставили поехать, но он вернулся в Полесье, в свой заводской штаб через четыре дня, извиняясь за задержку, врачи заставили сделать переливание крови. У него родилась дочь, но радость Сергея омрачена: до сих пор не уведомили о своем месте нахождения сорок семь его комсомольцев, как жаль, что не разглядел этих трусов раньше, сидят, как мыши, выжидают, когда все здесь успокоится.

Думаю о крестьянах, которым пришлось покидать свои дома, свою родную

землю, свои колодцы. Стоит перед моими глазами Александра Сапура, баба Леся, как ее называют на новом месте, в селе Коленцы Иванковского района. Жила в своем Куповатом без детей и мужа. Корова была и подругой, и членом семьи. Бабу Леську вывезли вместе с жителями, скот везли на следующий день, и ее корова выпала из машины. Не заметил шофер, уехал. И Александра Кузьминична решает искать корову, как своего близкого, попавшего в беду. Она преодолевает стокилометровый путь, правдами и неправдами уговаривает постовых, обходит их лесными тропами, пробирается в свое обезлюдившее село, находит одичавшую корову, обнимает ее, раздаивает. Звякнув подойником, она выдала себя дежурившим в селе милиционерам. Бабу Лесю вывезли из деревни, и корова была с ней.

А сколько благородства обнаружилось у людей из тех деревень, которые принимали беженцев. У мастера телеателъе из села Блидча Микола Савченко жена с двумя ребятишками лежала в районной больнице. Когда он услышал о трагедии в Припяти и необходимости принять эвакуированных—первым прибежал в сельсовет и забрал в свой дом девять припятчан, накормил, уложил спать, успокоил. Так поступили почти все жители за зоной. Почти. Но были и такие, как Петро Артеменко в той же Блидче. Большой дом, своя машина, живет—не тужит. Наотрез отказался принять кого-либо—полы в новом домище покрасил, испортят, грязи нанесут, украсть что-то могут в квартире.

Перечитываю телеграммы, идущие в адрес Припяти. Документы доброты человеческой, свидетельства сочувствия, рассказы о конкретных поступках. Из донецкой Горловки телеграфирует А. Косова: «У меня дом в Ивановке Киевская, 50, взломайте замок и поселяйте людей». Семья Гамарников из Краснокамска: «Усыновим несколько детей припятчан». Не могу перечислить тысячи приглашений, приезжайте, обеспечим всем, что имеем сами. Но вдруг обожгла руки телеграмма: «Потеряла колечко в сельсовете, срочно верните по адресу... Пищанская». Беда безжалостна, она бескомпромиссно не только ставит все на свои места, она, как рентген, просвечивает душу каждого, кто попадает в ее сети.

О заместителе председателя Припятского исполкома Саше Есаулове (жаль, что фоторепортеры не запечатлели его на своих снимках) я услышал чуточку раньше, чем с ним познакомился. Я сидел в Ивановском эвакуштабе, ждал очереди, чтобы поговорить с Есауловым, взять интервью для украинского телевидения. Передо мною было несколько десятков печальных, растерянных, а то и тихонечко плачущих людей, приехавших из отдаленных деревень района, куда их вывезли поздно ночью двадцать седьмого апреля. Одни разыскивали близких, потерявшихся в этой кутерьме, другие просили отправить их к родственникам в другую область или республику, кто-то просил «на одну только минуточку» в Припять, чтобы взять импортную детскую коляску для грудного ребенка... Сюда приезжали и первые добровольцы со всех концов страны, а Саша и сам не знал, куда их направлять, и объяснял подробно и честно: нужны только специалисты-атомщики.

Два водителя привезли из Брянска груз, но в зону ехать отказываются: вы заварили кашу, вы и лезть в котел, а мы рисковать не будем. Есаулов едва сдерживал гнев, пока вызывал водителей из зоны, груз-то срочно нужен на атомной. Жителей Чернобыльского района он имел право отправлять в Борожанку—туда эвакуированы райком и райисполком, но все, что в его силах, решал сам.

Я не отважился отрывать его от дел для съемки. Сделали это телевизионщики уже вечером, когда иссяк поток посетителей. Он говорил кратко, охрипшим от сигарет и крика в телефонную трубку голосом.

Телевизионщики уехали в Киев, а я оставался надолго. В перенаселенной комнатухе нашли место и для меня. В конце двора протекала речушка Тетерев. Каждый из нас едва превозмогал искушение сбросить пропотевшую, покрытую радиоактивной пылью одежду, искупаться в реке, но все знали: это

опасно, дежуривший на берегу солдат сочувственно посматривал в нашу сторону.

Наш бивуачный быт, наши разговоры до глубокой ночи (ночью телефонистки переключали штабной телефон на «квартиру» Есаулова, и аппарат умолкал только под утро)—все это сблизило нас мгновенно.

Среди своих коллег Саша был самый везучий: за несколько дней до аварии он отправил жену с двумя детьми (один ребенок—грудной) к его родителям, в Винницу. О них он теперь думал редко, но знал, что они постоянно думают о нем, помня его отчаянный характер.

В то время, конечно же, было невозможно заставить Сашу по горячим следам записать хронометраж первых послеаварийных часов и суток, но я, улучив момент, все-таки попросил его: запиши, а то уйдет навсегда, ведь ты был в самом эпицентре событий.

Теперь этот редкостный документ находится у меня, и Саша, отработавший в зоне больше года и уехавший в Киев, звонит мне и просит: дай почитать, самому интересно...

Из воспоминаний Александра Есаулова:

«Что было в пятницу, 25 апреля, практически не помню. За исключением одного эпизода. Да и тот вспомнил не сразу. Пришел ко мне капитан, преподаватель военной подготовки из СПТУ № 8 и попросил подписать заявку на выделение автобусов. Вопрос был сложным, так как на эти выходные было очень много заявок. Но суть не в этом, главное—как была написана заявка? Текст ее был такой: просим выделить автобус для отправки на соревнования в Лютеж одного взвода в количестве 14 человек и 4 девочек. Я рассмеялся от души и дважды прочел текст вслух, но капитан так ничего и не понял, хотя лицо его было напряженным. Это единственное воспоминание, которое побилось сквозь лавину событий.

Телефонный звонок поднял меня примерно в 3.30 или в 3.40. Точно не помню. Удивляюсь, что телефон меня разбудил, сон у меня обычно могучий. Звонила секретарь исполкома М. Боярчук. «Бегом на работу! На атомной серьезная авария». Я второпях оделся и выскочил на улицу. У соседнего дома стояли милицейские «Жигули». За рулем был начальник городского ГАИ Иваницкий, который и подбросил меня к исполкому. По дороге он немного дополнил информацию, я впервые услышал, что произошло разрушение блока. Но о действительных размерах аварии не подозревал. Без четверти четыре я уже стоял в кабинете председателя исполкома В. П. Волошко. Обстановка и для него была совершенно неясной. Ощущения большой беды еще не было. Теперь я понимаю, что дирекция атомной просто скрывала от нас истинную картину. Чувство беды появилось у меня только тогда, когда из окон своего кабинета я увидел проносившиеся РАФы «скорой помощи», летящие в сторону медсанчасти. Везили пострадавших. Я понял, что произошло что-то очень серьезное. Линии междугородной связи были уже отключены, хотя сюда, в город еще можно было звонить по автоматике.

В 5.07 председатель исполкома дал указание отменить все рейсы из города. Я бросился к телефону, но диспетчер автостанции не отвечала, а первый автобус в Киев должен уйти в 5.10. По всей вероятности, диспетчер проверяла билеты и отправляла автобус. Наконец, она взяла трубку, но автобус уже ушел. Первый и—последний.

Через несколько минут я получил новое задание: организовать мойку автобусов и проконтролировать выполнение запрета на выпуск автобусов. В 5.25 я уже был на территории автопарка. Водители группами ходили по двору, перешептывались между собой. Неизвестность продолжалась...

Долго разыскивали мойщика. Наконец, нашли, но он не смог запустить насос. Уехал с кем-то консультироваться, приехал опять, и мы начали поливать дорогу. Именно поливать, а не мыть. В душе я честил руководство

Минэнерго, которое не обеспечило город достаточным количеством поливочной техники. Всего в городе было 4 поливочные машины и три или четыре трактора с прицепами-цистернами. И это несмотря на наши многочисленные просьбы.

Наконец автобусы вымыли, дорогу полили.

Позвонили из исполкома и сказали, что в 10.00 будет совещание. В 9.30 я уже был в исполкоме, председатель успел предупредить меня, чтобы после совещания я отправлялся в медсанчасть и там занимался координацией работы медслужбы.

Совещание началось, по-моему, не в 10.00, а минут на пятнадцать позже— присутствовал второй секретарь Киевского обкома партии В. Г. Маломуж. С сообщением выступил председатель исполкома товарищ Волошко. Оно было очень кратким: произошла авария, частично разрушен блок, **все в городе должно оставаться без изменений. Все мероприятия— по утвержденным планам. Никаких отмен!** (Подчеркнуто мной.— В. Я.)

Я поймал секретаря парторганизации санчасти Кузнецова, и мы пошли вместе к больнице. С нами шел секретарь парткома Управления строительства Шевцов. Он был уже на месте аварии и видел своими глазами куски уран-графита и бетона, разбросанные на большое расстояние вокруг реактора и атомной, сказал, что они излучают смертельную опасность и есть уже много потерпевших.

Погода стояла чудесная. Ни ветерка, абсолютный штиль, солнышко. Это было очень кстати. Если бы в тот день было ветрено, последствия аварии были бы еще более страшными и трагичными...»

Надежда Макаренко, женщина лет сорока пяти, никакого отношения к атомной энергетике не имела. Она работала заведующей ателье индпошива. Знала, что живет в городе атомщиков, что рядом с городом работает станция. Чистая, мощная, дающая прибыли, дающая ордена и медали сотрудникам, дающая им чувство превосходства над другими. Там, на станции, зарабатывают хорошие деньги и могут пожить в свое удовольствие.

О четвертом реакторе только слышала. Сколько там их, этих реакторов, толком не знала. Зачем ей это? И не узнала бы никогда. Есть хорошая работа, есть двенадцатилетний сын Алешка, муж Федор, квартира, рядом Киев, есть дачный участок, где можно поковыряться в земле... Чего еще?

Конец апреля. Люди спешат на дачи, сажают огороды. Вечером, в пятницу, уговорила Федора: давай завтра поедем на участок, посадим картошку. Он согласился: поедем, подыдемся часов в шесть—и на огород. Поужинали, легли спать.

Спали крепко, чтобы выспаться и хорошо поработать на огороде.

Утром Надежда весело приготовила завтрак, Алешка побежал в школу, а они с Федором, одевшись попроще, пошли на окраину города, а оттуда уже недалеко и до участка.

— Федор, что это за невидаль: с утра моют улицу из поливальной машины. До Первомаи еще далеко...

— Наверное, какое-то высокое начальство посетит нашу Припять— вот и стараются власти.

— Так как же они «пыль в глаза пускать будут», если вымоют город?— улыбнулась Надежда и тотчас же умолкла— увидела множество милиции на выезде из города, суетящихся шоферов, чьи машины задержали. Некоторые пешие дачники возвращались обратно.

— Вора какого-то ищут, что ли?— спросила Надежда у незнакомого мужчины, шедшего им навстречу.

— Черт их знает. Не говоря, но за город не выпускают. Ни людей, ни машины. «Нельзя!»— и все тут. Только и удалось узнать: авария какая-то на станции. Ну, и что, починят, а при чем здесь жители города?

Позднее знакомая женщина (заказывала как-то платье, срочно надо было

пошить) сказала, что авария серьезная, что людей не выпускают, чтобы не было паники, пока не отремонтируют реактор.

Надежда с Федором вернулись домой: ладно, завтра или в следующие выходные посадим картошку, в городской квартире тоже хлопот хватит.

По городу гуляли люди, в универсаме выбросили дефицитные товары (понятно: конец месяца, надо план выполнять торговле). Прямо на улице «давали» мужские модные рубашки, с погончиками, с коротким рукавом, со вкусом пошить (Надежда понимала в этом толк). Она заняла очередь. Ожидая, люди говорили об аварии, судачили по-разному, но ни страха, ни паники не было. В основном сетовали на медлительного продавца, долго отсчитывающего сдачу, вступающего в долгие споры с покупателями. Кто-то сказал, что в больницу навезли много обожженных людей, но ему не очень поверили.

Наконец купила Федору рубашку, успела забежать в молочный магазин и к обеду пришла домой. По улицам мчались пожарные машины, но это не удивляло: сказано же — авария, загорелась крыша на атомной, раз так, много пожарных — быстро потушат и все станет на свои места.

Прибежал из школы Алешка. Принес четверку и какие-то бледно-коричневые таблетки: выдали ученикам, но не все отважились проглотить — очень горькие, вот и он спрятал в карман, принес домой. В школе тоже говорили об аварии, старшеклассники не отпускали малышей гулять на улицу во время перерыва. Учителя суетились, часто прерывали урок, надолго уходили в учительскую.

Неясная, расплывчатая, как весенний туман, тревога омывала душу Надежды. Не страх, тревога. Радио передавало об успешном ходе посевной на юге Украины, о бригадном подряде в колхозах, выступил хор имени Веревки с концертом украинских народных песен — это немного успокаивало.

Убрала квартиру, вымыла окна, постирала мужу и Алешке рубашки к празднику. Вместе посмотрели программу «Время» — об аварии не сказали ни слова — значит, маленькая, незначительная, местных припятских масштабов.

В 21.30 в дверь позвонили.

— Мы из гражданской обороны города. Возьмите по таблетке на каждого члена семьи, выпейте обязательно. Это — против радиации. Ничего страшного не случилось, но на всякий случай надо выпить для профилактики, и не открывайте форточек, так будет лучше.

Надежда налила всем по стакану компота, заставила мужчин проглотить таблетки и запить.

Посмотрели концерт по телевидению, выкупались и легли спать. Спали крепко, разбудил всех пронзительный гул, от которого дребезжали стекла в окнах, звенели хрустальные рюмки в серванте.

Федор выскочил на балкон: низко над домом кружил вертолет. На часах — 5.30 утра. Разглядели: вертолетов несколько и летают они так низко, что лица летчиков можно рассмотреть — все они в марлевых повязках, словно боятся заразиться гриппом.

В 6.40 в дверь настойчиво позвонили и постучали кулаком. Пришла женщина из ЖЭКа. Не заходя в квартиру, сказала:

— Включите радиоточку на полную громкость! Не выходите из дома, не открывайте окна! — и ушла звонить соседям.

— А может, это учения гражданской обороны? Всего лишь учения... — сказал Федор, и Надежда снова немного успокоилась. Даже отпустила мужа в магазин за молоком.

Она варила обед, но не отходила от радиоточки на кухне.

В 13.10 в громкоговорителе что-то затрещало, передача из Москвы прервалась на полуслове, и в местный эфир вышла диктор Припятского радио Нина Мельник.

— Уважаемые припятчане! — голос Нины дрожал и срывался. Чувствовалось, что ей очень хочется быть спокойной, уверенной в себе, но не

получалось. Очень чувствовалось, что не получается.

— На нашей атомной станции произошла авария. Просим сохранять спокойствие. Соберите самые необходимые вещи, нужные вам всего на три дня: продукты и одежду. В четырнадцать ноль-ноль к подъезду вашего дома будет подан автобус и вас пригласят на посадку...

Диктор повторила сказанное еще раз, но Надежда уже не слышала ее: за пятьдесят минут надо собраться! Где Федор? А вдруг опоздает, да будь оно проклято, это молоко!

Что брать? Как оставить без присмотра квартиру? Три дня всего, значит, к майскому празднику будем дома. Куда повезут нас? В лес, станем лагерем на берегу реки, а спать? Ночи еще холодные, земля сырая... Где же Федор, посовесоваться не с кем. Она набивала сумку колбасой, тушонкой, вынимала из холодильника все, что пригодила к празднику.

Четырнадцать часов! Федора нет, ну и слава богу, не зовут спускаться к автобусу. Может, действительно это учения. Что же, это тоже надо, но зачем перед самым праздником?

В 14.50 — наконец! — прибежал муж. Без молока. Бледный, растерянный: значит, все это — правда.

— Собралась? Город вывозят! У многих подъездов уже стоят автобусы и милиционеры. Только что подошел и наш автобус, «Икарус» с киевскими номерами. Значит, повезут в Киев...

На лестничной площадке уже слышались торопливые шаги, отрывистые разговоры соседей. Федор закрутил все краны, выдернул из розетки шнур телевизора, перекрыл газ, подхватил сумку с продуктами. Денег было немного, ведь в понедельник должны были дать зарплату. Нашли рублей тридцать — хватит на три дня. Надежда взяла для Федора купленную вчера рубашку — наденет в Киеве.

Закрыли квартиру. Работница ЖЭКа при них опечатала дверь, спустились к подъезду.

Заняли три места в автобусе, мест хватало всем, но было тесно — каждый с сумкой, кто-то держал собаку на руках, кто-то грудного ребенка.

Можно бы ехать, да случилась долгая заминка: девятилетняя бабушка Агафья Костюченко, баба Агафья, которая похоронила этой зимой своего единственного сына и осталась одинокой, — наотрез отказалась ехать: «Мне уже все равно, детки, какая разница где помирать. Не поеду. Без своего дома я уже три дня не проживу, а тут и стены помогают...» Закрылась в квартире и не откликается. Молодой милиционер сказал:

— Ладно, езжайте. Я буду советоваться с начальством, как быть со старухой...

В 16.00 автобус выехал со двора. Выехал быстро, но потом влился в колонну и двигался мучительно медленно, где-то там, впереди, образовались пробки, автоинспекторы нервничали. В автобусе была жарница, кто-то пытался открыть окна, но его затюкали женщины с маленькими детьми.

Проехали село Копачи, а под Чернобылем опять застряли. Надолго. Многие выходили из автобуса, гуляли, бегали по нужде в лесопосадку, мужчины курили, женщины с грудными детьми меняли пеленки, переговаривались: «Какая там у черта радиация, солнышко светит, сады цветут, птицы летают...» И действительно: где она? Не видно, не печет, не кусается, не слепит. Только горло дерет, но это, наверное, от выхлопных газов — сотни автобусов чадят вдоль трассы. У некоторых голова кружится и подташнивает, но это от жары, от духоты в автобусе.

Поехали дальше. Медленно, с остановками двигались в сторону Киева. Иванков шумел, как улей, навстречу шли бронемашин, колонны пожарных машин, бетоновозы, грузовики с милицией и солдатами. Здесь объявили: «Кто имеет родственников или надежных знакомых в Киеве — могут выйти. Кто не имеет — оставаться в автобусе!»

Несколько человек вышло и пересело в другой автобус. За Иванковым

свернули направо. Наконец, дорога была свободной.

Остановились в селе Блидча, в центре, возле сельсовета, где собралось много людей, они уже давно ждали эвакуированных.

Начали быстро разбирать: кто семью, кто две сразу. Шутка ли: в Блидче 927 жителей, а вдруг приехало еще 900.

Семью Макаренко взял к себе Микола Савченко. Тот, у которого жена с двумя детьми находилась в больнице, но взял он к себе еще девять человек, приготовил для них ужин, нагрел воды, чтобы смыли с себя радиоактивную пыль. Разместил всех, успокоил. Господи, есть же такие люди на нашей земле, думала Надежда, уложив Алешку спать, а сама еще долго помогала хозяину на кухне. Легла последней, но до утра так и не сомкнула глаз: что будет? Чем все это кончится? Откуда эта беда на наши головы? Говорят, что мы не скоро вернемся в родные гнезда, что вот так и будем зимовать по деревням. А многие выехали без копейки в кармане. Кто-то пустил слух, что и Киев будут вывозить...

Из воспоминаний Александра Есаулова:

«...27 и 28 апреля мы работали с Володией Печерицей — начмедом нашей санчасти. Где-то в 10.40 или в 11.00, точно не помню, приехали из Москвы, из шестой клиники врачи Е. Д. Селидовкин и В. В. Левицкий. Специалисты по «лучевке». Особенно мне запомнился Селидовкин. Среднего роста, лицо в веснушках, с бородкой. Обаятельный, умеет пошутить даже в самой тяжелой ситуации, по всей вероятности, высококвалифицированный специалист. Печерица руководил всем твердо и уверенно. Возникло несколько организационных вопросов.

К моменту, когда я пришел в медсанчасть, было уже госпитализировано несколько десятков человек, но пораженные продолжали поступать. Для того, чтобы всех разместить, пришлось отправить по домам больных наркологического отделения, затем всех, кто мог идти. Это крайняя мера, но другого выхода не было.

Медики подсчитали, что наличие йодистых препаратов не обеспечивает проведения полной профилактики среди населения города. Надо было срочно что-то решать. В мирной ситуации я бы звонил своему начальству, советовался. Но сейчас времени было мало, надо действовать. К черту субординацию! Позвонил первым секретарям Чернобыльского и затем Полесского райкомов партии — Амелькину и Приймаченко. Чернобыль дал 25 кг нефасованного йодистого кальция, а Полесье — 900 готовых упаковок. Это позволило нам продержаться до прибытия транспорта из Киева. В дальнейшем прямое обращение к руководству любого ранга оправдало себя.

Но вернемся назад. Мы еще не до конца осознали опасность. Окна кабинета, где мы сидели, целый день были открыты, и сколько лишних миллирентген мы получили, сказать трудно. Пораженные продолжали поступать, хотя все места уже были заняты. Это и была моя работа — доставать в городе ложки, стаканы, тарелки, белье и многое другое. А медики занимались своим делом.

Где-то часов в 9 вечера позвонили из исполкома и приказали явиться к Малому (второму секретарю Киевского обкома КПСС). В кабинете были Малому, генерал со Звездой Героя (Иванов. — В. Я.), члены правительственной комиссии. Владимир Григорьевич сказал, что я должен организовать перевозку тяжело пораженных в Борисполь, в аэропорт. Генерал добавил, что отдает свой личный самолет, который находится на аэродроме, в Борисполе, чтобы отправить больных в Москву.

Печерица распорядился готовить из отобранных документы — выписки из истории болезни. Это для того, чтобы в Москве легче было определить полученную дозу радиации.

Я же занялся транспортом и милицейским сопровождением.

Готовились к вывозке 26 человек, самых тяжелых, в основном пожарники и работники смены ЧАЭС. Надо сказать, что наша медсанчасть-126 работала очень четко. Володя говорил, что на тренировках количество «пораженных» не выходило за пределы двадцати, а здесь — за сотню. В пакеты собирали рвотную массу, одежду — это тоже для анализов в Москву. Пораженных мыли, переодевали. Я наблюдал симптомы лучевой болезни: сначала головокружение, слабость, потом рвота. Если рвота наступает в первые полчаса — это свидетельство тяжелой степени заболевания. Потом, через 2—3 часа начинается период возбуждения. Человек невменяем. Водителя «скорой помощи» Гумарова, который вместе с врачом Белоконом первыми оказались на месте аварии, щуплого, худенького парня, едва удерживали на кровати четыре человека.

Среди этих 26 было двое лежачих, с большими ожогами. Их предполагалось вести в каретах «скорой», остальных — в автобусах.

Автобус подошел часов в 10 вечера. Началась погрузка больных. Но не было машин сопровождения, несмотря на договоренность с УВД и генерал-лейтенантом Бердовым, заместителем министра УВД Украины. На все звонки в райотдел следовал стереотипный ответ: ждите, машина на подходе к Припяти.

Мое терпение лопнуло. Распорядившись, чтобы колонна подъехала на центральную площадь, я побежал в исполком. Рассказал председателю, в чем дело. Он позвонил дежурному, старшему лейтенанту Кубко, и выдал ему, что называется, по первое число. Выскакиваю на улицу. Колонна стоит у исполкома, машин сопровождения нет. Это переполнило чашу моего терпения. От автобусов я отходить боялся: если подойдет машина, мы можем разминуться, ведь на площади — тьма машин. Я попросил сопровождающего врача снова сбегать к председателю. А сам мотался вокруг автобуса и ругался. Наконец, не выдержал и тоже побежал в исполком, уже созревший для того, чтобы любой ценой достать милицейскую машину. И вдруг возле комнаты Государственной комиссии встречаю своего врача, буквально придавившего к стене какого-то полковника милиции. Он-то и дал команду дежурному по горотделу сдать дежурство и сопровождать колонну на Борисполь. Через несколько минут подъехали гаишные «Жигули» и колонна тронулась.

Так мы потеряли около часа. До сих пор, когда вспоминаю это, — во мне закипает гнев. В дороге выяснилось, что машина сопровождения стояла у горотдела, но кто-то приказал шоферу ждать начальника областного ГАИ. Зачем — неизвестно.

За Копачами мы встретили киевскую «Волгу» с мигалками, она возглавила колонну, и мы помчались в Киев.

Нас бережно передавали, как говорится, «из рук в руки», фиксировалось прохождение каждого села по рации. Под Киевом нас встретила машина городского ГАИ, и мы, проскочив сонный город на большой скорости, вылетели на Бориспольскую трассу. Вот и Борисполь. Аэродром. Выскакиваю — ворота на замке. Начал стучать кулаком в ворота. Минут через десять на дорожке появился вахтер. Ворота открылись — и колонна покатила на взлетное поле. Наша «Аннушка» стояла третьей с краю. Через несколько минут появился экипаж и началась погрузка. Ко мне подошел капитан, хорошо помню содержание нашего разговора, возмущившего меня до глубины души.

— Сколько получили эти ребята? — спросил он.

— Порядочно, — ответил я.

И капитан начал возмущаться, что, дескать, мы — молодые, хотим жить, это вам, атомщикам, все равно...

Для спора времени не было, и я просто оборвал его: есть приказ и выполняйте его.

Люки закрылись, заревели моторы, и самолет ушел в ночь.

Было ровно 3 часа.

Подошел шофер «Икаруса» и попросил вымыть автобус. Вместе с местной

милицией поехали на мойку в Борисполь, но скоро возвратились: оказалось, что в Борисполе с часу до шести вода отключается. Тогда нас выручили местные пожарные.

Я доложил в обком о выполнении задания, в восемь часов утра мы снова были в Припяти. Вдоль всей трассы уже стояли автобусы в ожидании эвакуации. После всего пережитого и увиденного меня уже не поражало ничто. Действовать, действовать, действовать!»

(Позже я узнал, что врач и медсестра, сопровождавшие первую партию пораженных, были госпитализированы в Москве вместе со всеми больными)».

В зоне, среди оставшегося персонала упорно ходили слухи, что главный инженер ЧАЭС Н. Фомин и его заместитель по науке Лютов арестованы, увезены в Москву и против них началось следствие.

Брюханов еще возглавлял станцию. Я встречался с ним несколько раз в штабе, размещенном в бывшем пионерском лагере «Сказочный», возле деревни Иловница.

Освободившиеся от вахты атомщики жадно выхватывали у почтальона письма и телеграммы, летящие сюда из всех уголков Советского Союза, с короткими сообщениями мужьям, братьям, отцам: находимся там-то, доехали благополучно, все живы-здоровы, береги себя, сообщи, когда возвращаться в родную Припять? Многие еще не получили такой весточки.

В середине мая начали выдавать государственную помощь всем эвакуированным из города и Чернобыльского района. Люди были без денег, для многих эта помощь — временное спасение. Вот тут-то, в Полесском, куда эвакуировалась вся городская власть Припяти, население выросло в несколько раз. Наконец, обнаружили себя даже те, кто отмалчивался все эти трудные дни, ничего не сообщая о себе, о своем месте пребывания.

Из отдаленной деревни приехала женщина с тремя детьми. Добиралась долго, на попутках с пустым кошельком, с маленькими, уставшими детьми, которых кормила все эти дни одинокая старушка-хозяйка.

Приехала, отыскала старое помещение школы, где выдавали по спискам помощь. Отстояла полдня в очереди, приблизилась к окошку, назвала фамилию. Кассирша долго листала ведомости, а потом удивленно сказала:

— Вы, милая, уже получили. Муж ваш расписался за всех, вот и доверенность есть, вами подписанная и заверенная печатью. Да-да, получил на себя, на вас, на троих детишек. Солидная сумма.

Мужа после аварии она не видела, в пятницу, двадцать пятого, он уехал с друзьями на рыбалку. И не вернулся. Она собрала детей и выехала из Припяти вместе с жителями своего дома. Все ждала, что муж вот-вот отыщет ее в деревне. Деньги он получил еще позавчера, когда начали выдавать помощь, в первый же день. Кассирша точно помнит: получила старушка на костылях, а потом мужчина... по доверенности, торопливо сгреб сотенные бумажки и, расталкивая локтями толпу у кассы, выскочил на улицу.

Я и сейчас вижу, как плачущая женщина идет улицами Полесского, позади бегут, сбивая песочную пылицу, ее дети:

— Мама! Мамочка! Купи нам сладенькой воды, вон тетя продает...

Через несколько дней я разговаривал со следователем, который приехал, чтобы заняться этим делом. Он, много повидавший в этой жизни, не мог скрыть своего гнева:

— Нет, я найду этого мерзавца! Суть не только в подделке доверенности... Такая мразь живет среди нас...

Не называю его фамилию — велика честь. Да и, пожалуй, кощунство: оставить ее на этих страницах в народном горе. Пусть останется безымянным подонком.

В Припяти и в опустевших деревнях Чернобыльского района дежурили наряды милиции, прибывшие сюда из всех областей Украины вместо тех, первых, которым врачи предписали покинуть зону. Они обследовались в госпиталях Киева. Вновь прибывшие милиционеры, все, как один, доброволь-

цы, несли дежурство круглосуточно.

В один из майских вечеров я выступил перед теми, кто освободился от дежурства, теперь узнавали меня на многих опустевших дорогах зоны (то ли знали в лицо, то ли потому, что машина с пропуском на лобовом стекле была здесь единственной частной и ее легко было приметить). Так или иначе меня пропускали, не проверяя документов. Маленькая радость тогдашнего зонного быта.

Каждый сменившийся с дежурства обязан был написать рапорт о прошедших сутках.

Из донесений того времени:

«Нес дежурство в селе Рудня Иллинецкая Чернобыльского района. В одном из дворов во время обхода обнаружил в сарае корову. Корова ела свежее, недавно скошенное сено (трава и зеленый клевер). Осмотрел корову—ее недавно доили. Обошел все вокруг. Дом на замке. Следов жизни никаких. Долго вел наблюдение, но никто так и не появился. Наверное, хозяйин или хозяйка, которые не эвакуировались, меня заметили и прячутся.

Сержант Гурулько»

«...В деревне Опачечи Чернобыльского района, 24.05.86 г. я, старший лейтенант Мельник (из Ровенской области), при обходе домов обнаружил во дворе Шевченко Ивана 20 (двадцать) литров самогона, накрытого в сарае старой фуфайкой. Уничтожил самогон, вылив его на землю. Других событий за время дежурства не было...»

«...В деревне Осташево Чернобыльского района, в лесу обнаружил табун колхозных лошадей, всего 35 (тридцать пять). Лошади принадлежат колхозу имени «Перше Травня». Перегнал их за зону, передал по акту в колхоз имени Ленина.

Лейтенант Гусько»

«...В селе Корогод обнаружено много (посчитать невозможно) кур, коз, свиней, коров, собак, индюков, кошек. Все—одичавшие. В одном дворе собака на цепи. Хотел отвязать, но она не подпускает к себе. Возле нее—много костей, наверное, задрала козу.

В деревне Разъежье обнаружил в усадьбе два бидона готовой закваски. Опрокинул их.

Мл. сержант Кудрявцев»

«...В деревне Страхолесье, возле самого КПП, обнаружил мину времен войны. Вызвали саперов, вывезли мину в лес и там взорвали...»

«...Во время объезда деревень в зоне задержали военнослужащего Зимина А. П. (51 г. рождения, уроженец Горьковской области), который приехал в деревню на БТРе и пытался проникнуть в один из домов в селе Куповатое. При задержании объяснил, что хотел раздобыть водки, ведь все равно пропадет. Задержанный передан в военную комендатуру».

«...В селе Товстый Лес обнаружил 22 человека (двадцать два) неэвакуированных. Список жителей прилагаю...

Лейтенант Андрусь (винницкий взвод)»

Володю Шевченко (Володю, но на «вы»!) я знал давно: он часто приходил к нам в редакцию, наш ответственный секретарь Игорь Малышевский был постоянным сценаристом его документальных и художественных фильмов. В прокуренной комнатухе ответсекретаря они ссорились и бурно обнимались, глушили кофе, шумно «проигрывали» между собой диалоги. За документаль-

ную трилогию о Великой Отечественной они получили Шевченковскую премию. Словом, черный беретик режиссера и седые, прокуренные усы были каким-то милым атрибутом нашей редакции. Сам Володя Шевченко излучал беззащитную доверчивость, мужскую надежность и нежную суровость. Да-да, нежную суровость.

Я уже несколько дней был в зоне, уже обжился здесь, преодолел скрываемый от других страх и растерянность, обзавелся знакомыми в Ивановском, Полесском районах, в Чернобыле. Уже писал первую статью для «Правды». Уже моя машина, выскочив на обочину, хватанула в правый задний подкрылок четыре миллирентгена и ее едва отмыли пожарные, стоявшие лагерем на берегу Тетерева.

И вдруг на площади, возле Дома культуры в Иванкове, промелькнули усы и черный берет. Шевченко! Он вскипал негодованием:

— Понимаешь, семнадцать дней угробил на то, чтобы пробить право снимать фильм в зоне. Давай им сценарий, они будут его по кабинетам утверждать. Какой сценарий! Он в двух словах: преступное головотяпство одних и героизм других. Вот это надо снимать, а сценарий я сделаю уже за монтажным столом. Две недели таких событий уже навсегда потеряны. Тебе хорошо: взял блокнот, магнитофон и поехал. Кстати, думай уже сейчас о сценарии художественного фильма. Думай, старик, а мне надо снимать хронику—это теперь главное.

В ту ночь мы приняли его в нашу тесную «рукавичку» и, конечно же, не спали до утра. Он был свежее нас, хотя многим годился в отцы, «провоцировал» на философские разговоры о смысле жизни, о тех процессах, которые начались в нашей стране, честил своих кинобюрократов, на борьбу с которыми ушло столько сил, эмоций, нервов. Он «вскипал» почти до утра, измотав нас и своими вопросами, и своими мыслями, и своей страстью. Ребята (партийные и комсомольские работники Припяти) потом еще долго поражались его открытости, полемической остроте его суждений, даже некой эмоциональной задиристости.

Шевченко уехал в глубину зоны со своей группой, куда отобрал надежных и терпеливых хлопцев, которых не надо было подгонять поближе к реактору, их надо было все время останавливать, по-отцовски беречь, особенно Витю Крипченко, который ради правдивого кадра готов был взобраться на стенку разрушенного блока, идти на прямую радиацию.

Мы мельком встречались то в Чернобыле, в прокуренных коридорах помещения правительственной комиссии, то в коридорах АЭС, то на улицах Припяти. Непривычной была только белая шапочка робы атомщика на его голове—вместо загрязненного радиоактивной пылью берета. Он все спешил куда-то, ругал какое-то начальство, не пускающее группу в опасное место. Сигаретный дым вился над его головой, как седина.

Через месяц я уехал из зоны, а он со своими «казаками» остался.

В конце июля он разыскал меня в Киеве:

— Завтра после обеда едем в зону. Хочу снять для фильма эпизод с тобой. На четвертом блоке. За три минуты ты должен сказать перед камерой все, что думаешь о Чернобыле.

Мы приехали в Чернобыль поздно ночью. Киногруппа имела в бывшем общежитии медучилища свою комнатушку, где размещалось человек десять. Сразу легли спать, чтобы с утра ехать на блок.

Среди ночи я проснулся. Володя (его койка была рядом) страшно, непрерывно кашлял—казалось, что все переворачивается в его груди. Кашель этот был каким-то бесконечным, истощным, от него дребезжали стекла в окне. Володя отрывался от подушки, хватался за грудь, опять падал навзничь. И—кашлял, кашлял, кашлял. Я в испуге подбежал к его кровати, тихо позвал, но он—спал. Спал и кашлял. Страшно, глубоко, надрывно. Я подал ему стакан воды, он отглотнул немножко, открыл глаза и уснул снова.

Я уже не мог успокоиться, тяжелое, мрачное предчувствие вошло в эту

тесную комнату, за окнами которой был давно обезлюдевший Чернобыль.

С тех пор прошло всего два месяца. За это время он уже отснял рабочий материал своего фильма. «Чернобыль: хроника трудных недель», он гордился уникальными кадрами, ради которых шел на прямую радиацию, сутками сидел на АЭС, выскакивал из бронетранспортера с камерой на плече.

В тот день он снимал роботов, запущенных на крышу, на обломки четвертого блока, где еще не ступала человеческая нога. Мы с группой пробрались на чердак третьего реактора к пролому, с которого можно было увидеть этого раненого зверя, излучающего смерть. Кадр не получался. Володя жадно курил, нервничал. Не потому, что не получается впечатляющий кинодокумент, а потому, что его ребята получают лишние миллирентгены, а он ничем помочь не может.

Он выхватил камеру у Вити Крипченко:

— Спрячься! Тебе ж еще жить и жить, детишек иметь... Я сам сниму! — и еще раз бежал к пролому.

Он не пошел к врачам и тогда, когда весь материал был снят, хотя прекрасно понимал, что надо уехать. Знал, ибо часто повторял:

— Вот поставлю точку и мотану на Кавказ, выдышу всю эту накопившуюся в груди и теле гадость.

Но не уехал, начал, сутками не выходя со студии, монтировать фильм. Он спешил, понимая, как ждут люди этой ленты, его киноправды о случившемся в Чернобыле. И этот фильм мог выйти на экраны первым, в октябре. Но Шевченко свалился.

Он поднялся с больничной койки только для того, чтобы записать интервью для телевидения.

А вскоре на его похороны собралась почти вся творческая интеллигенция Киева. Ветер, дувший в тот день со стороны Чернобыля, осторожно теревил его прокуренные усы.

А на экранах страны шел документальный фильм «Чернобыль: хроника трудных недель». Последний фильм Володы Шевченко.

...Источно орут лягушки в теплых разливах Припяти. Словно испугались тишины в этом всегда шумном городе.

На многих балконах висит пересохшее, полинявшее уже белье, детские штанишки, женский халат. Сквозь незакрытую форточку выдернулась штора, и ветер хлестает ее концом по окну.

Брошенные в песочницах детские игрушки, трехколесные велосипеды. Очумевшие воробьи на детских качелях...

Размытая дождями, выгоревшая на солнце афиша, извещающая о том, что в городе начинаются областные соревнования по борьбе.

Дверь гостиницы закрыта на замок, опечатана. И рядом — привычная табличка: «Свободных мест нет».

«Жигули» на тротуаре. Водитель врезался в электрический столб и оставил здесь машину.

Жуткое ощущение: есть город, вот он перед глазами, можно выйти из бронемашин и прикоснуться к нему рукой. Есть в нем школы и детские ясли с кроватками и игрушками, гостиница, кафе и рестораны, есть магазины с забытыми продуктами холодильниками, есть множество уютных, со вкусом обставленных квартир со всеми удобствами, есть телефонный узел, мастерские и ателье, заводы и фабрики, кинотеатры и общепития, парк с «чертовым колесом», железнодорожный вокзал (рельсы успели поржаветь, поезда уже объезжают зону), речная пристань, базар, Дом культуры, Доска почета... Все-все есть.

Но нет людей! Здесь живет только невидимый оккупант — радиация. Он ждет каждого, кто здесь появится. И не будет спрашивать удостоверения личности, кто ты по национальности, не обратит внимания на твой возраст, пол, не поинтересуется, какие идеи ты исповедуешь...

Между бетонными плитами выросла высокая трава, на которой лежат лепестки уже отцветших деревьев.

С городской Доски почета смотрят на тебя десятки человеческих глаз. Это взгляды еще оттуда, из доаварийного времени, из доаварийной жизни. Какие они, эти глаза, теперь? Узнал Валерку Ходемчука. Нет, взгляда его не выдержать...

По двору медсанчасти ветер носит чистые бланки «историй болезни» и рецептов...

Дежурящие в Припяти милиционеры рассказали:

В Припяти, во втором микрорайоне не выехал, не захотел эвакуироваться дед, Семенов Степан Андреевич, 73 лет. Есть в Киеве сын. Старик отказался к нему ехать. Наотрез отказался, хотя просили, уговаривали. Как-то ночью заметили: в его квартире зажегся и потух свет. Выследили, достучались. Открыл. У него был запас продуктов в холодильнике. Когда перекрыли водоснабжение, он размораживал холодильник и набирал в стакан питьевую воду. Попросил сигарет и хлеба. Уезжать отказался. Мол, я в сорок втором из-под Сталинграда не отступил, а вы хотите, чтобы я перед этой невидимой заразой спасовал? Никогда! Деда силой вывезли в Иванков, обследовали в районной больнице, ничего страшного, ведь он не выходил из квартиры, окна были закрыты. Говорят, дед будет жить.

В ресторане «Олимпия» выбитое стекло в окне: пацаны, шпана лазили за сигаретами. Здесь их и поймали. Как котят вывезли из зоны.

В городе обнаглели крысы. Они открыто хозяйничают в магазинах, на складах, бегают по улицам. Говорят, что их радиация не берет. Правда ли это?

В городском мясохолодильнике начало портиться мясо. Проблема. Как его уничтожить?

Ветер все время хлопает незакрытыми дверьми подъездов. Словно невидимый Домовой города обходит свои владения. А на него, Домового, радиация влияет? Может, только он и останется, Домовой планеты, если произойдет самое страшное... Домовой и крысы. А что еще?

Из воспоминаний Александра Есаулова:

«За те два дня, в течение которых меня в исполкоме практически не было, здесь произошли большие изменения. Весь третий этаж, где размещался наш горком, был отдан в распоряжение правительственной комиссии и сопровождающих служб. Такого созвездия генералов, замминистров и министров я в своей жизни не видел и, наверное, никогда больше не увижу.

Когда я пришел утром в исполком, диспетчер стройки Варивода, разместившийся в кабинете первого секретаря горкома комсомола, требовал по телефону: «Дайте автобусы!» А их не было.

Я — искать начальника АТП Сапитона. Ни дома, ни на работе его нет. Нашел через райисполком в Чернобыле. Приказал срочно ехать в Припять, но Сапитон попросил разрешения на полдня уехать в Киев, отвезти больную жену. Я категорически запретил и еще раз повторил, чтобы он срочно ехал в Припять.

Тут же ко мне зашел водитель передвижной АЗС и сказал, что его прислали заправлять машины, где ему стать и какой порядок заправки. Место стоянки определил заведующий отделом горкома А. Ф. Маренич. Решили поставить возле КП на выезде из города. По второму вопросу я принял решение сам: составил список, кого он должен заправлять (по организациям), остальных — по распоряжению работников горкома и горисполкома. Буквально через 15 минут после того, как заправщик уехал выдавать бензин, позвонил Маренич и сказал, что отведенное для заправки место — очень опасное и надо немедленно оттуда уехать: высокая радиация.

Я помчался туда. Заправщик уже работал. Дал ему две минуты на сборы и сказал, куда перебазироваться. На следующий день пришел ко мне этот заправщик, отстоявший вместо 12 часов — целые сутки, с вопросом: как отчитываться за израсходованный бензин? Надо было что-то решить и отпустить этого человека. В исполкоме я остался один, ни печати, ни бланка — все эвакуировано. Прикинул ситуацию, взял ведомость и поперек написал: «Выдано по распоряжению Государственной комиссии. Подпись. Число».

Когда возвращался от заправщика, мы с исполкомовским шофером Толей Барановским обогнали автобус, который медленно катил по улице Спортивной. Обогнали. Остановили. Я подскочил к водителю: откуда? чей?

— Сапитоновский. У нас десять резервных автобусов стоят у Кошаровки, в дачном кооперативе...

Меня чуть удар не хватил. Мы задыхаемся без транспорта, а на дачах стоит десять автобусов, о которых никто не знает.

Поспешил в Кошаровку. Автобусов было не десять, а шесть, но все равно радость была огромной.

А начальник АТП Сапитон ни в воскресенье, ни в понедельник в Припяти так и не появился, дезертировав с опасного участка.

Два «кормильца народных» — начальник общепита Владимир Косяченко и директор ресторана «Полесье» Геннадий Василевский, которых мы до аварии вечно шпыняли и честили по всем статьям — теперь стали поварами, официантами, посудомойками в импровизированной столовой для оставшихся и прибывших. Я и сейчас вижу их мокрые рубашки, прилипшие к спинам.

За обедом произошел курьезный случай.

Я заглянул в буфет, был ужасно голоден. Мне дали перекусить. И вдруг забегаю в буфет бравый молодчик:

— Быстро, быстро исчезайте отсюда! Будет обедать начальство!

Это было обидно и унижительно для меня.

Не успел я отреагировать, как сюда зашли заместитель Председателя Министров СССР Щербина и министр энергетики СССР Майорец. Кто-то из членов комиссии сказал:

— Да не мешайте человеку, пусть поест.

...Во вторник, в 16.00 ко мне забежал заместитель директора ЧАЗС по кадрам и социальным вопросам Царенко. Прямо с порога: «Помогай!» (исполком был эвакуирован в Полесское, Госкомиссия — в Чернобыль). Оказалось, что надо организовать похороны Владимира Шашенка, умершего здесь, в больнице, от ожогов и облучения. Его тело лежало в морге. Царенко сказал, что все приготовил к похоронам, но нет автобуса, чтобы вывезти Шашенку из Припяти и похоронить на ближайшем деревенском кладбище. Через полчаса вопрос решился. Я поймал в городе автобус и передал его Царенко, тот уехал организовывать похороны.

Позже заходит женщина: «У меня парализована мать. Надо вывезти».

Как? Чем? Почему не сделали этого раньше? Хотя — какая теперь разница?

Не успел разобраться, еще одна подобная просьба: «У меня парализованная соседка». И тут же звонок из городского узла связи: «У нас работница потеряла сознание. «Скорая» и больница не отвечают. Помогите!» Потом

выяснилось—это была та самая Надя Мисикевич, которая двое суток «держала» городскую связь и упала без сознания.

Бросаюсь к телефонам. Безрезультатно. И вдруг поднимают трубку в «02». Чудо!

— Кто это?

— Шофер. С автобусом. ЛАЗ переоборудовали под перевозку тяжело-больных. Не знаю, что мне делать...

Срочно послал его по адресам, где оставались тяжелобольные.

...Около 20 часов, во вторник, в здании горкома и исполкома остались всего четыре человека: второй секретарь Веселовский, заведующий отделом горкома Антропов, заместитель секретаря парткома управления строительством ЧАЗС Куценко и я. Вот и вся власть. Часа через три-четыре мы сели в автобус и выехали из города по Чернобыльской трассе. Город был пуст».

Из письма Валентины Федоровны Лопатюк:

«Уважаемый товарищ Яворивский!

Верю, что мое письмо Вас найдет и Вы поймете меня, мать, сын которой погиб, спасая жизнь других.

Звали моего сына—Лопатюк Виктор Иванович. После учебы он три года работал электромонтером, старшим электромонтером.

Вот уже полтора месяца, как смерть забрала его. Не можем поверить в это. Кажется, вот он придет с работы, улыбнется, окинет глазом наш двор.

Он принадлежал к тем, кто до боли любил жизнь. Особенно—раннюю весну, именно то время, когда все это случилось. Не прошло и года, как он женился, но не успел услышать плач и смех своего ребенка. Всего 18 дней не дожил до этого.

Родилась девочка, называли ее Юлей, но он этого не узнает уже никогда.

3 часа работал он в смертельно опасной зоне вместе с Лелеченко, начальником смены, который все время повторял: «Держитесь, хлопчики, держитесь, мы спасаем не только третий блок, но и Припять, и Чернобыль, и Киев...» Спросите, откуда мы все это знаем?

7 мая меня, отца Виктора и его брата Игоря вызвали в Москву, в больницу, где он лежал.

9 мая нас пустили к нему. Он кое-что нам рассказал. И все время повторял: «Я выполнял свой долг. Там должен был кто-то работать».

15 мая он понял, что жизнь уходит. Попросил:

— Знаю, что помру, ничто меня уже не спасет. «Белая смерть» стоит за спиной. Но если у меня родится мальчик или девочка—расскажите, что я не был трусом, что я спасал вас и его или ее. Расскажите, что я не струсил и в момент смерти.

Он даже улыбался в тот день, пытался шутить.

17 мая его не стало.

Очевидцы рассказывали: когда он там, на блоке, потерял сознание, ему оказали первую помощь. Но вдруг он вспомнил, что не успел отключить еще один щит. Его не пускали, но он рвался и повторял: «Если не пустите, я пополизу. Я должен отключить электрощит!»

Спасибо, что рассказали по телевидению о Лелеченко. Ведь мой сын был рядом с ним.

С глубоким уважением и благодарностью—Валентина Федоровна Лопатюк.

Мой временный адрес: с. Загальцы, Бородянский район, Киевская область».

...На днях я был в Славутиче—самом молодом городе нашей страны, городе поневоле, городе, построенном в результате случившегося. В нем еще

нет ни одного человека с постоянной пропиской, в нем живут только строители, но вскоре здесь поселятся эксплуатационники двух действующих блоков теперь уже известной всему миру Чернобыльской АЭС.

Власти Славутича обещают: будут улицы имени Правика и Кибенка, Лелеченко и Ходемчука, Шашенка и Сытникова...

И все же Чернобыль не уходит в прошлое, не отпускает сознания. Оно облучено им. Впервые так близко, так реально и так жутко открылось нам лицо ядерного века.

Почему же все это случилось?

Почему именно у нас, когда атомные реакторы клокочут почти во всем мире?

Почему именно в Чернобыле, когда есть атомные станции «постарше»?

Почему столькими ошибками местных властей, от которых зависела эвакуация, защита людей, обозначены первые часы и сутки после аварии?

Почему некоторые должностные лица, проявившие тогда трусость, лицемерие, сеявшие преступную дезинформацию, и сегодня занимаются ложным бодречеством, делая вид, что ничего особенного не произошло?

Целую цепь вопросов, где не может выпасть ни одно звено, ставит перед собой каждый человек, который хочет извлечь урок из случившегося. Нелегко ставить перед собой эти вопросы, но еще труднее отвечать на них, если отвечать честно.

Не берусь утверждать, что все увиденное мною, пережитое в майские и июньские дни, услышанное от других очевидцев — абсолютная истина, но поскольку был там длительное время, был, когда все еще кровоточило, когда люди еще не опомнились и горяча говорили все, что думали, — имею право на свой взгляд на Чернобыль 86-го.

Когда-то мы суетливо приветствовали «лестницу» гидростанций на Днепре. Даже такой крупнейший художник, как Александр Довженко, отдал свой голос за Каховское море, увидев в нем рождение новой эстетики и еще одну победу над норовистой природой в «Поэме о море». Понадобилось одно только десятилетие, чтобы убедиться, что давшаяся огромной ценой победа, несет в себе горечь поражения. Ушли под воду не только тысячи сел, но и сотни тысяч гектаров богатых украинских черноземов, пастбищ, плантаций с ранними овощами, затянулся водорослями Днепр от Каховки до Днепрогэса, шло непрерывное размывание искусственных берегов, нарушался экологический баланс. Но мы строили дальше. Киевское... Каневское... Кременчугское... Стране нужна была энергия и — строили изо всех сил. К робким возражениям ученых никто не прислушивался. Нужна энергия. Чем больше площадь моря — тем шире размах, тем звонче рапорты.

И вдруг — атомная энергетика! Реакторы-миллионники, «чистюли», работающие на самом дешевом топливе, не нуждающиеся уже в этих гигантских морях. Конструкторы убеждали, ядерный реактор — «безопаснее ночного горшка под кроватью». Вера в мирный атом быстро овладела общественным сознанием.

Нет, я не ставлю под сомнение дальнейшее развитие атомной энергетики, я о другом: почему сведущие во всех тонкостях этого дела люди (ученые, конструкторы, эксплуатационники, да и строители) поддались этой самоуспокоенности. Почему лгали не только нам, некомпетентным, но и себе? Речь не о том, что надо было кого-то запугивать, но ведь всей меры опасности не знали даже инженеры-эксплуатационники.

Теперь уже можно сказать, что, пожалуй, только один человек, которого едва не изгнали из Припяти, неуступчивая, острая в своих суждениях журналистка припятской газеты «Трибуна энергетика» Любовь Ковалевская предупредила общественность со страниц «Літературної України», что в процветающей Припяти есть едва уловимая горечь возможной беды. Хватило мужества на это только журналистке, которая едва не поплатилась за смелость своей судьбой. Ее спасла только... авария. Так вот Любовь

Ковалевская недавно на страницах той самой «Літературної України» открыто рассказала о моральном климате, царившем на верхних этажах власти города и администрации станции, о «княжеских междоусобицах», административных амбициях директора АЭС, первого секретаря горкома партии и начальника строительства. Здесь боялись не возможной на одном из четырех блоков аварии, а малейшей критики в свой адрес.

Даже когда вырвался в небо над городом столб радиоактивного пара, когда разбросало куски уран-графита вокруг станции и люди задевали ногами эти излучающие сотни рентген обломки, когда полыхал блок — они и тогда верили, что «сверху» их прикроют, а «низы», как всегда, промолчат. На пятидесятитысячную Припять оседали опаснейшие радиоактивные нуклиды, дети и взрослые уже вдыхали радиоактивный йод, а они думали, как умолчать обо всем этом, как удержаться в тайне. В пять часов утра, когда уже понятно было, **что и в каких размерах** случилось на четвертом блоке, Брюханов на запрос одного из руководителей гражданской обороны Киевской области ответил: всего лишь пожар на крыше, потушим!

Теперь они говорят, что боялись паники в городе, что скрывали правду ради блага жителей Припяти. А я вспоминаю самое первое партийное собрание атомщиков после аварии. Оно происходило в зоне, в бывшем пионерлагере «Сказочный», куда возвратились те, кому была небезразлична судьба станции. Потрясенные всем случившимся, эти люди рвались туда, на еще полыхающий блок, жадно ждали весточки от эвакуированных жен и детей, уже зная, что те нескоро вернутся в родные места. Собрание шло под открытым небом. Говорили с хрипотцой (воздух еще был насыщен радиоактивным йодом, а во рту ощущался металлический привкус). В президиуме по старой, доаварийной традиции сидели секретарь обкома партии Маломуж, первый секретарь Припятского горкома партии Гаманюк, директор станции Брюханов, секретарь парткома станции Парашин. Собрание началось как-то вяло, пока говорили «штатные» выступающие, но когда начали подниматься с мест те, кто раньше редко выходил на трибуну, сценарий привычного собрания словно взорвался. Помню, как, задыхаясь от нахлынувших чувств, говорил Трибушенко:

— Я буду на станции, даже если возьму двойную, а то и тройную дозу, я не уйду из зоны, пока смогу стоять на ногах... Но... Я хочу узнать: по чьему распоряжению наших детей, наших жен держали в зараженном городе? Почему нам боялись сказать правду? Почему нам в тот момент не доверять?

В президиуме многие уныло опускали головы и прятали глаза. Выступающие называли фамилии дезертиров, которые еще вчера учили их, как жить, а сами отрывали от пирога жизни кусок побольше. Это был взрыв не гнева, а правды, которая нужна была этим людям как воздух. Нет, город бы не поддался панике, если бы ему сказали правду. Возможно, кто-то и побежал бы и начал бы спасать шмотки, но в целом не сомневаюсь — народ бы выстоял.

Я бывал в новых, за лето построенных для чернобыльцев селах в Барышевском районе на Киевщине. Все здесь «с иголочки»: дома, улицы, водопровод, школы, больницы, детские садики. По вечерам они собираются на чьей-то лавочке у забора и вспоминают ту, доаварийную жизнь. Может, неидеальной была она, но ностальгия по родным местам — навсегда. Ведь они не только пережили драматическую неделю после аварии в своих селах, они навсегда оставили родные, священные для них места, кладбища предков. Слезы многих стариков и старушек — это продолжение Чернобыля, даже здесь, за сотни километров от мертвой зоны.

Снова вспоминаю бабуку Лесю Сопуру из деревни Куповатое под Чернобылем, которую встретил среди эвакуированных в мае 1986 года. К прошлой осени ей выделили половину нового дома в Макаровском районе, сарай для коровы, но почти все лето она прожила в родном Куповатом: «Сыночки, не трогайте мэнэ, тут я проживу довше, чем там».

А чем измерить стрессовое напряжение киевлян в первые послеаварийные дни и ночи? Да и нужна ли была первомайская демонстрация в Киеве, где в колоннах шли наши дети? Урезанная, половинчатая информация в газетах и по телевидению дала простор для самых невероятных домыслов и слухов. Впрочем, и репортажи о «соловьях над Припятью» вызывали реакцию прямо противоположную: раз откровенно лгут — значит, от нас что-то скрывают. Сколько народных денег в недалеком прошлом «проиграно» на гражданскую оборону в наших городах и весях, сколько звонких отчетов написано о проведенных учениях, а даже в Припяти, в городе атомщиков, многие не знали, как защититься от радиации (заведующий отделом горкома комсомола Юра Добренко, к примеру, весь первый послеаварийный день гулял с маленьким сыном по городу). Да, бесстрашные медсестры разносили по квартирам порошки йодистого калия, но ведь главврач санчасти Владимир Печерица принял это решение без согласия городских властей, и его поначалу чуть ли не зачислили в паникеры.

Чернобыль обнажил многое, случившееся выжгло много лжи, высветило истину, высветило героизм народа, его стойкость, глубину морали и высокой гуманности, которая выдержала испытание Чернобылем.

Нет, нельзя списывать Чернобыль в прошлое. Да и все ли уроки мы извлекли из этой драмы?

Подумаем вместе: надо ли строить атомные станции рядом с большими городами, в плотно населенных регионах нашей страны? Надо ли экономить на строительстве, нужны ли эти многотысячные города атомщиков, почти прилегающие своими микрорайонами к станциям? Какие люди должны управлять реакторами и какие должны руководить коллективом этих людей? Всегда ли мы готовы морально, нравственно к тому, чтобы пользоваться новейшими достижениями человеческого разума?

Эти вопросы поставил перед нами Чернобыль. Поставил бескомпромиссно, жестко своим охрипшим от радиации голосом. У этой земли пока нет будущего, есть только прошлое и суровое, морозящее душу название — Зона, где остались следы нашей цивилизации.

Для того чтобы Чернобыль с его трагедией действительно навсегда остался в прошлом, есть один-единственный выход: помнить о нем постоянно.

(Май — октябрь 1986 года)

Андрей Иллеш.

УРОКИ КАТАСТРОФЫ

«Уроки Чернобыля» — это выражение до сих пор часто встречается в газетах. Все правильно: извлекать эти самые уроки нам всем не день и не год. Слишком серьезной катастрофой испытал нас мирный атом.

Да, достаточно времени прошло с той страшной ночи 26 апреля. Этот срок позволил глубже осознать то, что обнаружил чернобыльский взрыв в наших возможностях и недостатках — экономических, технических, организационных, наконец — человеческих. Пожалуй, не все из случившегося сегодня окончательно получило разъяснение, для многого требуется еще большая дистанция во времени. Что-то, казавшееся главным тогда, весной 1986 года, теперь утратило остроту, ушло в тень. Что-то осталось с нами навсегда.

Но главное, что будет важным для нас не только сегодня, но и всегда, — это человек, познавший себя еще полнее, мучительнее, острее. Человек, прошедший испытание самым страшным вариантом будущего, — Чернобыль дал нам печальную возможность «примерить» на себя ядерную катастрофу.

Об этом — об уроках человечности и уроках для человечества — и хотелось бы вспомнить.

Итак, Чернобыль, весна восемьдесят шестого. Чернобыльская атомная расположена на востоке земли, именуемой белорусско-украинским Полесьем, на берегу Припяти, впадающей в Днепр. Вскоре после аварии география этого района стала хорошо нам известна. К известному добавлю, что средняя плотность населения до начала строительства Чернобыльской АЭС составляла в Полесье примерно 70 жителей на квадратный километр. К дню аварии в городе Припять, расположенном на западе от трехкилометровой санитарно-защитной зоны АЭС, проживало 49 тысяч человек. В районном центре Чернобыле, расположенном в 15 километрах по прямой к юго-востоку от АЭС, — 12,5 тысячи.

В ту ночь, когда случилась авария, жители, как и положено, спали. Немногих потревожил взрыв, немногих разбудил пожар. Не сразу поняли, что, собственно, случилось, и те, кто в поздний час работал в непосредственной близости от взорвавшегося реактора. 268 строителей и монтажников были заняты в ночной смене на строительной площадке третьей очереди станции — она расположена в полутора километрах к юго-востоку от аварийного блока. На самой станции в ночь с 25 на 26 апреля дежурили 176 человек. Но и из них далеко не все были осведомлены о том, что на 26 апреля была намечена «программа испытаний турбогенератора № 8 Чернобыльской АЭС».

О том, что программа эта не была должным образом подготовлена и согласована, знали вовсе считанные люди — руководство АЭС, для которого суетливая спешка (сдать, закончить, выполнить к сроку, а лучше хоть на день, хоть на час, да раньше), пренебрежение правилами безопасности, а стало быть, здоровьем и жизнью сотрудников вошли едва ли не в привычку, превратились в дело обычное. Впрочем, руководство одной ли только этой АЭС было заражено трудно преодолимым вирусом «авось»? Увы, нет. Но именно здесь, именно на Чернобыльской обнаружилось, какие страшные и непоправимые последствия на пороге третьего тысячелетия несет за собой привычное «авось».

Именно здесь — не сошло...

Вот как характеризуется качество программы испытаний в выводах правительственной комиссии. Оно «оказалось низким, предусмотренный в ней раздел по мерам безопасности составлен чисто формально...» В программе, по существу, не были определены дополнительные меры безопасности, ею предписывалось отключение системы аварийного охлаждения реактора. Последнее означало, что в течение всего периода испытаний, то есть около

четыре часов, безопасность реактора окажется существенно сниженной.

...А что же люди, специалисты? Вновь цитата: «...персонал к испытаниям готов не был, не знал о возможных опасностях. Кроме того, персонал допускал отклонения от выполнения программы, создавая тем самым условия для возникновения аварийной ситуации».

Из документа ясно, что в ходе испытаний возникли критические ситуации, которые должны были бы послужить сигналом: прекратить испытания! Однако такое, судя по всему, никому в голову просто не пришло. Потому среди причин катастрофы и указывается: «Основным мотивом в поведении персонала было стремление быстрее закончить испытания».

В это трудно поверить, но ставшее привычным «давай, давай, сделай, сдай, успеешь — какой ценой, какого качества работу — дело десятое» — оказалось сильнее такого естественного, казалось бы, для сотрудников атомной станции чувства опасности. Кому, как ни им, понимать, с чем рядом они находятся, какую гигантскую и смертоносную силу приводят в движение нажатием кнопки на пульте. Но нет — притупилось это чувство.

В списке нарушений — шесть ошибок. И «запланированных» программой, и добавленных оператором. Такое сочетание ошибок, такое их нагромождение казалось невероятным, невозможным. Потому и не было предусмотрено системой безопасности конструкции реактора. Вот многие специалисты в первые часы и дни после аварии не могли взять в толк — что же, собственно, стало причиной аварии? Вывод правительственной комиссии: «первопричиной аварии явилось крайне маловероятное сочетание нарушений порядка и режима эксплуатации, допущенных персоналом энергоблока» — говорит о том, что невозможное превратилось в реальное только благодаря фантастической безответственности и безобразному отношению к делу...

Это и есть ее первый урок.

Поэтому и не кажется странным, что главная причина аварии лежит не в области физики или техники, а в области психологии. В той сфере, которая сегодня очерчивается понятием — человеческий фактор.

Те, кто бывал на атомных станциях, знают, как сильно отличается обстановка на них от, скажем, заводской, с неумолимым конвейером. У атомного реактора — тишина. Следи лишь внимательно за показаниями приборов. «Убаюкивает» сама атмосфера.

Да, подготовка специалистов для АЭС требует особого внимания и ответственности. После случившегося увеличена сеть тренажеров, при обучении будущих работников АЭС уделяется особое внимание выработке у них умения и готовности принимать решения в экстремальных ситуациях, когда на размышления остаются считанные минуты. Совершенно ясно: не только оборудование, но и психологическая готовность обслуживающих АЭС сотрудников должны быть в высшей степени надежными.

Блок, на котором произошел взрыв, был введен в строй в декабре 1983 года. Работал он все это время, как и другие, весьма удовлетворительно. Очень может быть, что бесперебойная, какой она выглядела на поверхностный взгляд, работа станции и привела к некой самоуспокоенности, к благодушию.

Есть специальный термин, применяемый в современной технике, — «защита от дурака». Смысл этого выражения понятен: создать такую систему, которая сама ограждала бы себя от неправильного обращения.

До недавнего времени казалось, что существующие на АЭС многократные блокировки, суперсовременная техника и технология оградят от любых случайностей. И все-таки выяснилось, что создателям чернобыльского реактора не удалось предусмотреть эту самую защиту от дурака. Что чрезмерно длинная цепочка упорных нарушений правил при его эксплуатации закончилась неожиданно и для создателей, и для тех, кто там экспериментировал.

Закончилась взрывом.

Не слишком ли велика плата за прогресс энергетики — опасность аварий на станциях, гибель людей, заражение окружающей среды!

Не станем спешить с окончательными выводами. Хотя, казалось бы, чего проще—не строить станции на таком коварном топливе. Но тогда не отказаться ли, скажем, от химического производства? Ведь в 1947 году в США, в Техас-сити произошел взрыв нитрата аммония. Погибло 576, ранено 2000 человек.

В 1979 году в Канаде, недалеко от Торонто произошло крушение поезда с жидким топливом, нефтехимическими продуктами и хлором. Из пораженной ядами зоны было эвакуировано 250 тысяч человек! Но даже такая страшная катастрофа не остановила движение поездов по железным дорогам.

А море—так ли оно безопасно? А космос? Да что говорить, сколько джиннов пришлось бы заталкивать в бутылки обратно, если бы мы стали следовать логике—опасно, значит, не дразнить судьбу.

И те аварии, о которых я упомянул, и те, что подскажет читателю его память, заставляют ученых сегодня прийти к самому, пожалуй, серьезному выводу.

Основная причина подобных катастроф—дефекты во взаимодействии человека с техникой. А чем сложнее и модней техника, тем дороже обходятся людям эти дефекты.

Если техника—просто автомобиль, а человек—просто пьяный водитель, трагедия коснется в худшем случае нескольких семей. В атомной энергетике техника стократ сложнее. Потому тут небрежность и легкомыслие оборачиваются горем тысяч и тысяч.

При этом, как бы многократно ни проигрывались варианты возможных неполадок, как бы многоступенчато ни блокировались все возможные и невозможные сценарии нарушений технологии, как бы суперсовременна ни была техника, уповать на то, что машина сама по себе защитит и спасет,—наивно.

Единственная, до конца надежная защита от дурака—человек.

...После Чернобыля мы с обостренным вниманием вчитывались, вслушивались в каждое сообщение об авариях. Они происходили, увы, и на море, и на суше, и в небе. А потому не приходится удивляться, что в умах наших как бы сама собой «вязалась» цепочка страшных происшествий.

Трагические события, повлекшие гибель многих, имеют между собой нечто общее. В широком смысле причина тут одна—безответственность. Безответственность, парализовавшая волю, совесть, профессиональные навыки.

Единство слов и действий, принципиальность и ответственность и, конечно, полная гласность—залог того, что чрезвычайные происшествия в нашей жизни станут действительно чрезвычайными.

Но при всей видимой, а скорее логически прослеживаемой связи чернобыльской драмы с иными событиями авария на АЭС все же стоит особняком. Она как бы предупреждение из дня завтрашнего: человек, вооружая себя суперсовременной техникой, будь сам на ее уровне! Чудовищные по своей силе и необратимости последствия «возможности» атомной энергетики несовместимы с мышлением на уровне паровой машины. И речь идет не только о технических знаниях специалистов, эксплуатирующих конкретный энергоблок, отвечающих за конкретную работу. Весь механизм наших взаимоотношений—экономических, человеческих—требует обновления.

* * *

Вспоминая Чернобыль, нельзя без досады не вспомнить еще одного урока—урока, если можно его так назвать, безгласности. Задержка, а чуть позже далеко не полная информация, послужила толчком для моментального распространения слухов и домыслов и, что душой кривить, паники. И породила просто потоки дезинформации на страницах западной печати. Те три дня, что отделили взрыв и первое сообщение о нем в наших газетах, дорого обошлись

нам потом. И все же в чем причина молчания газет, радио и телевидения? Им просто нечего было сказать.

Академик В. Легасов, принимавший активное участие в ликвидации последствий аварии, так объяснял растерянность первых дней:

— С такого рода аварией мы имели дело впервые. Не скрою, я не предполагал, что масштабы случившегося именно таковы. Мы узнали об аварии сразу же, однако в сообщениях из Чернобыля было много противоречивого. Понять, что произошло, оценить масштабы сразу было просто невозможно.

Утром 26 апреля в Чернобыль вылетели первая группа специалистов и правительственная комиссия, членом которой я был. Только подъезжая к Припяти и увидев зарево, я начал догадываться о масштабах аварии. Оценить произошедшее из Москвы—как проработавший на ликвидации последствий этой аварии, утверждаю—было действительно невозможно. Как специалист и участник событий, могу подтвердить—масштабы аварии, ее характер, развитие казались маловероятными, почти фантастическими. Злого умысла, попытки что-то скрыть не было.

К этим словам необходимо добавить: в Москве, среди ученых и энергетиков, вероятно, и в самом деле не было попыток что-то скрыть. Люди, понявшие смысл случившегося, осознавшие реальную опасность, все свои силы и знания обратили на скорейшую ликвидацию угрозы.

Но из Припяти, с самой станции наверх поступали не соответствовавшие истине сообщения—занижались уровни радиации, преуменьшалась серьезность катастрофы. Тот же самый принцип, приведший к взрыву—«авось пронесет», продолжал свою разрушительную работу и после. Теперь жертвами перестраховщиков могли стать жители ближайших к станции районов и другие, живущие вдали от нее,—все, кого коснулись панические пересуды об опасностях радиации. Все оказались в дураках. Даже те, кому пришлось потом долго и часто, увы, безрезультатно объяснять с пеной у рта реальное положение дел. А как вернуть людям утраченное доверие?.. И всего этого можно было бы избежать, поступи правдивая информация вовремя!

После принятия по инициативе СССР международной конвенции о незамедлительном оповещении мирового сообщества о любых неполадках на атомных объектах, включая военные, возможность умолчания исключается. Такое положение принято для всех стран, имеющих на своих территориях подобные объекты.

* * *

...Безлюдные села Чернобыльского района, пустая Припять, по улицам которой лишь изредка проезжают патрульные машины с усиленной радиационной защитой, животноводческие фермы с наглухо закрытыми воротами... А вдоль дорог, ведущих в Чернобыль,—притихшие поля, леса.

Внешняя спешка не рождала ощущения хаоса, хотя, конечно, проблем вокруг перемещения такого количества людей было немало. Ведь нужно было не только перевезти куда-нибудь, нет. Подготовить жилье, бани, провести медосмотры, завезти продукты, питание детям... Тысячи, сотни тысяч забот.

И все это гигантское перемещение людей не закончилось разом. В течение лета происходила, если так можно выразиться, своеобразная внутренняя миграция. Уже в новых районах «утрачалось» население. В зависимости от количества жилья, рабочих мест, свободных площадей для посевов (а их в обжитой зоне почти не было)... Словом, часть людей из 30-километровой зоны снималась с мест не один раз.

Далеко не все удавалось организовать так, как хотелось бы. Трудно было с питанием, со стиркой одежды, которая превратилась в особую меру предосторожности. Но с трудностями, хоть и было это нелегко, справлялись всем миром. Все понимали, что беда, постигшая чернобыльцев,—общая беда.

...Одна тема бесед в те весенние дни меня, признаюсь, удивила. Это — серьезные разговоры о том, как переселенцы будут чувствовать себя осенью. И в связи с этим — о капитальном строительстве.

Какое строительство? Миллион куда более важных на первый взгляд проблем стоял тогда. Еще всю шла эвакуация людей из 30-километровой зоны. Еще не все были накормлены и обогреты. Главным казалось расселить, снять напряжение нелегкого переезда. Да и сами переселенцы, уехав из родных мест, никак не предполагали, что кого-то в эти страшные часы может занимать вопрос их нового, капитального жилья.

Но в Киеве уже считали тонны цемента, миллионы штук кирпича, кубометры леса для новых поселков. А из областей Украины, тех, которых впрямую беда не коснулась, собирались в дорогу строители. Многие из них сами просились на такую работу. Больно — бессонницей, тяжелым стрессовым ударом — легла эвакуация на людей. И как далеко во времени протянется эта боль, определить весной и летом не было никакой возможности. А чернوبильская беда подает сигналы и сегодня. Вот одно из писем от переселенцев.

«Помогите разобраться в том, что происходит с нами с 26 апреля 1986 года. Нас временно эвакуировали, запретив забрать необходимые вещи, кроме ценностей и документов. Я потерял дом, который построил в третий раз за свою жизнь: первый — сожгли немцы в войну, второй — снесли в связи с заполнением водохранилища Киевской ГЭС.

Прошло полтора года. Нам с женой оплатили 7 тысяч рублей за ущерб имуществу, всем одинаково — и алкоголикам, у кого кроме пустых бутылок ничего не было, и мне — пенсионеру с женой, у которых кроме наших хранились вещи двух детей и четырех внуков. Сумма страховки не позволяет купить равноценный дом и принимать у себя, как прежде, своих детей и внуков, а новая квартира и подавно — 24 квадратных метра.

Все время меня не покидает надежда на возвращение в родной край. Но то, что я вижу своими глазами, лишает меня этой надежды. При посещении Чернобыля в конце августа 1987 года я увидел следующее: входная дверь опломбирована, а с противоположной стороны дома выбиты стекла и внутри дома топором вырублены замки, выломаны двери... Разграблено почти все имущество, выпиты не только остатки одеколona, но и лекарств, которые имели запах спирта! Вырваны двери сарая, и там пустота.

Мы пострадали от взрыва атомного реактора не столько от воздействия радиации, сколько морально и материально. Многие, в том числе и я, убеждены, что разграблен и уничтожен труд не только нашей жизни, но и жизни наших детей».

Жизнь и заботы на новом месте не «сладкий пирог». Это понятно. Не обошлось, конечно, в этом многотрудном деле без человеческой нечистоплотности, желания нагреть руки на чужой беде, корысти. Была и несправедливость, были и обиды. Есть они, как видим, и до сих пор. Но главным все-таки, и мне пришлось быть этому свидетелем, стало объединившее многих в те тревожные дни чувство человеческого братства, желание помочь ближнему всем, что в твоих силах.

И чувство этого братства было велико. Оно, образно говоря, не имело каких-то четко очерченных географических границ. Далеко от Киевской области, от тех мест, где еще только наспех устраивали свои дела вынужденные новоселы, откликались на их заботы и проблемы. Это, наверное, самое высокое человеческое качество — способность к состраданию. Она проявилась и в тысячах заявлений от добровольцев — с просьбой направить их на работу в Чернобыль, и во многих семьях, распахнувших двери своих домов для детей переселенцев.

Авария на Чернобыльской АЭС потрясла всю нашу страну.

Чернобыль — трагедия, потребовавшая на многое посмотреть по-новому.

Самые высокие партийные и правительственные органы страны дали четкую оценку произошедшему, сурово посмотрели на все то, что волновало с весны 1986 года сотни миллионов людей.

За безответственность, халатность и недисциплинированность, приведшую к тяжелым последствиям: смертям и болезням одних и чудовищному риску для других, ликвидировавших в первую ночь пожар, разрушению реактора и радиоактивному загрязнению территории вокруг станции на площади около тысячи квадратных километров — сняты с занимаемых должностей и привлечены к строгой партийной ответственности ряд работников Минэнерго, группа ученых и хозяйственников... Все, так или иначе виновные в ситуации, приведшей к катастрофе, получили оценку своей «деятельности».

А следующий урок — расплата.

В июле 1987 года в здании чернобыльского Дома культуры раздали слова: «Встать, суд идет!»

Да, крупнейшая катастрофа заставляет по-новому оценить весь механизм экономических, нравственных, управленческих взаимоотношений страны. Но были и конкретные виновники. Им — бывшему директору Чернобыльской АЭС В. Брюханову, главному инженеру Н. Фомину, заместителю главного инженера А. Дятлову и трем другим работникам АЭС было предъявлено обвинение по части II статьи 220 Уголовного кодекса Украинской ССР, предусматривающей ответственность за нарушение правил техники безопасности на потенциально взрывоопасных предприятиях, повлекшее человеческие жертвы и иные тяжкие последствия.

Беспечность, безответственность, бесконтрольность — в свидетельских показаниях предстала картина многообразного воплощения этих абстрактных характеристик в реальной повседневности станции. «Пасьянс» широкий — от небрежного заполнения журналов, непосещения работниками инструктажей по технике безопасности, до сокрытия серьезных нарушений. Было подтверждено, что лишь за полмесяца с середины января 1986 года, на четвертом энергоблоке шесть раз выходила из строя аварийная защита. А документов по этому поводу даже не оформлялось. В тех же, что существовали, информация искажалась...

Не эта ли привычка поставлять недостоверную информацию — сходило с рук, и не раз — сказала в том, что сведения об уровне радиации, передаваемые после аварии наверх, директор Брюханов занижал в десятки раз?

«Отсутствие гласной информации о радиационной обстановке» — слова, прозвучавшие на суде, обвиняют бывшего директора и бывшего начальника смены станции Б. Рогожкина — они ответственны за то, что своевременно не были приняты меры, предусмотренные существовавшим на этой (как, впрочем, и на всех других АЭС) планом эвакуации. За то, что без всякой необходимости на станции оставался почти весь персонал, вышедший на работу в восемь утра. За то, что не было предупреждено население, что в субботу дети пошли в школу, кто-то отправился на рыбалку, кто-то — в деревни, к родственникам...

Из приговора вынесенного судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР под председательством члена Верховного Совета СССР Раймонда Бризе:

«Свидетель показал, что нарушений было много и руководство о них знало. Лишь в одном случае, когда он проверял соблюдение персоналом станции трудовой дисциплины, он обнаружил, что 12 человек занимаются в рабочее время посторонними делами: играют в домино, карты, пишут письма и т. д.»

«Согласно выводам судебно-технической экспертизы уровень технологической дисциплины на Чернобыльской АЭС не соответствовал предъявляемым

требованиям. На станции имели место систематические нарушения технологического регламента, значительное количество остановок блоков по вине персонала. Не во всех случаях выяснялись причины нарушений, в отдельных случаях истинные причины нарушений скрывались... За период 1980—1986 годов в 27 случаях из 71 расследования вообще не производились, а многие факты отказа в работе оборудования даже не регистрировались в журнале учетов».

«31 декабря 1983 года, несмотря на то, что на четвертом энергоблоке не были проведены необходимые испытания, Брюханов подписал акт о приемке в эксплуатацию пускового комплекса на блоке как полностью законченного. С целью доведения до рабочего состояния системы безопасности в 1982—1985 годах проводились испытания турбогенератора, которые были неудачными и оставались незавершенными. Тем не менее Фомин, Ковалев и Дятлов приняли техническое решение и дали распоряжение о введении режима выбега на четвертом энергоблоке в опытную эксплуатацию».

Узнав о том, что уровень радиации в некоторых местах значительно превышает допустимый, Брюханов из личной заинтересованности с целью создания видимости благополучия в сложившейся обстановке умышленно скрыл этот факт. Злоупотребляя своим служебным положением, представил в вышестоящие компетентные организации данные с заведомо заниженными уровнями радиации. Необеспечение широкой правдивой информацией о характере аварии привело к поражению персонала станции, населения прилегающей к ней местности».

Текст приговора сух и строг, как и подобает такому документу, но он заставляет еще острее не просто понять—почувствовать: пренебрежение служебными обязанностями, дисциплиной, вошедшее в многолетнюю привычку, превращается (может быть, до поры и незаметно) в пренебрежение неизмеримо более важным, чем дежурный журнал. В пренебрежение человеком. Его здоровьем, его жизнью, наконец. Вот об этой трагической по своим последствиям метаморфозе, об этом искривлении человеческой личности и заставил задуматься еще раз черныбыльский суд.

Приговор суров. Обжалованию и опротестованию он не подлежит.

Бывший директор станции Брюханов приговорен к десяти годам лишения свободы. К такому же сроку—бывший главный инженер АЭС Фомин и заместитель главного инженера Дятлов. В зале суда были взяты под стражу бывшие начальники смены Рогожкин, приговоренный к пяти годам, начальник второго реакторного цеха Коваленко—к трем годам, государственный инспектор Госкомэнергонадзора СССР Лаушин—к двум годам.

И еще очень важное. В приговоре сказано: «Уголовное дело в отношении лиц, не принявших своевременных мер по совершенствованию конструкций реактора, органами следствия выделено в отдельное производство». Кроме того, вынесены частные определения в отношении некоторых ответственных работников Минэнерго СССР и Союзатомэнерго, не обеспечивших должного контроля за станцией. Также в отношении тех, кто не сумел организовать должной защиты людей от радиационного поражения: представителей медицинской службы, службы радиационной безопасности, городских властей.

...Закрывают папки с уголовным делом, отбывают свои сроки наказания преступники. Но главным итогом совершившегося на израненной черныбыльской земле правосудия должен стать другой суд—суд совести, который не позволит забыть, что мужество и героизм одних, отдавших молодость свою, жизнь и здоровье спасению людей и родной земли, стали тяжелой расплатой за преступления других. Тех, кто занимал высокие посты, был облечен доверием, распорядился сложными инженерно-техническими сооружениями, а главное—человеческими жизнями. И чтобы не случилось вновь беды, подобной черныбыльской, мы должны помнить не только о подвиге, но и о преступлении.

Авария эта диктует новые подходы, особую бдительность всем, кто трудится в области атомной энергетики.

В кратчайшие сроки разрабатывались и осуществлялись дополнительные меры по обеспечению безопасной эксплуатации действующих атомных электростанций, укреплению технологической дисциплины, повышению требовательности за неукоснительное соблюдение регламентов работы реакторных установок и другого оборудования. Идет переподготовка и аттестация обслуживающего персонала, расширяется сеть учебно-тренировочных центров. Органам государственного надзора поручено строго контролировать работу всех атомных электростанций. Для повышения уровня руководства и ответственности за развитие отрасли, улучшения эксплуатации АЭС создано специальное министерство — атомной энергетики.

И все-таки: могут ли быть атомные электростанции безопасными? Да и вообще: нужна ли нам атомная энергетика — есть ведь другие способы добычи электроэнергии? Таких вопросов задают люди со дня трагедии по день сегодняшний еще предостаточно. Об этом наш разговор с Владимиром Асмоловым — начальником отдела безопасности АЭС института атомной энергии имени Курчатова.

— Давайте договоримся сразу отбросить в сторону такие обвинения в адрес ядерщиков: «Они этим занимаются только потому, что они только это и умеют! Закрой все АЭС, и они останутся без работы!» Я хотел бы исходить только из принципа «презумпции порядочности», иначе просто не поймем друг друга. Итак, почему все-таки нужна ядерная энергетика, почему ее надо развивать и есть ли альтернативные источники энергии?

Вот три довода, которые вытекают из законов природы. Довод первый — ресурсный. Ядерным топливом могут быть обеспечены все предвидимые человеческие потребности для получения энергии, на все предвидимое будущее, то есть на века. При этом основным элементом, применяемым в качестве ядерного топлива, является уран, практически не используемый в других областях деятельности человека.

Все традиционные органические энергоресурсы (уголь, газ, нефть и т. д.), так же, как и уран, невозобновляемы. Однако они сегодня — незаменимое сырье для других видов промышленной технологии. В первую очередь — для химической (пластмассы, искусственные волокна и др.). Через некоторое время вопрос о наших химических ресурсах встанет очень остро, и непонятно, чем их можно заменить, если мы будем сжигать по-прежнему традиционное топливо. Предложения же по использованию энергии ветра, солнца, приливов и т. д., к сожалению, имеют сегодня только эмоциональный характер. Скажем, солнечная энергия. Беря за основу даже самые оптимистические КПД термоэлектрических преобразователей будущего, нетрудно подсчитать, что для замены одного энергоблока электрической мощностью 1000 МВт нужно иметь приемное устройство площадью никак не менее 50 км². При этом закон сохранения энергии остается действующим законом. Забрав энергию солнца на другие нужды, мы будем иметь уменьшение средней температуры в окрестностях такой энергостанции. То есть, если мы займемся масштабным использованием солнечной энергии, одновременно мы займемся серьезной перестройкой климата. Необходимо также помнить о том, что получение электроэнергии за счет солнечной энергии влечет за собой целый набор производств, на которых будут создаваться компоненты, необходимые для функционирования солнечных энергостанций. Сюда будут входить и добыча, и переработка, и транспортировка химических элементов для термоэлектрических преобразователей, например, таких, как селен, все соединения которого ядовиты. И неизбежно встанут вопросы утилизации отходов... Это естественно — у любого топливного цикла есть свои проблемы и свои сложности.

Довод второй — экологический. При нормальной работе атомной станции не происходит реакции взаимодействия атомов урана с какими-либо элементами окружающей среды, что приводит к практически полному отсутствию выбросов. Только при тяжелых авариях радиоактивные продукты деления могут выйти за все защитные барьеры станции, однако существует принци-

альная возможность, основанная на законах природы, создать такую конструкцию, при которой возможность выброса радиоактивных продуктов деления практически исключена, то есть вероятность менее чем один случай на 10 миллионов лет работы атомной станции.

Все традиционные органические ресурсы при производстве энергии сжигаются, в процессе горения потребляется кислород и выделяется углекислый газ и большое количество загрязняющих окружающую среду веществ. Особенно плох в этом отношении уголь. Вредные выбросы, которые образуются при его сжигании, в принципе можно отфильтровать, но это настолько дорого, что ни о какой конкурентоспособности угольной энергетики в экологическом смысле речи идти не может. Выделения же углекислого газа нельзя избежать в принципе. Результат — накопление значительных количеств CO_2 в нашей атмосфере, парниковый эффект и все вытекающие из этого последствия.

Довод третий — энергетический. Ядерное топливо обладает чудовищной энергоемкостью в сравнении со всеми органическими энергоносителями. Отсюда — огромная экономия на трудовых ресурсах (объемы добычи, перевозки). Отсюда же — уменьшение риска — вспомним несчастные случаи на транспорте, при добыче, профзаболевания шахтеров и т. д. Отсюда же — экономия на отчуждении земель (железные дороги, терриконы вокруг шахт...). В настоящее время 40 процентов грузооборота на железных дорогах страны — это перевозки угля к местам его сжигания. Протяженность магистральных газопроводов достигла 150 тысяч километров, а общая электрическая мощность газоперекачивающих агрегатов на компрессорных станциях такова, что сегодня можно образно сказать: почти все атомные станции страны работают только для того, чтобы перекачать газ к потребителю. При этом каждый четвертый газопровод дает энергию лишь для того, чтобы нормально функционировали три остальных.

Только на первый взгляд любая ненапряженная энергетика «привлекательней». Страшны аварии в ядерной энергетике, но сколько маленьких обыденных аварий сопровождает ненапряженную энергетику, газовую, например, по всему ее циклу, добыче, транспортировке, использованию!.. Убежден: опыт, накопленный на сегодня, дает однозначный ответ в пользу ядерной энергетики.

— Вы убеждены, что три довода в пользу ядерной энергетики подтверждают лишь одно: необходимо использовать ядерное топливо. Но как и всякая технология, ядерная энергетика несет в себе диалектическое противоречие — продолжением ее достоинств являются ее недостатки. Причем недостатки воистину страшные. И только страны, обладающие высоким научно-техническим уровнем, высокой научно-технической культурой, способны развивать ядерную энергетику во благо. Не случайно в основополагающем документе МАГАТЭ «Общие принципы обеспечения безопасности» введен термин «культура безопасности». В 1988 году этот термин появился и в наших документах... А говорить о наших эксплуатационниках, да и изготовителях АЭС лишь в восторженных тонах явно не приходится...

— ...Именно поэтому мы, ученые, многое видим не только в розовом цвете. Видны пропуски и целые белые пятна в исследованиях в области обоснования безопасности, излишний оптимизм людей, принимавших решения — все это, как говорят, «присутствует».

Авария в Пенсильвании послужила серьезным предупреждением как для западных ученых, так и для советских. Но откликнулись мы на него по-разному. На Западе аварию на Три-Майле «заметили» и правительства, и руководство частных компаний, в США вложения в науку, занимающуюся безопасностью ядерной энергетике, более чем удвоились.

В нашей же стране, похоже, лишь укрепилось мнение, что советская атомная энергетика безопасна только потому, что... она безопасна. И дополнительных вложений не последовало. (Для справки: экономический ущерб от аварии на 4-м блоке ЧАЭС оценивается сегодня в 8 млрд. рублей. И это без

учета разорванных контрактов с зарубежными партнерами, причем не только в энергетике, но и во многих других областях внешнеэкономической деятельности, без учета социального ущерба и без учета главного — подорванного доверия советских людей к ядерной энергетике.) Здесь есть вина и некоторых ученых, чрезмерным оптимизмом убаюкивавших, успокаивавших руководство. Голоса людей, понимающих всю остроту проблемы, не воспринимались системой управления, потому что противоречили царившей в те годы атмосфере самовосхваления.

Если дом-новостройка сдается с недоделками, это плохо, но это еще, как говорится, не беда. Но есть области человеческой деятельности, где наличие недоделок недопустимо. Пуск АЭС с недоделками — это чудовищно.

— Что можно считать недоделками в атомной энергетике?

— Это не только плохое качество оборудования, монтажа и строительства. Недоделки — это и не проведенные вовремя научные исследования в обоснование безопасности, отсутствие которых приводит к плохой эффективности систем безопасности. Недоделки — это плохое качество подготовки наших инженеров, недоделки — это копеечная экономия на международном сотрудничестве. И наконец, недоделки — это постоянно ухудшающееся качество эксплуатации. В условиях, когда хозяйственный механизм стимулирует только валовые показатели — отпуск электроэнергии и экономии топлива — для улучшения этих «важных» показателей можно и пожертвовать «второстепенным». «Безопасность эксплуатации», увы, показатель «второстепенный».

— Аварии в современном мире происходят постоянно. Если они достаточно тяжелы, то становятся известными стране. Менее тяжелые — известны в области, в районе, в поселке... Чернобыль стал бедой всей планеты...

— Авария на ЧАЭС заставила нас сделать очень неприятные для своего престижа выводы. Ядерная энергетика технически и технологически оказалась неготовой к локализации и ликвидации последствий тяжелых аварий. В основном все решения технического и технологического плана в ходе ликвидации аварии на ЧАЭС были вынуждены приниматься в экстремальных условиях, требовали проведения срочных, широкомасштабных (не сделанных вовремя!) экспериментальных работ. А ведь они могли и должны были быть выполнены заблаговременно. Отсутствовали необходимые дозиметры и другие измерительные средства, работающие в нужном диапазоне, робототехнические устройства, способные функционировать в сильных радиационных полях. В экстремальных условиях по-настоящему действовали только... люди, еще раз доказавшие: наш народ способен на любой подвиг. Но самый большой подвиг — сделать так, чтобы наша система управления, хозяйственный механизм, отношение к порученному делу сводили на нет необходимость человеческих жертв.

— Итак, вы убеждены: в ближайшем будущем альтернативы атомной энергетике — нет. Каковы в таком случае пути ее развития после катастрофы? Ведь без коренных изменений, я полагаю, в этой потенциально опасной отрасли не обойтись... И прежде всего жизнь требует разработок совершенно новых энергоисточников...

— Конечно. Иначе и в самом деле надо ставить вопрос вообще о существовании ядерной энергетике. Но кроме работ над энергоисточниками нового поколения необходимо одновременно серьезно повышать безопасность действующих и строящихся атомных станций.

Можно рассуждать так: тяжелые аварии — свойство ядерной энергетике. Следовательно, необходимо создание многочисленных барьеров. Для того чтобы локализовать аварию, уменьшить ее последствия. При этом вероятность самой аварии остается достаточно высокой, достаточно высока и вероятность разрушения реакторной установки. Возможен и другой подход — сделать все, чтобы сама авария стала маловероятной за счет физики реакторной установки. Этот подход требует разработки принципиально новых физических решений, а возможно, и создания новых реакторных технологий.

Сегодня, убежден, оправданы оба пути.

Сегодня нужна программа комплексных научных исследований по разработке и созданию атомных станций, основанных на новых принципах безопасности, соответствующая экспериментальная база. Необходимы качественно новые расчетные программы и вычислительная техника, надо овладеть методикой вероятностного анализа безопасности... И наконец, нужно вести все работы в тесной международной кооперации. Этот комплекс работ весьма недешев. Но он, безусловно, дешевле, чем ущерб от аварии на ЧАЭС. К сожалению, мы сильно отстаем от наших западных коллег и по анализу и управлению процессами при тяжелых авариях, и по вероятностному анализу безопасности и оценке риска...

— В последнее время общественность живо интересуется проблемами безопасности ядерной энергетики, предложения высказывают журналисты, писатели и некоторые ученые. В частности, академик Андрей Дмитриевич Сахаров, писатель Алесь Адамович и другие предлагают перенести атомные станции под землю. Что вы, профессионал-атомщик, скажете о таких вариантах?

— Если рассматривать этот вопрос с точки зрения количественно-вероятностного анализа, то сразу видна излишняя легкость подхода. Вообще я убежден: не существует панацеи от всех бед. Так, в медицине время от времени появляется лекарство от всех болезней — мумие, яблочный уксус и т. п. От чего-то они лечат, в других случаях — вредят. Так и здесь, рассматривая сценарии возможных аварий на атомной станции, можно убедиться: где-то подземное размещение полезно, а в иных местах просто противопоказано. Одно можно с уверенностью сказать: если бы черномыльский реактор был расположен под землей, то последствия аварии были бы неизмеримо больше. Почему? Ну, хотя бы из-за того, что не установилось бы конвективное охлаждение остатков активной зоны. Это привело бы к их сильному разогреву и проплавлению фундамента реакторного здания и прохождению расплавленной зоны вниз — вплоть до основных водоносных слоев.

— Ну, а в других местах?

— Для принятия решения о подземном размещении атомных станций надо (и это нами запланировано) провести конкретный анализ для каждой установки и сравнить полученные результаты с результатами анализа наземного варианта. Но поспешу разочаровать: пока что на западе подобные анализы положительного результата не дали. Жаль, что об этом не знает широкая общественность нашей страны. Вообще гласность жизненно необходима и для развития ядерной энергетики.

— Но ведь вы по-прежнему ведете свою работу за каменными стенами секретности!..

— Прежде чем бросать такой упрек атомщикам, послушайте одну историю, которая ярко характеризует отношение высоких инстанций к вопросам ядерной энергетики.

...Августовский вечер 1986 года. Тогда в кабинете В. А. Легасова мы просматривали поступившие из различных инстанций отзывы на первый вариант нашего отчета в МАГАТЭ по Чернобыльской аварии. В одной из бумаг было написано (к сожалению, этого текста у нас нет, но постараюсь максимально точно привести его по памяти): «Составление доклада в МАГАТЭ необходимо поручить экспертам из МИДа и КГБ, а авторов данного отчета привлечь к серьезной партийной и государственной ответственности». И привлекли бы, происходи это где-нибудь в начале 80-х. Но и в 86-м потребовались решения председателя правительственной комиссии Б. Е. Щербины и руководителя оперативной группы Политбюро Н. И. Рыжкова. Только тогда доклад дошел до наших западных коллег и, если помните, был очень высоко оценен.

И до сих пор нет причин для чрезмерного оптимизма. Надо идти дальше. Должна стать обычной международной экспертиза наших проектов. Все

необходимые материалы, сопровождающие проекты атомных станций, должны открыто лежать в районных и городских Советах народных депутатов, чтобы каждый желающий мог ознакомиться, задать вопросы, высказать свое мнение. Это не меры для успокоения общественности, в этом прежде всего польза для дела.

— Как выбираются площадки для строительства АЭС? Изменились ли критерии размещения станций после Чернобыля?

— Площадки для АЭС выбираются с учетом множества факторов: экономические потребности района, обеспеченность трудовыми и материальными ресурсами, природные условия, распределение населения. Решения по размещению ядерных объектов принимаются на правительственном уровне.

После Чернобыля критерии размещения АЭС стали точнее и строже. Например, площадки для вновь строящихся АЭС и АТЭЦ должны выбираться не ближе 25 километров от городов с численностью более 100 тысяч жителей, а для АСТ — не ближе 5 километров от крупных городов. При этом ограничивается суммарная мощность станций: для АЭС — 8 миллионов киловатт; для АСТ — 2 миллиона киловатт (тепловых).

— Вы, атомщик, утверждаете, что АЭС экологически чище, чем обычные тепловые станции. Это верно до момента крупной аварии. Не лучше ли вложить сотни миллионов в поиск эффективной очистки «выхлопов» на ТЭС, чем строить новые атомные, ведь каждая из них — потенциальный Чернобыль?

— Повторю: критический анализ, которому была подвергнута ядерная энергетика после аварии на ЧАЭС, не привел к изменению наших позиций в отношении развития ядерной энергетике в СССР и в мире в целом. Не изменился вывод о том, что ядерная энергетика реально наносит меньше вреда для окружающей среды и здоровья человека, чем угольная энергетика даже с учетом крупных аварий.

Исследования, проведенные в разных странах, показывают, что число случаев преждевременной смерти, сокращение продолжительности жизни и общие потери трудоспособности в расчете на единицу выработанной электроэнергии в угольной энергетике, включая ее топливный цикл, по крайней мере в 100 раз больше, чем в ядерной энергетике, также включая ее топливный цикл.

Итак, использование энергии атома — реальность наших дней. Атомная энергия вошла, однако, в жизнь человечества не через созидание, а через гибель сотен тысяч людей. Между пуском первой установки Энрико Ферми и пуском первой промышленной атомной электростанции Игоря Курчатова пролегла зловещая тень трагедии Хиросимы и Нагасаки. Сейчас ядерные арсеналы достигли размеров, угрожающих уничтожением самой жизни на Земле. Пришла пора осознать, что сохранение человеческой цивилизации — дело всех государств, ибо ядерная война неизбежно коснется всех и каждого. Пока не поздно, необходимо положить конец самоубийственному наращиванию ядерных вооружений, отказаться от курса на катастрофическую конфронтацию, начать реальный процесс разоружения.

Осознанием реальности нависшей над человечеством угрозы продиктована выдвинутая Советским Союзом программа ликвидации ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения во всем мире. Двадцатое столетие должно завершиться полной ликвидацией ядерного оружия в условиях мира и подлинной, равной безопасности для всех государств и народов.

Однако и мирный атом таит в себе немало опасности. Об этом свидетельствуют последствия аварий на ядерных объектах. Поэтому всем странам вместе надо добиваться того, чтобы возможность аварий в работе установок была сведена к нулю.

Обе задачи — и обеспечение безопасности мирного использования атомной энергии, и освобождение нашей планеты от ядерного оружия — требуют широкого международного взаимодействия, объединенных усилий всех государств, и в первую очередь ядерных, международных организаций и общественных сил, которые заинтересованы в создании всеобъемлющей и надеж-

ной системы международной безопасности.

Это дело как всех государств вместе, так и каждого в отдельности.

Будущее мировой экономики не представить без развития атомной энергетики. Мирный атом приносит немало пользы человечеству.

Предполагается, что к 2000 году ядерная энергетика будет обеспечивать более 20 процентов общей мировой выработки электроэнергии. В отдельных странах уже сейчас доля электроэнергии, вырабатываемой на атомных электростанциях, превышает 50 процентов. Более чем 30-летний опыт эксплуатации атомных электростанций убедительно доказал их жизнеспособность, экономичность и экологическую чистоту.

В последние годы значительно расширилась география ядерной энергетики. Строятся и эксплуатируются АЭС и исследовательские реакторы в развивающихся странах Азии, Латинской Америки и Африки. Последствия аварии, случись она в одной из таких стран, будут тем тяжелее, чем меньше в стране специалистов по радиационной защите, врачей и физиков. Пониманием этой опасности продиктовано еще одно принятое по предложению Советского Союза международное соглашение в рамках сотрудничества в МАГАТЭ—о взаимной помощи мирового сообщества в случае аварии на ядерном объекте в любой стране.

Атом позволит удовлетворять все возрастающие потребности человечества в области энергоснабжения промышленности, сельского хозяйства, научных исследований. Другой равноценной альтернативы в области энергоресурсов в наше время попросту нет.

Да, история «оседлания» атома, история того, как эту самую большую силу XX века «запрягали» для мирной работы, знает уже немало остановок. В мире уже зафиксированы десятки аварий на АЭС с утечкой радиоактивности. Некоторые из этих аварий—в США, ФРГ, Англии и, наконец, у нас в Чернобыле—привели к тяжким последствиям, нанесли значительный экономический и психологический урон. Планета Земля—маленькая, это тоже истина, открытая в XX веке. И такого рода события могут затронуть и соседние государства. Но они, с другой стороны, показывают, насколько велика взаимозависимость государств. Реальности ядерно-космической эры требуют, чтобы народы осознали себя единой семьей планеты Земля.

«Наше поколение понимает, что не земной шар принадлежит нам, а мы принадлежим ему,—сказал Генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликс.—И нам надо передать будущим поколениям чистую планету. Поэтому усилия всех государств должны быть сосредоточены на уничтожении ядерного оружия, на том, чтобы свести к минимуму риск от использования ядерной энергетики».

Тому, чтобы этот вывод был навсегда усвоен всеми странами, и должен послужить урок Чернобыля.

ПРИПЯТЬ. 6.1.87 г. 9 час 30 мин.

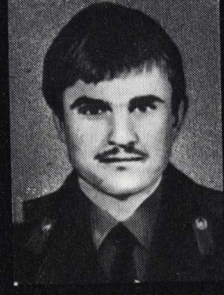

Владимир
Правик

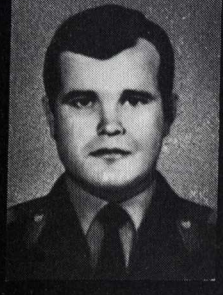
Владимир
Тищура

Николай
Титенок

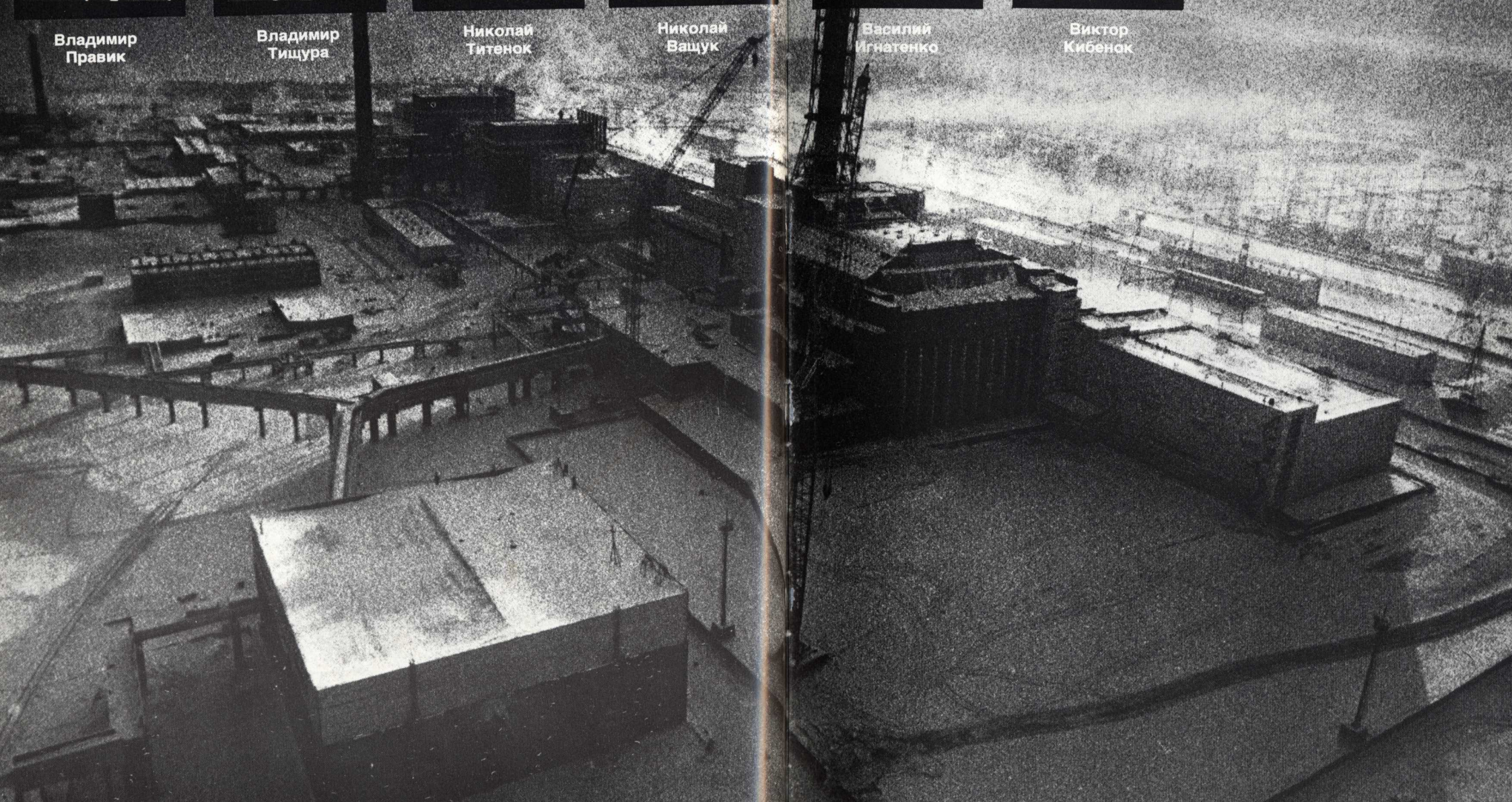
Николай
Ващук

Василий
Игнатенко

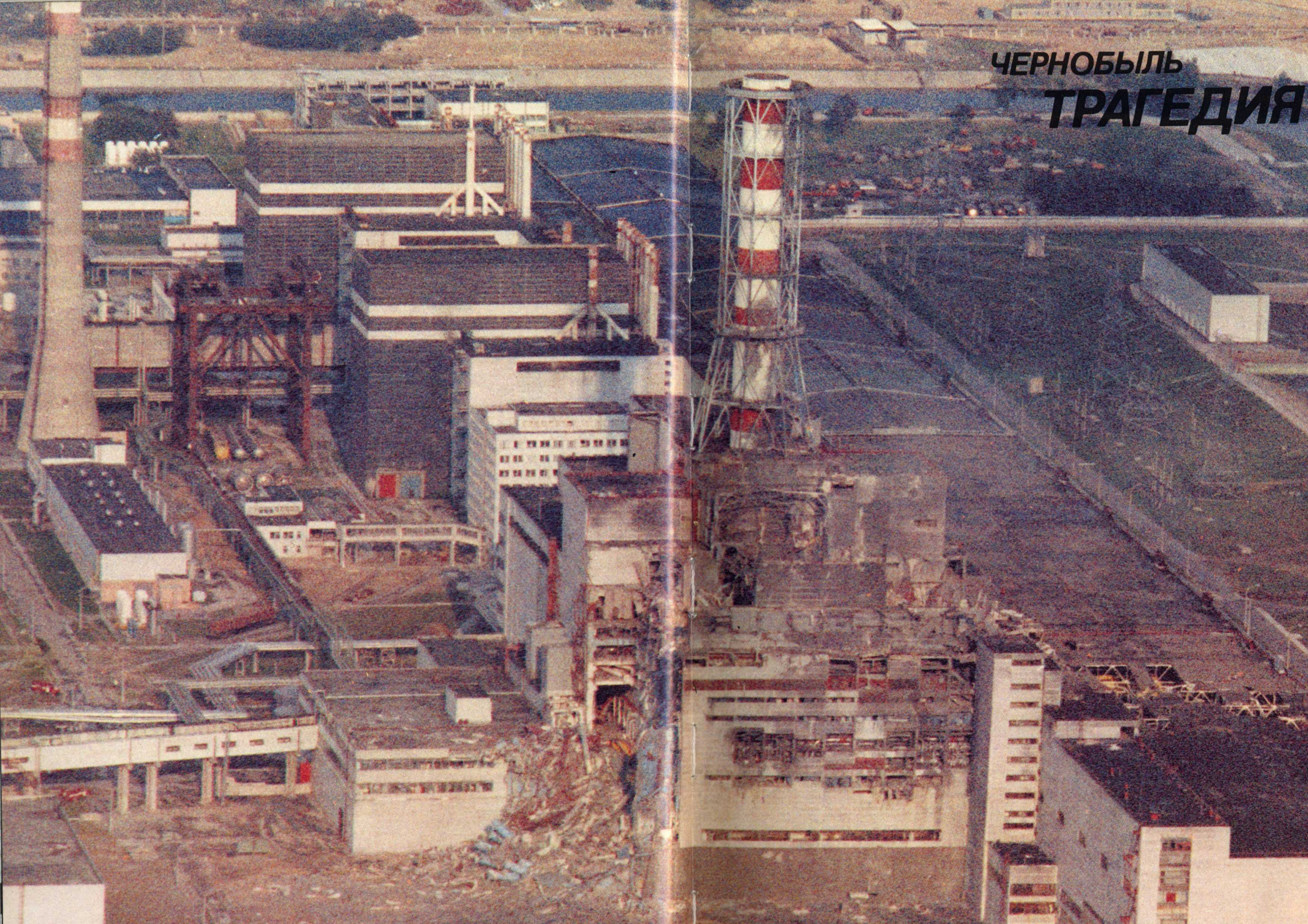

Виктор
Кибенак

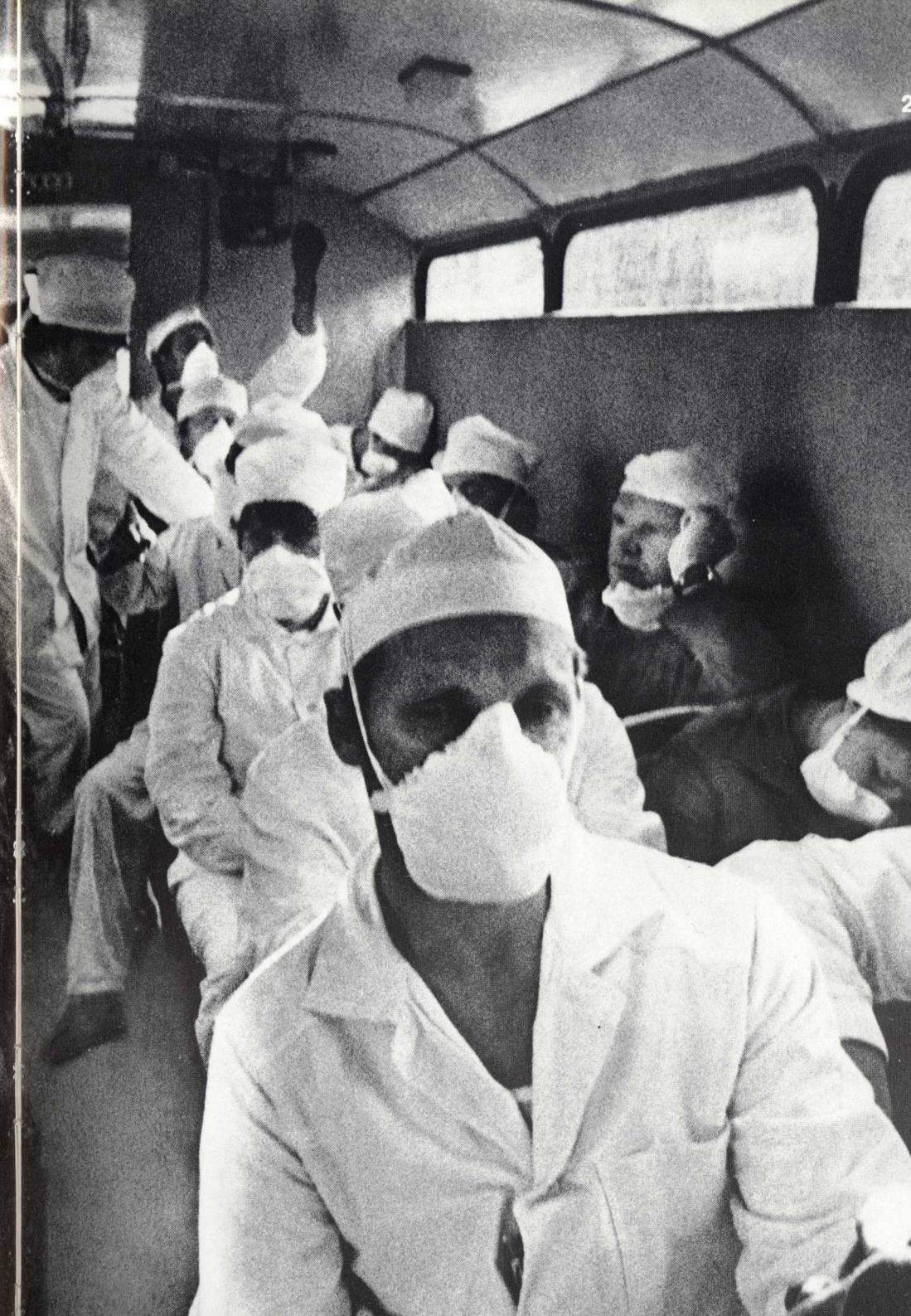

ЧЕРНОБЫЛЬ ТРАГЕДИЯ

A photograph of a forest with many birch trees. The ground is covered with dry, yellowish-brown grass and fallen leaves. A black rectangular sign is attached to a tree trunk on the right side of the image. The sign features a yellow triangular warning symbol with a red border and a red radiation symbol inside. Below the symbol, the text is written in Russian. The background shows a dense forest of birch trees with green and yellowing leaves, suggesting an autumn setting.

РАДИОАКТИВНОСТЬ
ОПАСНАЯ ЗОНА !
ВЫПАС СКОТА,
СЕНОКОШЕНИЕ,
СБОР ГРИБОВ И ЯГОД
ЗАПРЕЩЕНЫ !

1. Чернобыльская атомная. 26 апреля. Снимок четвертого взорвавшегося реактора сделан через несколько часов после трагедии.

2. Да, горькое дело — переселение. Нелегко бросить дом, оставить привычный уклад, порвать на неизвестный срок с родной землей.

3. В автобусы сели люди, и это село под Чернобылем опустело. Так хотелось всем верить, что ненадолго. Увы...

4. Словно в фантастическом кино, опустели улицы современного города. Пусто в домах, пусто в магазинах, кинотеатрах, пусто в детском игровом городке... Сейчас уже не вспомнить, то ли первый майский дождь омыл бывший город энергетиков, то ли это блестит вода, которую тоннами качали специальные отряды, занимавшиеся дезактивацией этого города. Увы: плоды их работы зачеркивала все та же радиация. Дома и улицы, все строения вновь быстро набирали фон. Тот самый радиационный фон, из-за которого до сих пор постоянно проживать людям в Припяти опасно. Опасно для жизни.

5. Ханс Бликс (в центре), директор Международного агентства по атомной энергетике — МАГАТЭ, приехал, чтобы увидеть, как идет ликвидация последствий аварии.

9. Тихо падает снег на притихшую, осиротевшую весны Припять. Пуст город, в котором совсем недавно проживало почти 50 тысяч человек.

10 — 15. Владимир Правик, Владимир Тищура, Николай Титенко, Николай Ващук, Василий Игнатенко, Виктор Кибенко.

Эти люди отдали свою жизнь, сбивая ночью пламя, не давая огню перекинуться на соседние блоки станции. Страшно даже представить, что было бы, не соверши они в эту ночь все, даже невозможное. Они заслонили собой не только ближних своих, но и дальних. Каждого из нас. Вечная им память...

17. Первая встреча с журналистами в пресс-центре МИД СССР 6 мая 1986 года. Председатель правительственной комиссии для принятия мер по устранению аварии и выяснению причин случившегося, заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина, ведущие специалисты знакомят советских и иностранных корреспондентов с положением дел на Чернобыльской АЭС. Вопросов было много. Еще продолжал сочиться радиацией разрушенный четвертый блок Чернобыльской АЭС, и потому последних вестей, точной информации ждали во всех уголках мира. Увы, рожденная неясностью первых дней, нехватка этой самой информации стала оборачиваться нам во зло. Приходилось не только опровергать всяческие слухи и домыслы, возникавшие тем чаще и нелепее, чем дальше от Чернобыля. Наши промахи вовсю использовала зарубежная пресса. Поток чудовищных нелепиц захлестнул желтые

издания, многие радио- и телестанции. Далеко не все, даже солидные издания, удержались в те дни от публикации «кляквы», не сыграли свою игру на нашей беде.

19. Со словами «опасная зона» у сотен тысяч людей долго еще будет ассоциироваться цифра 30. Ибо радиусом в тридцать километров очертили специалисты круг, центром которого стала АЭС, откуда необходимо было срочно выселить жителей. Деревни, поля, леса — все здесь опустело. Больше чем сто тридцать тысяч человек со скarbом, который могли унести в руках, с едой на три дня, покидали свой край. Какие же тогда стояли солнечные дни! Какая была весна! А по дорогам прочь от Чернобыля автобусы, машины... В автобусах люди, в грузовиках — скот. На новое место, пусть прекрасное, но чужое. Трудные, страшные дни.

20. А в этом автобусе люди ехали в противоположную сторону. К станции. На работу. Снимок сделан в июле, когда все переселение было закончено, когда размеры катастрофы стали ясны. Более того, когда вся раскрутилась машина государственной помощи, когда шли плановые восстановительные работы. Плановые, но — аварийные, опасные. И потому автобус этот с усиленной радиационной защитой: листами свинца обшиты стены, окна закрашены белой краской, а лишь перед шофером, словно в бронетранспортере, оставлена щель для обзора. Для того, чтобы видел он дорогу. А дорога только одна — на работу к станции, и обратно, на краткий отдых.

21. Защитная одежда в те дни на территории и в помещениях АЭС была обязательна.

22. Академик В. Михалевич — директор института кибернетики Академии наук УССР. Рабочий и академик, каждый на своем месте, делали одно дело — ликвидировали последствия аварии. Как и тысячи других людей, самых разных профессий, которых свела вместе общая беда.

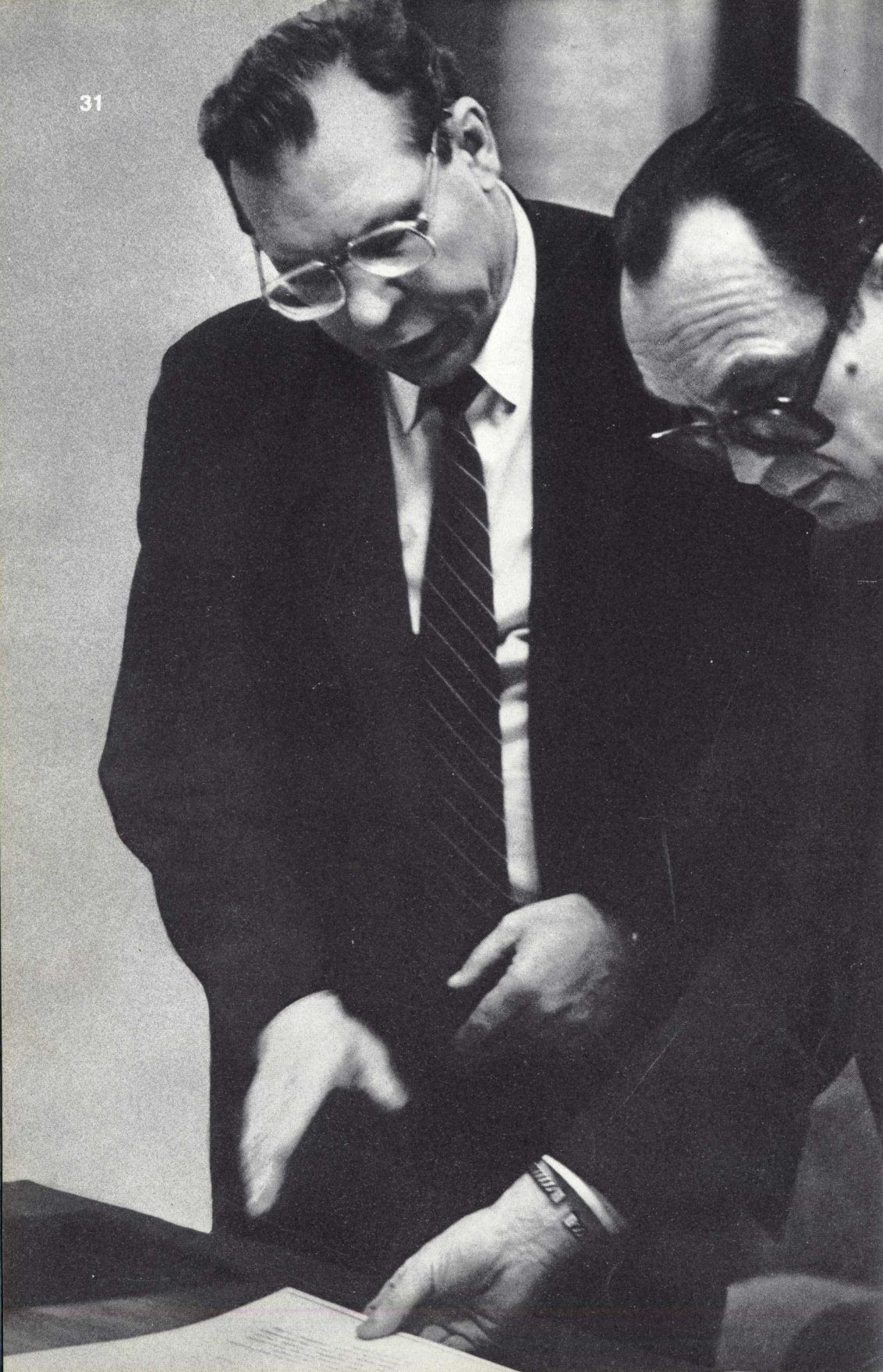

23. Часть станции — пруд-охладитель. Населяющие пруд растения и организмы, рыба испытали значительные радиационные нагрузки. Их последствия еще предстоит изучить. Летом, когда был сделан этот снимок, специалисты проверяли: можно ли использовать этот пруд, точнее, воду из него, когда будут включены не пострадавшие во время аварии первый и второй блоки АЭС. Пробы воды брались с вертолета.

24 — 25. Нелегкая работа досталась сотрудникам Государственной автоинспекции Украины. Для эвакуации только жителей города Припяти потребовалось одновременно подать 1100 автобусов. Усадить людей, помочь старикам и больным, объяснить, уговорить, заставить, в конце концов... И на всю эту сложнейшую задачу отводились считанные часы. Эвакуация началась в 14.00. Паники, которой, не секрет, опасались, не было. Операция по эвакуации была произведена за два часа. Колонна автобусов длиной в 20 километров отправилась в трудный путь, прочь от родного дома...

26. В майские дни наибольшую опасность представляла пыль с обочин дорог, которую поднимали тысячи машин. И хоть находился госавтоинспектор вроде бы в отдалении от станции, работа его была поистине опасной. А на этом перекрестке, у села Копачи, в трех километрах от АЭС, стоял особый пункт контроля — последний перед въездом на территорию станции. Особый пункт, особая работа. И, увы, особая опасность. А транспорт шел днем и ночью. Без перерыва. Требовался бетон, арматура, техника, люди — и все это шло через Копачи. На обратном пути необходимо было проверить — не вывозит ли машина на своих колесах радиоактивную грязь. И если уровень загрязнения превышал допустимый, технику необходимо было очистить. Здесь же, у перекрестка, был организован первый из многочисленных пунктов очистки.

27. Привычными стали такие колонны на дорогах Чернобыльского и близлежащих районов Киевской области. Им включали зеленый свет: эвакуация должна была проходить без всяких заминок и задержек.

28. Поля под Чернобылем после аварии перестали быть кормильцами. Все, что взрастало на них после апреля, любая травинка-былинка «впитывала» смертоносную радиацию. А как поведут себя хлеба и травы потом, когда земля будет очищена?.. Какова вообще возможность очистки этой земли от радиационной грязи? Десятки вопросов, которые еще не решались нигде во всем мире, поставила перед специалистами авария. Вот и вышли они на поля в таком страшноватом «атомном» одеянии.

29. Крупнейшие специалисты, видные хозяйственные работники, занимающие ответственные государственные посты, были включены в правительственную комиссию, которую возглавлял заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина. Далеко не всегда кабинетной была их работа.

Для того чтобы наглядно убедиться в действенности мероприятий по ликвидации последствий аварии, чтобы выяснить на месте, что нынче более всего необходимо, члены комиссии приезжали на станцию. Чернобыль был штабом, площадка АЭС становилась стройкой.

30. Тяжелые транспортные военные вертолеты стали в эти дни не только средством перевозки людей и грузов. Они принимали участие в самых первых мероприятиях по ликвидации аварии. В часы, когда еще излучал смертоносную радиацию разрушенный реактор, они первые приближались к нему и зависали над «кратером». С 27 апреля по 10 мая при помощи вертолетов в жерло этого кратера было сброшено около 5 тысяч тонн различных материалов. Цель одна — покрыть шахту реактора толстым слоем сыпучей массы, которая задерживала бы выброс, гасила опасность. И вот к 6 мая приборы констатировали: выброс перестал быть существенным...

31. Крупнейшие ученые страны под руководством известного физика, академика В. Легасова с первых же дней после аварии решали поистине грандиозные задачи. Такие, какие прежде никто в мире не ставил, а потому и ответа на них, даже теоретического, не имел. И медлить с решением было нельзя — радиация не попросишь: погоди, дай время подумать...

32. На крыше машинного зала, там, где уровень радиации был очень высок, где обломки четвертого реактора после взрыва лежали кучами, работы были сверхопасны. И пребывание там человека нормировалось буквально секундами. Но обломки надо было убрать, столкнуть с крыши, чтобы потом их увезли и захоронили глубоко в бетоне. Вот почему работу здесь, на крыше, без преувеличения можно считать подвигом. Для этой работы трактор, оборудованный спереди ножом, обили свинцовыми листами, максимально защитив водителя.

НА
ОБОУЧЕНИЕ

33. Этот кадр уникален. Через специально пробитую в третьем блоке, на самой верхотуре, на чердаке, дырку объектив фотографа запечатлел страшный развал, искореженную арматуру, обожженный, оближенный огнем бетон. Вся эта смесь металла, камней и остатков современной техники и есть то, во что превратил взрыв и последовавший за ним пожар четвертый энергоблок ЧАЭС. До него, источника невидимую смерть, буквально метры...

34. Д. Дмитриев — заместитель начальника группы радиационной безопасности и дозиметрического контроля. Его люди в Чернобыле как разведчики на фронте. Прежде чем любые специалисты отправятся на крышу, в подвал, прежде чем машины проедут по новой дороге, этот путь проделают дозиметристы. Разведают, измеряют, выяснят — можно ли сюда вообще соваться. А если можно, то каковы «приемлемые» для человеческого организма и крайне жесточенные врачами дозы, которые неизбежно получат пришедшие сюда работать. Отряд дозиметристов не только расчищал путь всем остальным, от точности и пунктуальности его работы зависела безопасность всех, работавших на станции.

35. Обычный в опасной зоне знак. И таких или подобных — запрещающих, ограждающих, предупреждающих — знаков работники ГАИ уже к июлю установили на чернобыльских дорогах около пятисот.

36. Первые сообщения из Чернобыля, волновавшие всех нас, принесли информацию, увы, и о первых жертвах. Но удар радиации настигал не только людей, но и все живое. Там, где радиоактивных обломков было особенно много, там, где осадки выпали густо, там и природа понесла потери. Появилось даже новое определение — рыжий лес. В этом лесу стояли не просто увядшие, умершие деревья. Это были деревья зараженные. Здесь все живое теперь уже само несло опасность. И рыжий лес пришлось не только выкорчевать, но и захоронить в специальных могильниках глубоко под землей. Да, в Чернобыле хоронили лес.

37. Сотни миллионов рублей поступило на счет № 904, открытый в Госбанке СССР. Можно сказать, что у нас в стране не было семьи, которая не посчитала бы своим долгом помочь пострадавшим от аварии.

38. 8—9 августа член Политбюро ЦК КПСС, председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков и член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета государственной безопасности СССР В. М. Чебриков посетили Чернобыльскую АЭС. Здесь, прямо на промплощадке, явственно были видны результаты крупномасштабных и энергичных мер, предпринятых многими организациями и ведомствами.

39. Строительство «саркофага» началось.

40. Настало время, когда на станции появились даже иностранные гости. Хотя Ханса Бликса, председателя МАГАТЭ, назвать гостем в прямом смысле слова трудно. Ведь этот руководитель крупнейшей и авторитетнейшей международной организации, специалист по атомной энергетике, приехал сюда для работы. Для того, чтобы все увидеть и доложить мировому сообществу, как идет ликвидация последствий чернобыльской аварии.

41. По сравнению с промплощадкой, где днем и ночью кипела работа, двигалась техника, в бронетранспортерах и спецмашинах перемещались люди, особенно тихими казались оставленные жителями села. Пусты были улицы многих населенных пунктов тридцатикилометровой зоны.

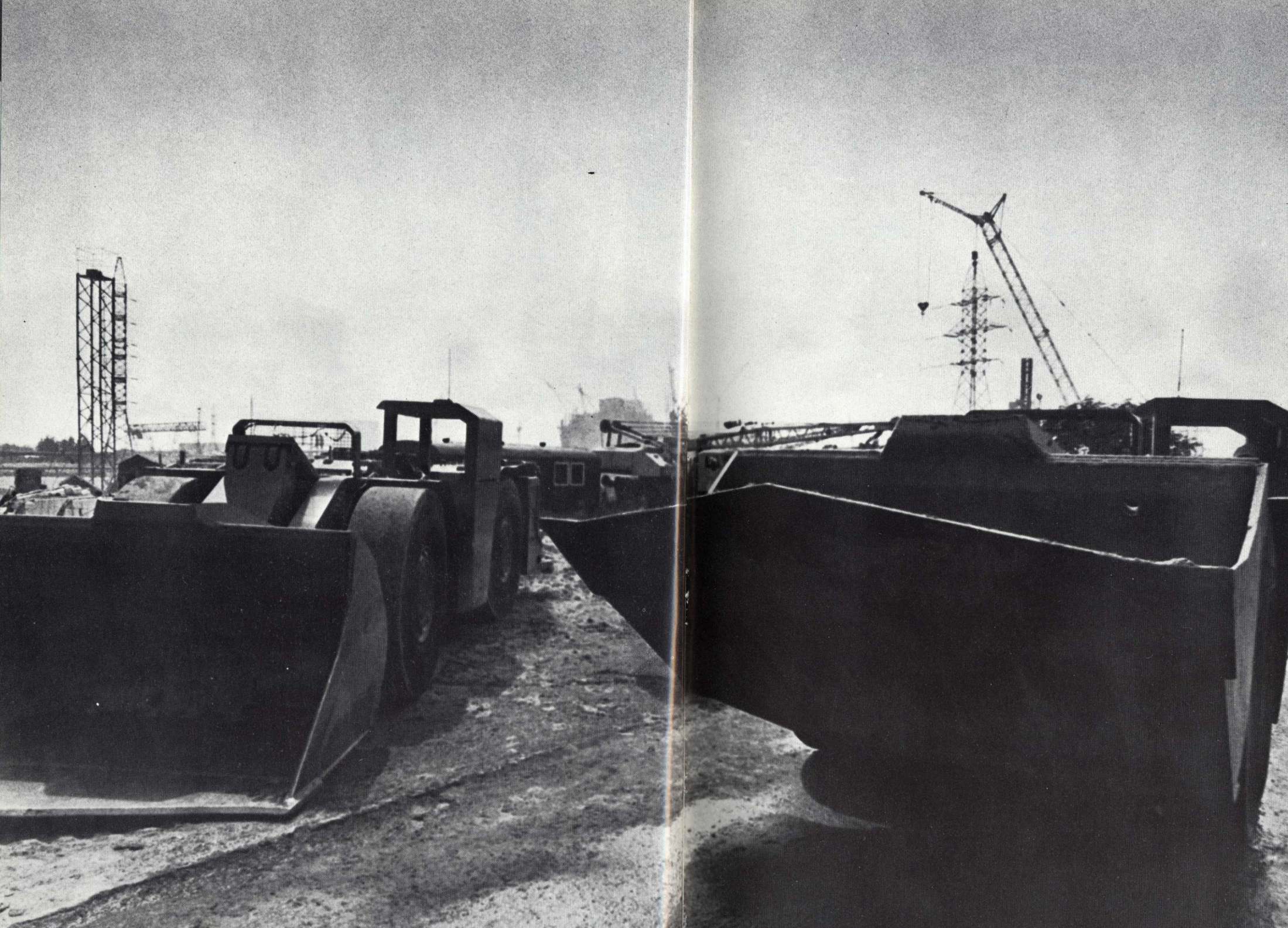
42. Начальник службы специальной дозиметрической разведки А. Юрченко и один из руководителей штаба по ликвидации последствий аварии, работник Чернобыльской АЭС В. Голубев. От четкого контакта этих людей, вернее, служб, возглавляемых двумя специалистами, во многом зависели темпы работ на промплощадке.

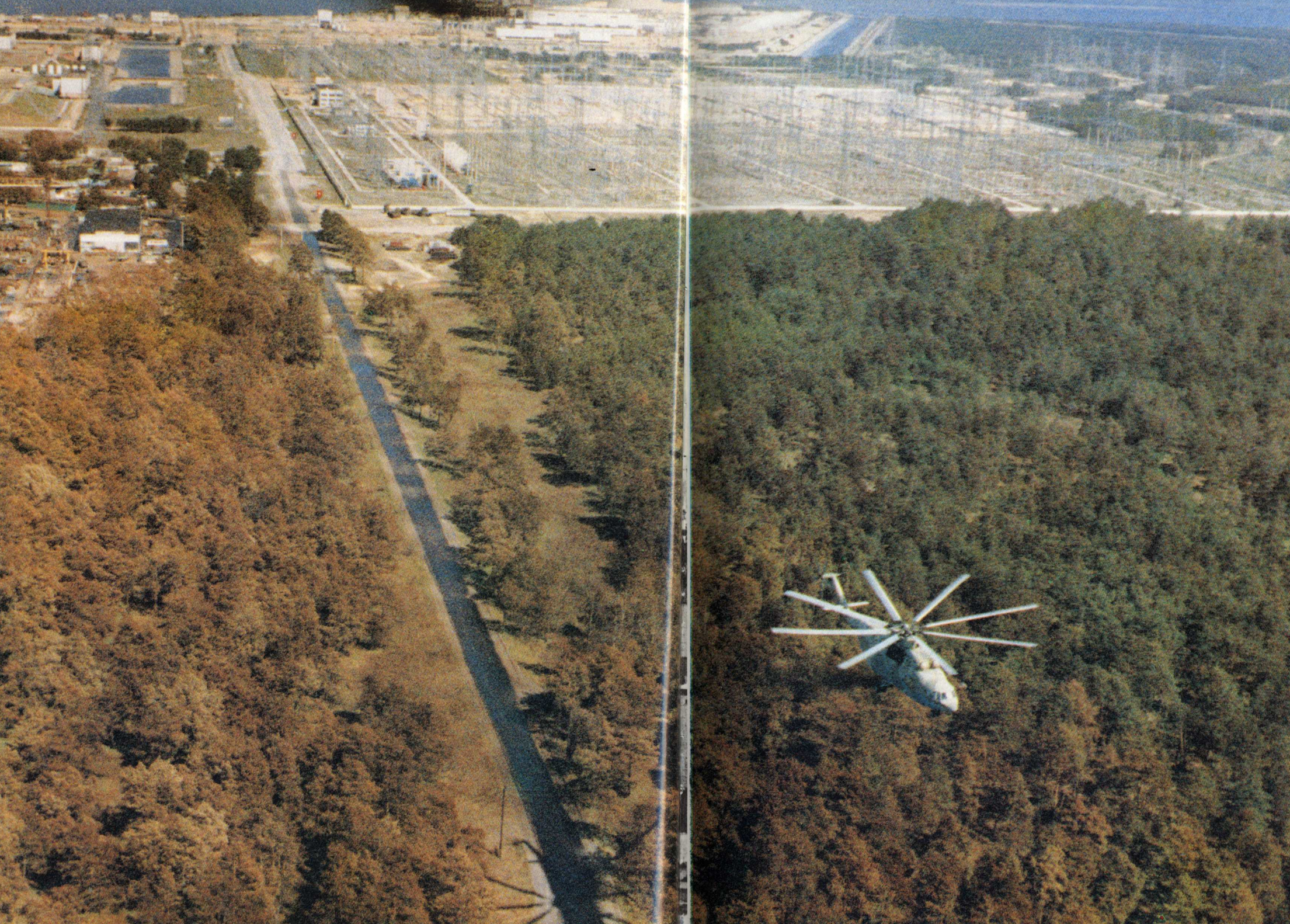
43. Н. Карпан, заместитель главного инженера Чернобыльской АЭС по науке, рассказывает о положении дел на станции господину Питеру Уокеру, министру энергетики и электрификации Великобритании.

44. Тщательность, тщательность и еще раз тщательность. Во время аварии не пострадал первый энергоблок, но все равно все «детали», все механизмы станции были подвергнуты досмотру с пристрастием. Пришлось вскрыть достаточно сложное инженерное сооружение — пол машинного зала первого энергоблока. Дозиметристы заглядывали в каждую щель, осматривали каждый прибор. Таким образом была составлена беспристрастная и объективная картина загрязнения станции. Без этого нельзя было не только думать о пуске первого и второго энергоблоков, но и вообще вести серьезные восстановительные работы.

45. В пустых коридорах станции тоже проверялся каждый сантиметр.

46. И там, за стеной, но уже в другой — спецодежде — работали дозиметристы.

47. Как и люди, даже самая выносливая техника требовала передышки. Ее тщательно осматривают, проверят, и она снова начнет вгрызаться в землю, чтобы снять верхний тридцатисантиметровый слой и навсегда захоронить. Вдумайтесь — хоронили даже землю!

48. Из очередного рейса к станции возвращается тяжелый вертолет. Что делали его пилоты и те, кто сидит с ними рядом? Быть может, «бомбили» жерло кратера четвертого разрушенного блока мешками с песком? Или производили заборы воздуха, зависая над самым опасным местом? Или поливали сверху корпуса станции дезактивирующим раствором? Вертолетчики должны были успеть все — каждая работа в первые дни была самой важной.

49. Правительственная комиссия, работавшая в восемнадцати километрах от станции, в Чернобыле, только на ночлег покидала опасную зону.

50. За пять минут мощный вертолет рассеивает широкой полосой около 12 тысяч литров жидкости, которая превращает в пленку, связывает радиоактивные частицы. Дезактивации вокруг станции подвергалось буквально все. Случалось, что одного раза было недостаточно. Тогда вертолетчики принимались за работу вновь и делали ее второй, третий, десятый раз. До тех пор, пока дозиметристы не определяли: уровень радиации упал настолько, что здесь можно работать.

51. И далеко от Чернобыля, в Москве, в Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова, ученые проводили мозговые атаки, решали сложнейшие научно-технические вопросы, обсуждали каждую деталь саркофага, который намеревались возвести над четвертым разрушенным блоком АЭС.

52. Как зовут одного из тысяч героев Чернобыля, управлявшего этой техникой, сейчас и не вспомнить. Зато имя его жены можно назвать твердо — Анна. «Аннушка» — вывел на своей, став-

шей поистине боевой машине этот офицер.

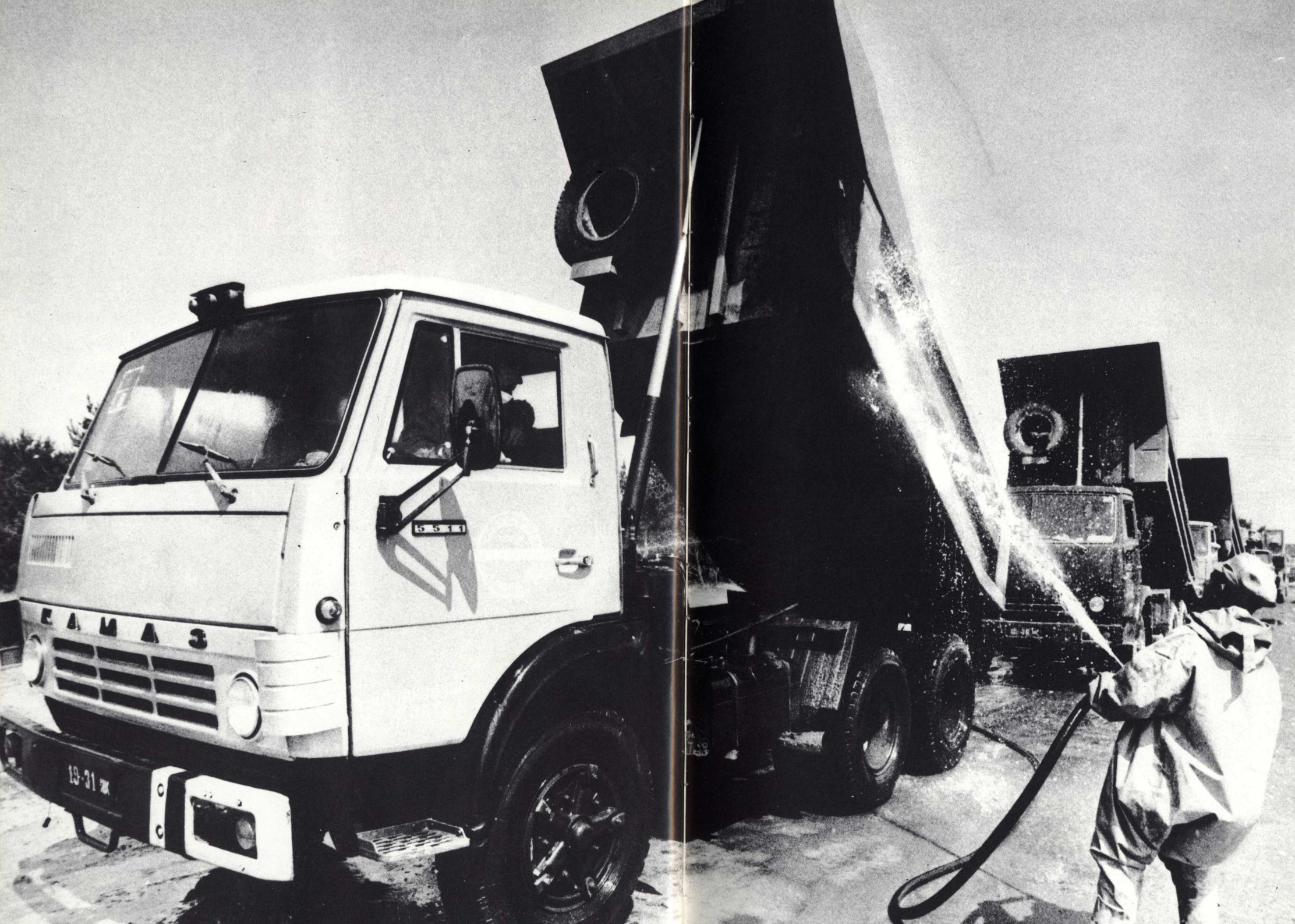
53. Трудно даже себе представить, как сложились бы работы по ликвидации аварии, если бы не помощь армии. Солдаты и офицеры, расположившись прямо внутри тридцатикилометровой зоны во временных палаточных лагерях, работали круглосуточно на самых разных участках, в самых сложных ситуациях. В том числе и самых опасных. Вот уж где был истинный фронт. В Чернобыле, как и на передовой, год можно было считать за три...

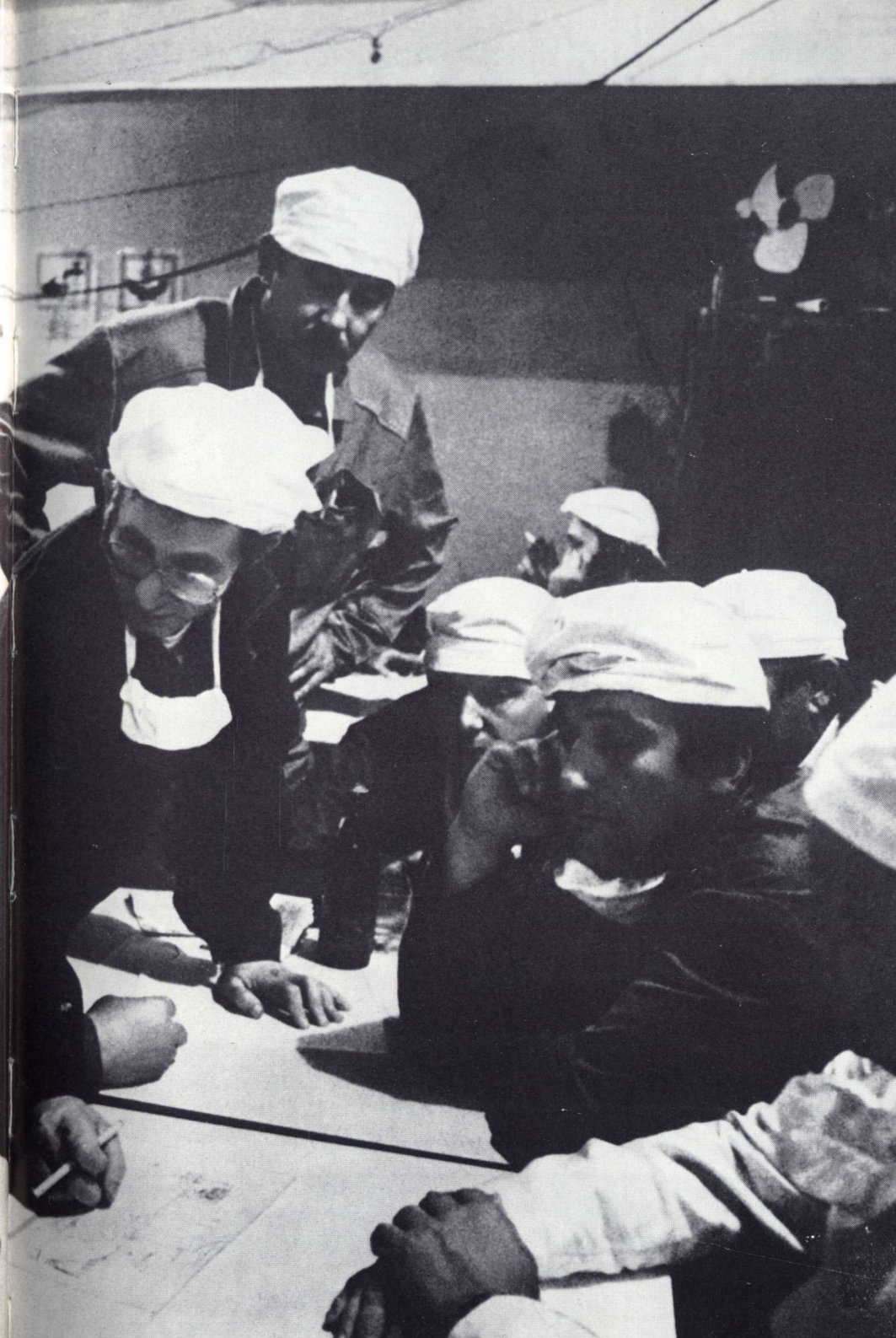

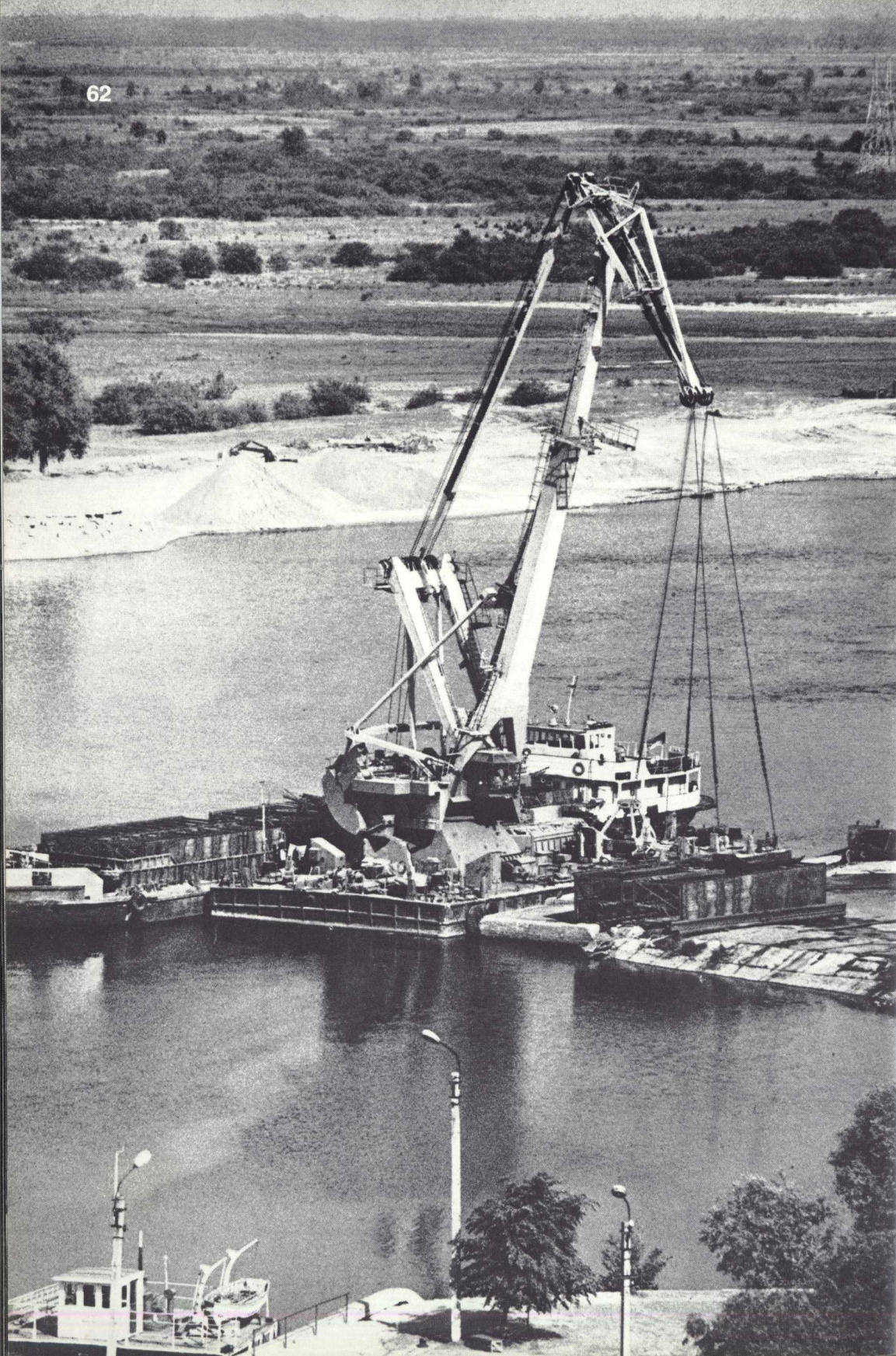

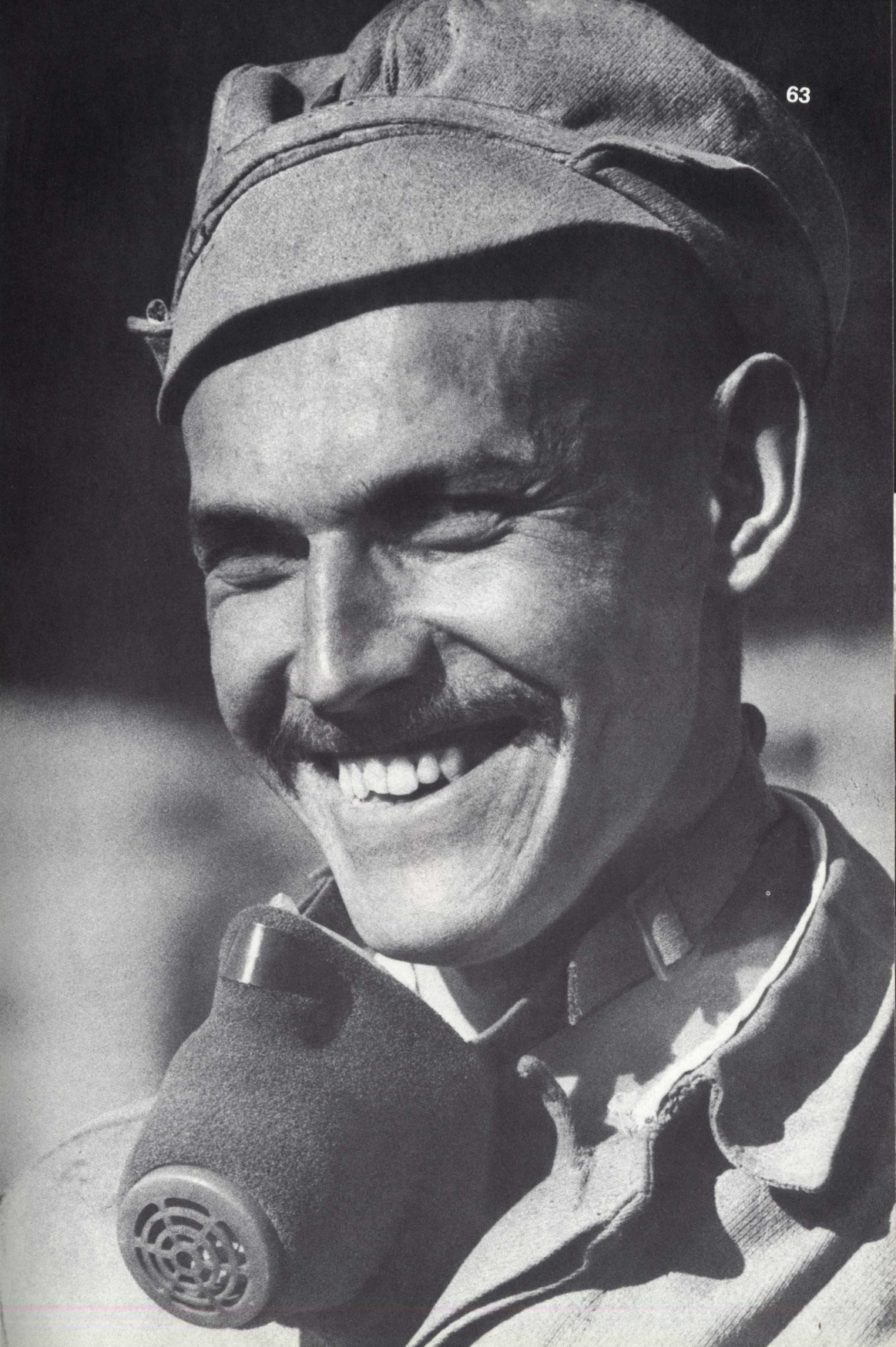

54. Защититься от радиации необходимо было всем — люди надевали «мягкую» спецодежду, машины одевали свинцовую броню.

55. Вертолетчики брали с собой на борт специалистов. Экипажем в те дни можно было считать всех, кто поднимался на борт. Лишних, понятно, не было. Вот и этот рейс — особый. Идет забор воздуха, берутся пробы в районе разрушенного реактора. Туда в первые дни необходимо было летать каждые два часа. Ибо ситуация постоянно менялась, а ослаблять контроль было нельзя.

56. И все-таки сколько ни контролируй, сколько ни страхуйся, оставались места, где радиационный фон был поистине чрезвычайен. А идти туда — необходимо. Случалось, отказывали радиоуправляемые механизмы. Они выходили из строя из-за высокой ионизации воздуха, из-за поломок. И только у людей отказа не было. Когда уходили в самое пекло, одевали специальную защиту. И все-таки защита эта могла предохранить лишь на считанные минуты. Вот и приходилось лимитировать работы этими самыми считанными минутами.

57. Лето. Наступили дни, когда жесткие ограничения врачей на работы в непосредственной близости от аварийного реактора были сняты. Это стало возможным лишь после огромного комплекса дезактивационных мероприятий, после того, как слой грунта вокруг станции был снят, а земля оделась в панцирь из бетона. И теперь строители могли уже всю развернуть свою деятельность по возведению саркофага. Саркофаг... Это слово промелькнуло в печати еще в майские дни, когда ученые спорили о способе захоронения или, точнее сказать, укрытия всего четвертого блока, продолжавшего излучать радиацию. Задача после аварии была поставлена грандиозная — спроектировать в кратчайшие сроки такое сооружение, которое намертво бы замуровало радиацию, излучаемую разрушенным реактором, и одновременно позволило бы ученым и специалистам следить за тем, как ведет себя упрятанный под толщей металла и бетона искореженный, изломанный, но еще полный топлива реактор. Вновь зазвучало слово «впервые» — впервые в мировой практике был спроектирован и начал сооружаться саркофаг. Но, понятно, для этого надо было обезопасить строительную площадку. Такое гигантское сооружение сменами, ограниченными двумя-тремя минутами, не возведешь.

58. Сотни, тысячи машин с грузами спешили весной, летом и осенью в тридцатикилометровую зону: Чернобыль требовал самых различных грузов, и все с пометкой — срочно. Но попадая на площадку или даже проезжая по дорогам тридцатикилометровой зоны, эти машины так или иначе попадали под воздействие радиации, тащили с собой грязь. И уже в середине мая была поставлена задача — не допустить разноса грязи из тридцатикилометрового кольца, организовать «чистую» технику. Так появились пункты дезактивации, на которых мыли выходящие

из зоны машины. Но некоторые из них набирали такое количество радиации, которое быстрой чистке не поддавалось. И такую технику для стратегической экономии сил, для ускорения и без того фантастических темпов работ пустили «по кольцу». На границе зоны создали специальные перевалочные пункты, где «чистые» автомобили оставляли грузы, а их развозила по местам техника, которой выход из кольца зоны был запрещен.

59. И все же как бы хорошо ни поработали на промплощадке вокруг станции дезактиваторы, постоянно находиться на ней без ущерба для здоровья было невозможно. А обстоятельства требовали максимальной близости специалистов к реактору. Тогда и появился бункер — подземное помещение, оборудованное телевизионной связью с промплощадкой. Здесь разместился оперативный штаб строителей. Свет в этом бункере горел днем и ночью.

60. Прошли месяцы со дня аварии, но внимание к ней со стороны международной общественности не ослабевало. Специалисты изъявляли желание побывать на станции. И такая возможность была им предоставлена. Министр энергетики Великобритании господин Питер Уокер не просто осмотрел станцию — он подробно беседовал с ее директором, со многими специалистами, принимавшими непосредственное участие в ликвидации последствий аварии.

61. «Чернобыль: хроника трудных недель» — так назвал свой фильм киевский режиссер Владимир Шевченко. Трагична судьба этого документалиста, так и не дождавшегося премьеры своей работы. Ах, сколько советов давали ему разного рода «спецы»! Толковали, что надо показывать в Чернобыле, а что — нет, какие кадры «реально» отражают ситуацию, а какие лишь замутняют сознание советского человека. Но если бы хоть на минуту те, кто считает себя вправе давать документалистам (репортерам, хроникерам, фотографам) руководящие указания, испытали бы на себе то состояние, которое можно испытать, пожалуй, только в одном месте — на крыше машинного зала, откуда видны развалины взорвавшегося реактора... На этом снимке как раз запечатлено то место, где работали Владимир Шевченко и операторы Виктор Крипченко и Владимир Таранченко. Какова здесь была обстановка в дни их съемок? Опасная, близкая к чрезвычайной. Но они сделали свое дело — на экраны страны вышел фильм о событиях в Чернобыле.

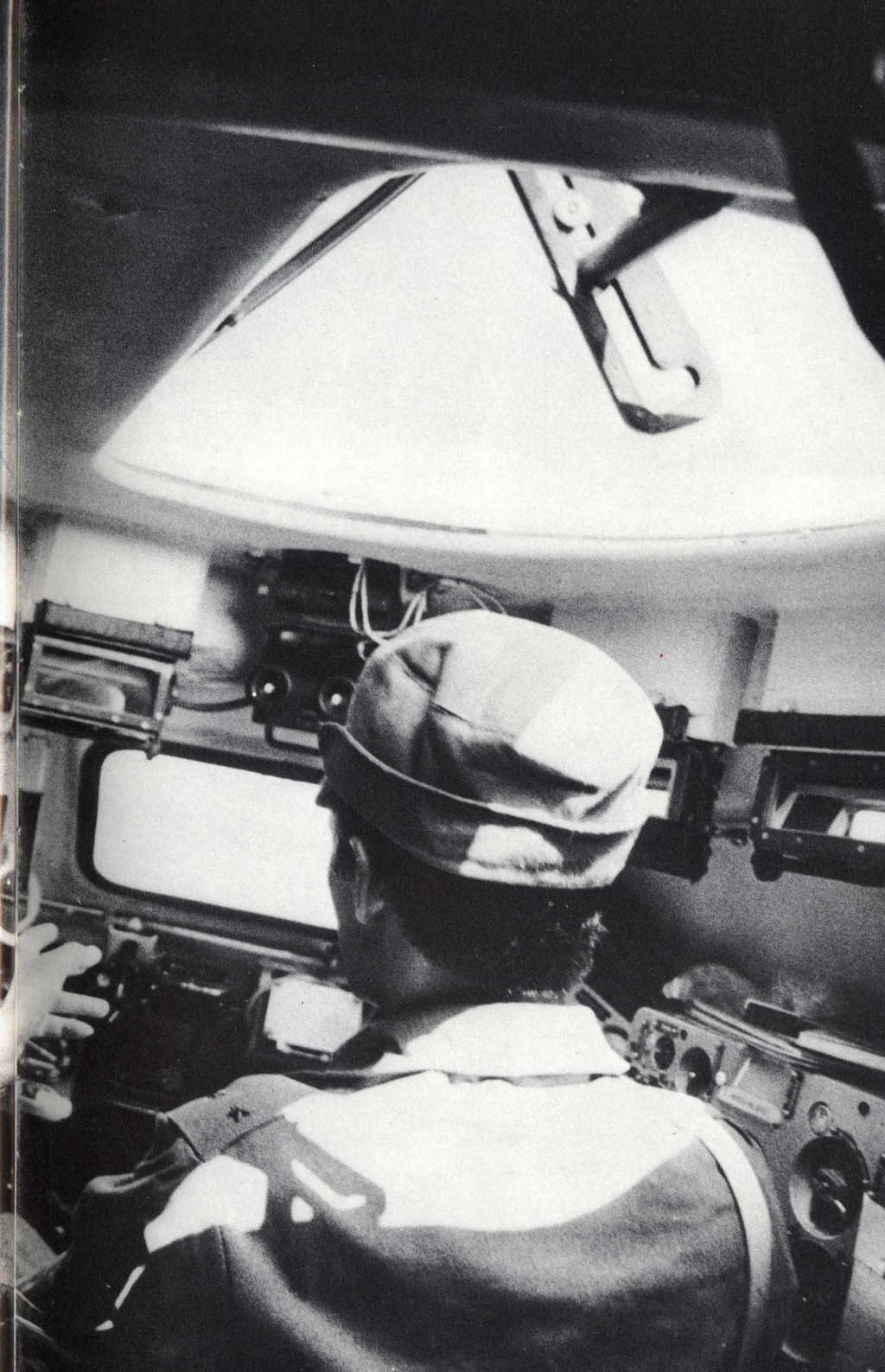
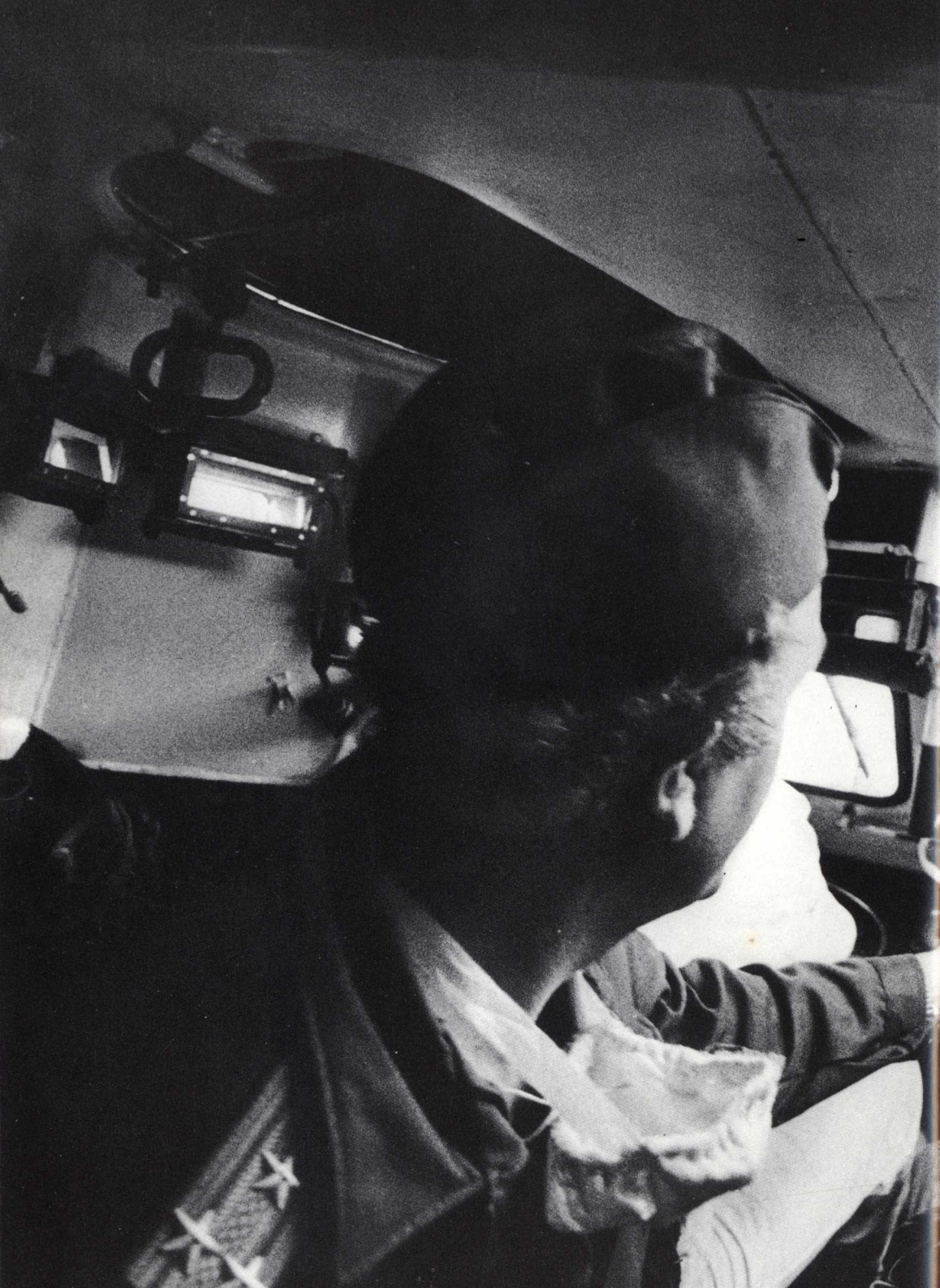
62. Заработал всюду Припятский порт. И теперь часть груза в прямом смысле слова была снята с плеч водителей грузовиков. Наиболее объемные и тяжелые металлоконструкции, шедшие на возведение саркофага (а их потребовалось больше 6 тысяч тонн), поступали водным путем по Киевскому водохранилищу и реке Припять.

63. Даже в самые тяжелые дни люди улыбались. Быть может, причина тому — молодость большинства из добровольцев?

64—66. Почему смородина и крыжовник накапливают больше радиации, чем другие ягоды? А помидоры и редис, собранные в самое «горячее» время, можно было употреблять в пищу — достаточно лишь вымыть как следует и выбросить ботву? Почему в ботве картофеля радиоактивность во много раз выше, чем в клубнях? На эти и множество других вопросов предстояло ответить ученым — не случайно продукты питания после аварии стали предметом общего пристального интереса. Давно было известно, скажем, что некоторые микроорганизмы, грибы, растения обладают странной «прожорливостью» — вытягивают из почвы именно радиоактивные элементы и накапливают очень высокие концентрации их. Какие именно и из каких почв? И можно ли это свойство растений использовать для возвращения земли сельскому хозяйству? Наблюдения предстоит вести еще долго...

67. Тревожность обстановки, рожденная первыми страшными днями, уходила в прошлое. Постепенно все службы четко расписывали свои действия, каждый в Чернобыле наизусть изучил «свой маневр». И все-таки каждые четыре часа выезжали на бронетранспортере, оборудованном специальной радиационной защитой, разведчики. Это — военные инженеры и техники, офицеры, которые были обязаны, перед тем как отдать приказ об очередном этапе работ, детально осмотреть предстоящее место «боя».

68. По древней легенде, Прометей украл у богов огонь и принес его людям. Те, кто ставил эту скульптуру, конечно, не думали о том, что знаменитый герой останется в городе в одиночестве. По замыслу авторов он должен был символизировать торжество человеческого разума, «обуздавшего», как принято говорить, атом. Сегодня, увы, символ говорит об ином. Глядя на снимок пустой Припяти с одинокой скульптурой, невольно задумываешься: ирония судьбы в том, что мудрый Прометей стал свидетелем того, как мирный, такой, казалось бы, «домашний» атом, согревавший и дававший свет, вышел из-под контроля. Действительно, мы несколько переоценили всевластие человека, действительно, несколько рано посчитали себя царями природы, действительно, уверовав в научно-технический прогресс и силу разума, забыли о том, что есть на свете такие простые вещи, как порядок, квалификация инженеров и техников, ответственность ученых за свои решения, точность в исполнении разумных приказов. Когда всего этого нет — нет и никакой гарантии безопасности нашей «власти» над природой. Тогда-то мирное пламя Прометея становится неуправляемым. Тогда-то природа и мстит жестоко и страшно. А потому Чернобыль и припятский Прометей — это еще и вечный укор людскому самонадеянству.

69. Вскоре после начала крупномасштабных работ на промплощадке выяснилось — сюда не хватает подъездных путей. А те, что есть, попали в зону повышенной радиации, поэтому путь по ним возмо-

жен только на спецтранспорте. Встал вопрос о строительстве новых дорог, о детальной разметке старых. И такая спокойная, мирная профессия дорожников — людей в оранжевых жилетах — стала поистине героической. Они прокладывали новые пути. Новые — значит, безопасные. Хотя об абсолютной безопасности в Чернобыле даже к концу лета говорить было рано.

70. Уже была налажена пусть аварийная, но распланированная по четким программам жизнь на стройке, уже Чернобыль перестал быть только адресом беды, но стал и местом опробования новых технических решений, уже наступила осень, но напоминание об опасности для многих в тридцатикилометровой зоне проступило как бы еще явственней. Спала листва с богатейших садов Полесья, но плоды с деревьев рвать было нельзя — радиация! Так и ушли они под снег, так и остались сады и урожаи необранными.

ЧЕРНОБЫЛЬ
ПОДВИГ

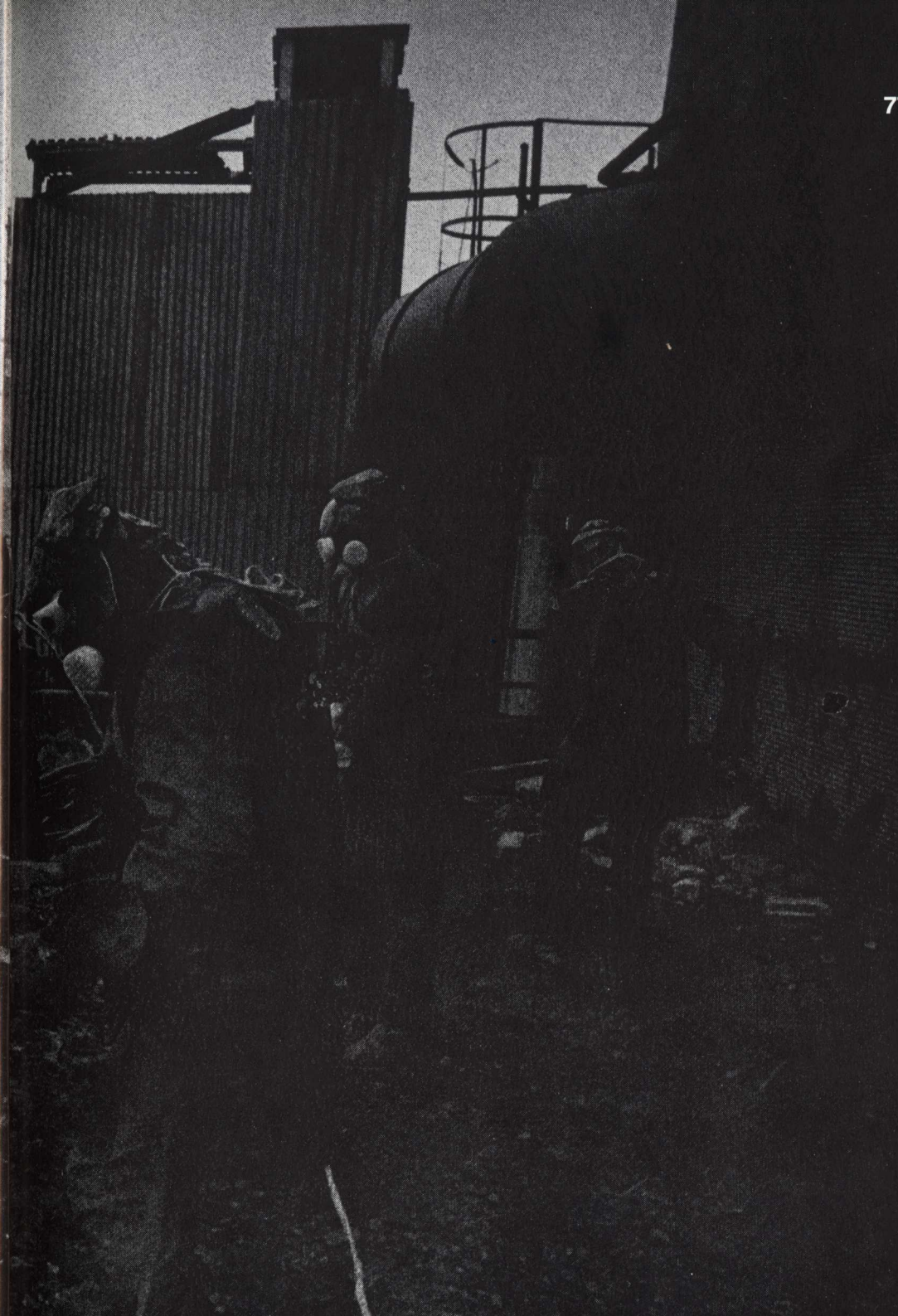
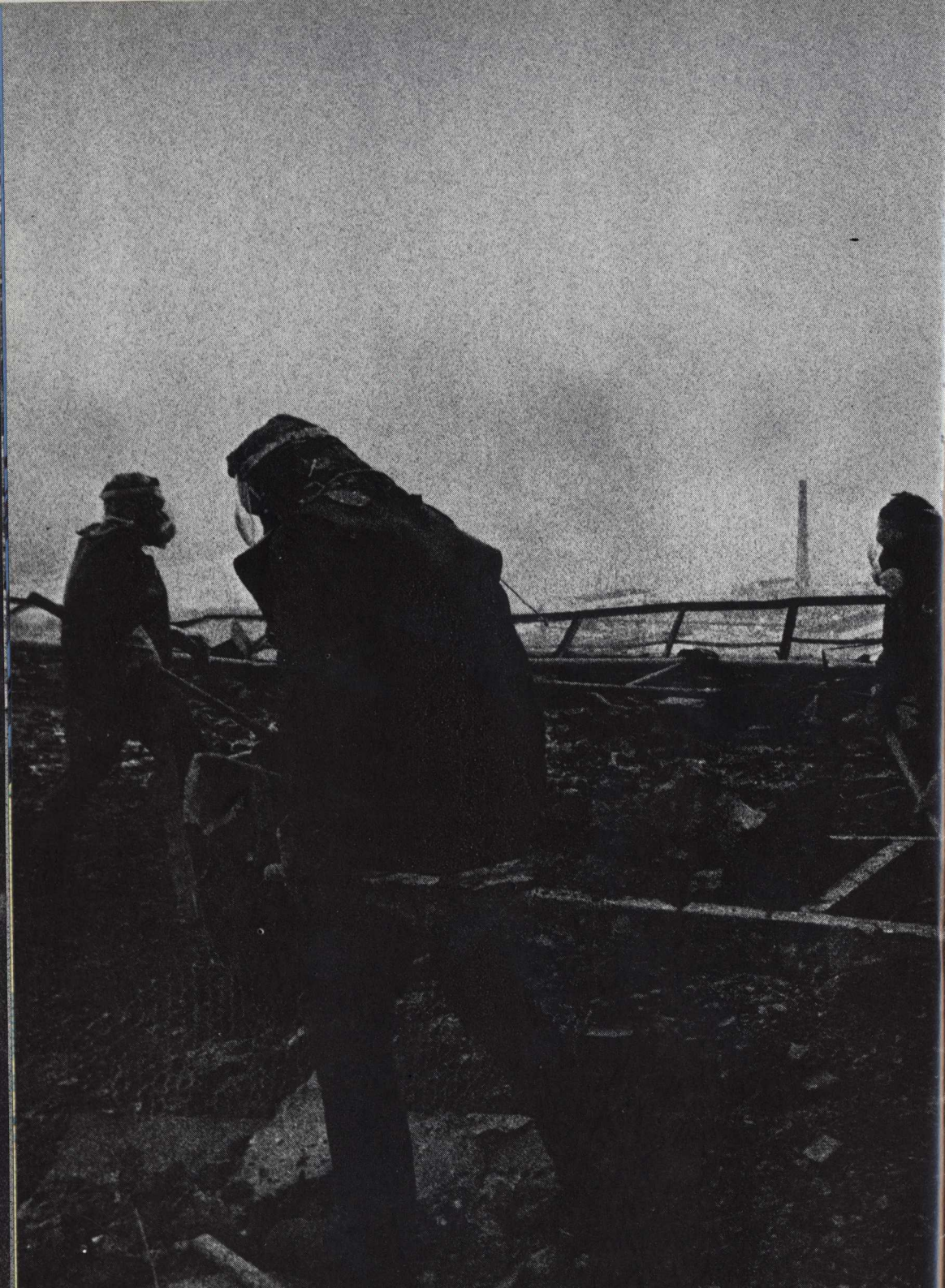

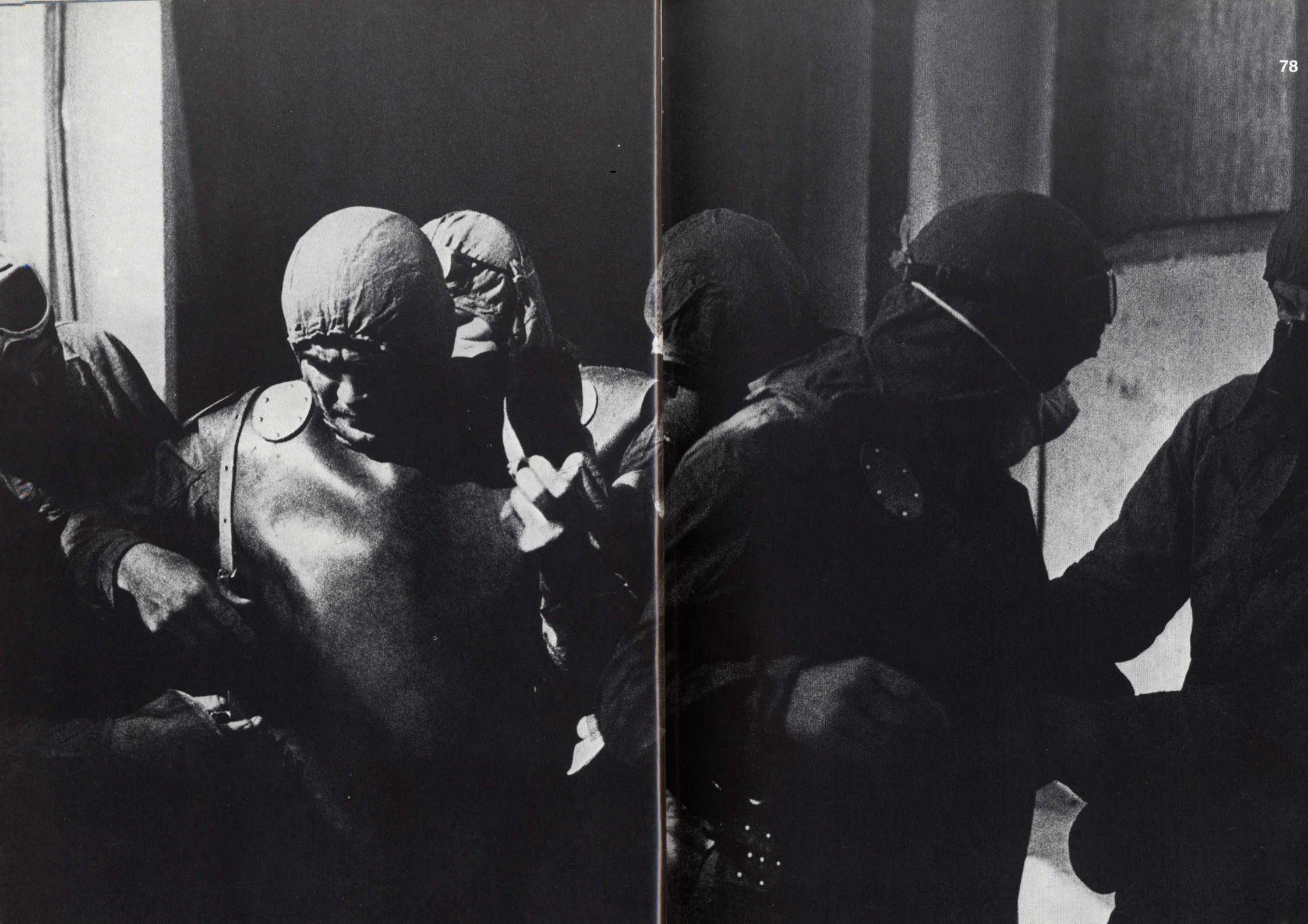

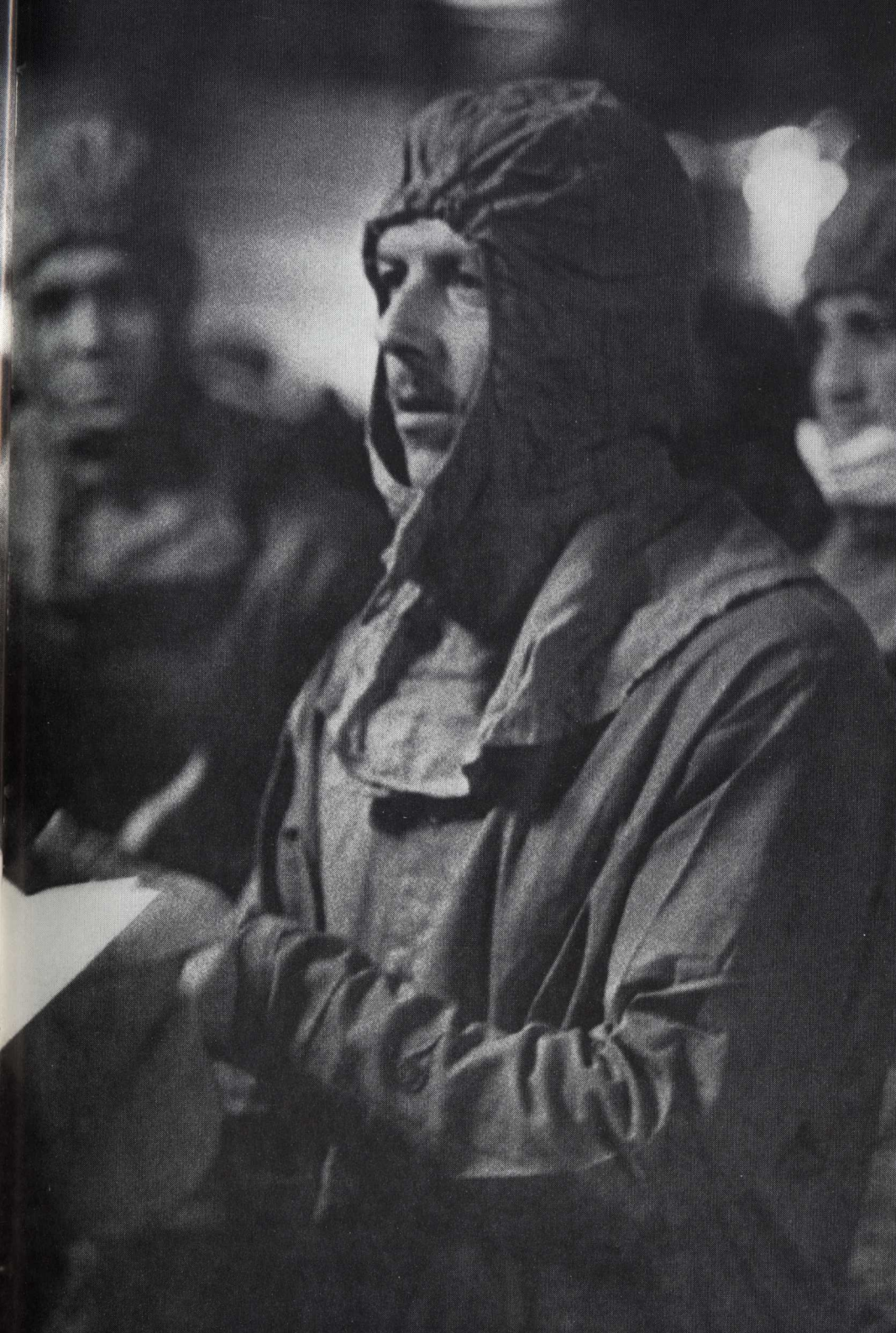
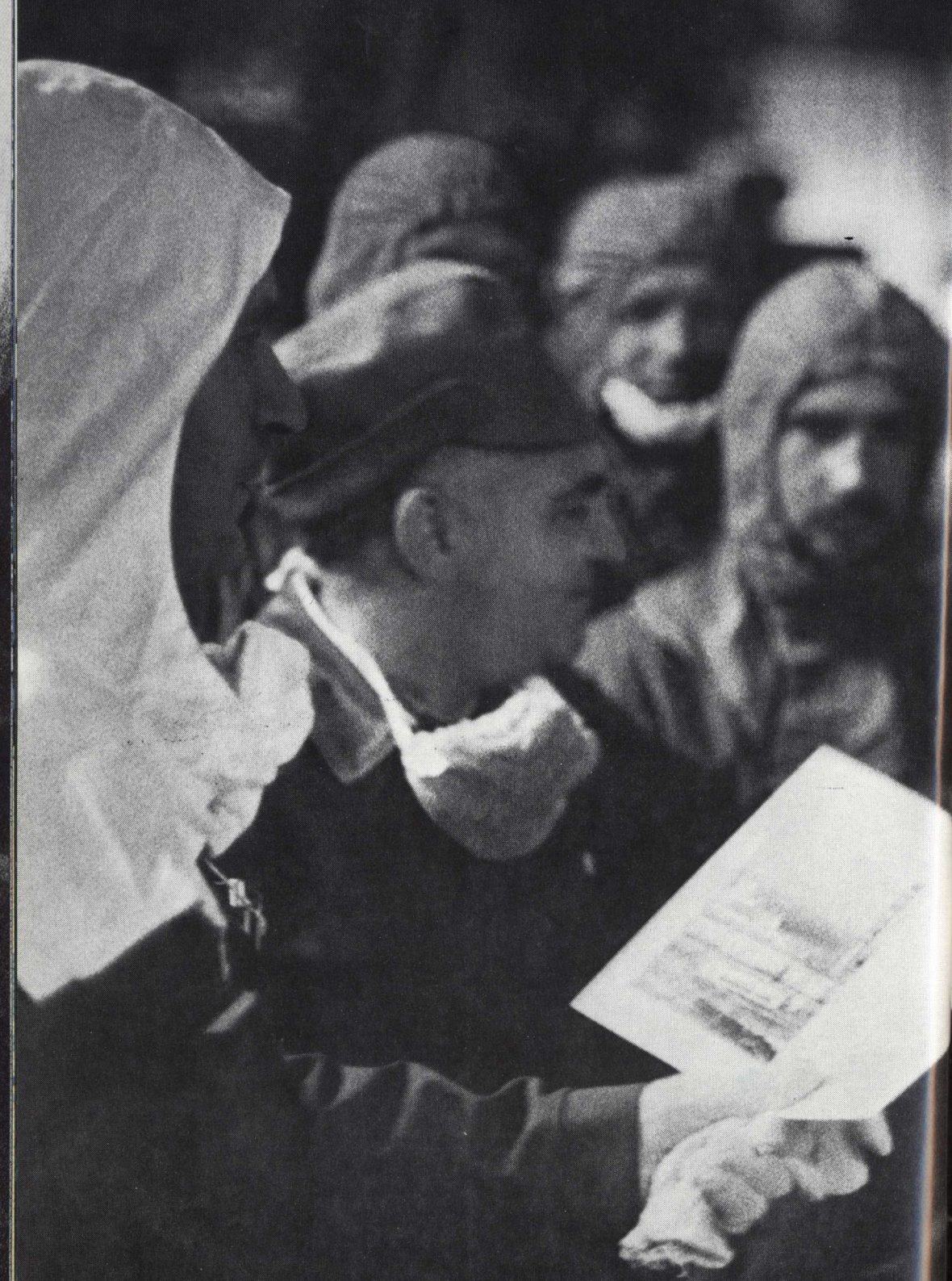

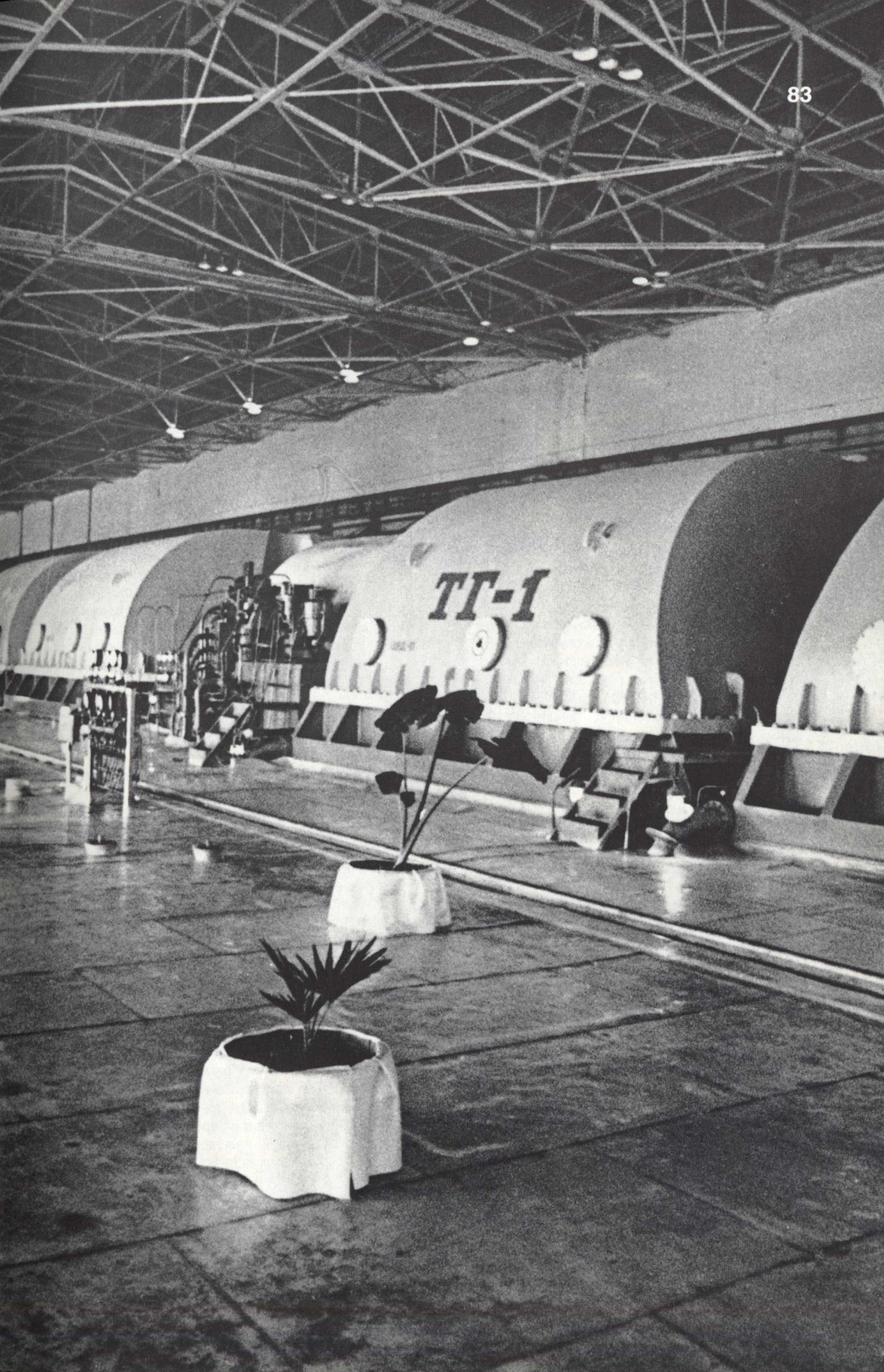

73. ЛПА — для работающих в Чернобыле расшифровывать эту аббревиатуру было ни к чему, все знали смысл этих трех букв: ликвидация последствий аварии. Так и говорили: приехал на ЛПА, работаю по ЛПА, штаб ЛПА. Трудился в этом штабе и оператор Игорь Акимов. От всех других отличало его, пожалуй, лишь то, что ему не надо было бежать на почту, чтобы получить письмо от родителей, не надо было накручивать телефонный диск междугородной связи. Его отец, Е. Акимов, работал неподалеку. Он был одним из тех, кто возводил саркофаг.

74. Прежде чем стали подниматься уступами вверх стены этого самого саркофага, необходимо было очистить крышу третьего энергоблока от радиационной грязи, от попавших туда после взрыва страшных обломков. Для этого вот дела и приспособили «луноход» — специально сооруженный маленький бульдозер на радиоуправлении. Ползал он по крыше, делая опаснейшую работу...

75—79. Сколько бы ни передоверяли мы технике собственные трудности, сколько бы ни выручали нас механические тележки и разные другие роботы, все равно возникают ситуации, когда без человека не обойтись. Без его рук, глаз, опыта, смекалки. И тогда на работы, лимитированные в некоторых крайних случаях секундами, выходили добровольцы. Но доброволец — это понятие скорее человеческое, чем профессиональное. Немало добровольцев было в Чернобыле, однако поручить сверхсложную и сверхопасную работу можно было не каждому. Низкую квалификацию и безответственность тех, кто не в последнюю очередь привел станцию к трагедии, вынуждены были компенсировать своей отвагой и высокой квалификацией другие, приехавшие сюда люди или те работники станции, кто даже в самую страшную ночь не пренебрег своим долгом. Несколько десятков секунд давалось для работ на крыше третьего энергоблока. Что можно успеть за эти секунды, когда движения сковывает спецодежда, когда с хрипом втягиваешь в себя через респиратор воздух, когда сползают, мешая обзору, очки и камнем висят на ногах тяжелые сапоги? Немного? Нет, очень много: схватить, бросить на носилки обломок бетона, чтобы другие, такие же внешне неуклюжие, подхватили носилки и — бегом, бегом, бегом! — к краю крыши. Вот уже, опрокинутые с шестидесятиметровой высоты, летят вниз камни, железки, арматура. Что можно успеть за секунды? Да еще когда на тебя надет свинцовый «фартук», а шлем из свинца будет давить голову? Очень многое. Можно рвануться вперед и поддержать оступившегося товарища, можно постараться вместо одного камня бросить на носилки два, а то и три. И снова — бегом, бегом, бегом. Свинцовые доспехи были добавлением к обычным, чтобы допустимый срок работы увеличился вдвое. Всего вдвое.

Так работали на верхотуре. Так работали на крыше третьего блока, на оставшейся, едва уцелевшей после пожара кровле маззала. Похожий ритм был и глубоко под землей, у тех, кто спускался в залитые

водой помещения, чтобы очистить кабели, подключить насосы, пробить бетонные стенки.

Смены-секунды, смены-минуты. Человек за эти секунды выкладывался настолько, насколько мог. И даже чуть больше. Потому что все видели — авария искорежила, превратила в непроходимые завалы многие места на четвертом блоке и рядом с ним. Туда даже самого «умного» работа, самого современного не пошлешь. Только по-дедовски, руками. Зато — наверняка. Отлично понимали, что завтра сюда придет твой товарищ для следующей работы, и если схалтуришь ты — радиационный удар получит он. Так что главным, кроме рук и физической выносливости, в этом деле была человеческая совесть. И люди не подвели. Вскоре стало ясно — на крыше можно работать без особой опасности, вода из подвалов откачена, проложены новые кабели. И место аварийщиков заняли строители...

Еще раз перелистайте эти страницы, взгляните в снимки. На них истинные герои. Пусть не разглядеть их лиц, пусть неуклюжа их одежда и не всегда ловки движения. Это та страшная правда Чернобыля, которую кадр за кадром фиксировал фотокорреспондент.

На них люди, облаченные в спецодежды. Фотокорреспондента не видно — он снимает, занят своей работой. Но чтобы запечатлеть для истории этих героев, он выходит вместе с ними на крышу, бежит рядом с носилками, перегибается через перила и щелкает панораму с шестидесятиметровой высоты. Смены-секунды, смены-минуты фотомастера будут продолжаться и на следующий день, и позже. До тех пор, пока репортаж не будет закончен.

80. А внизу в это же время такие вот чудовища сгребали землю, чтобы потом укрыть ее бетоном.

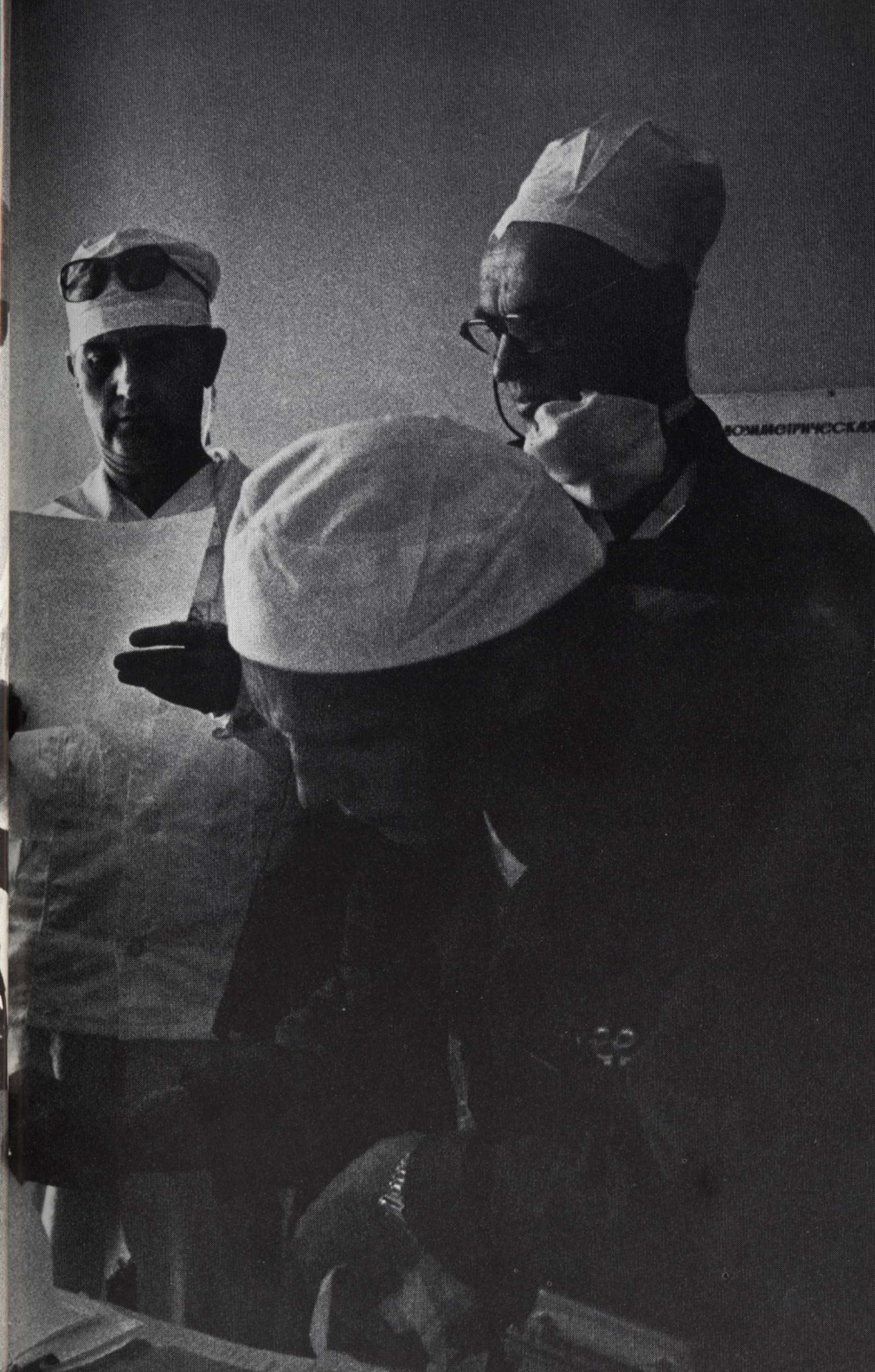
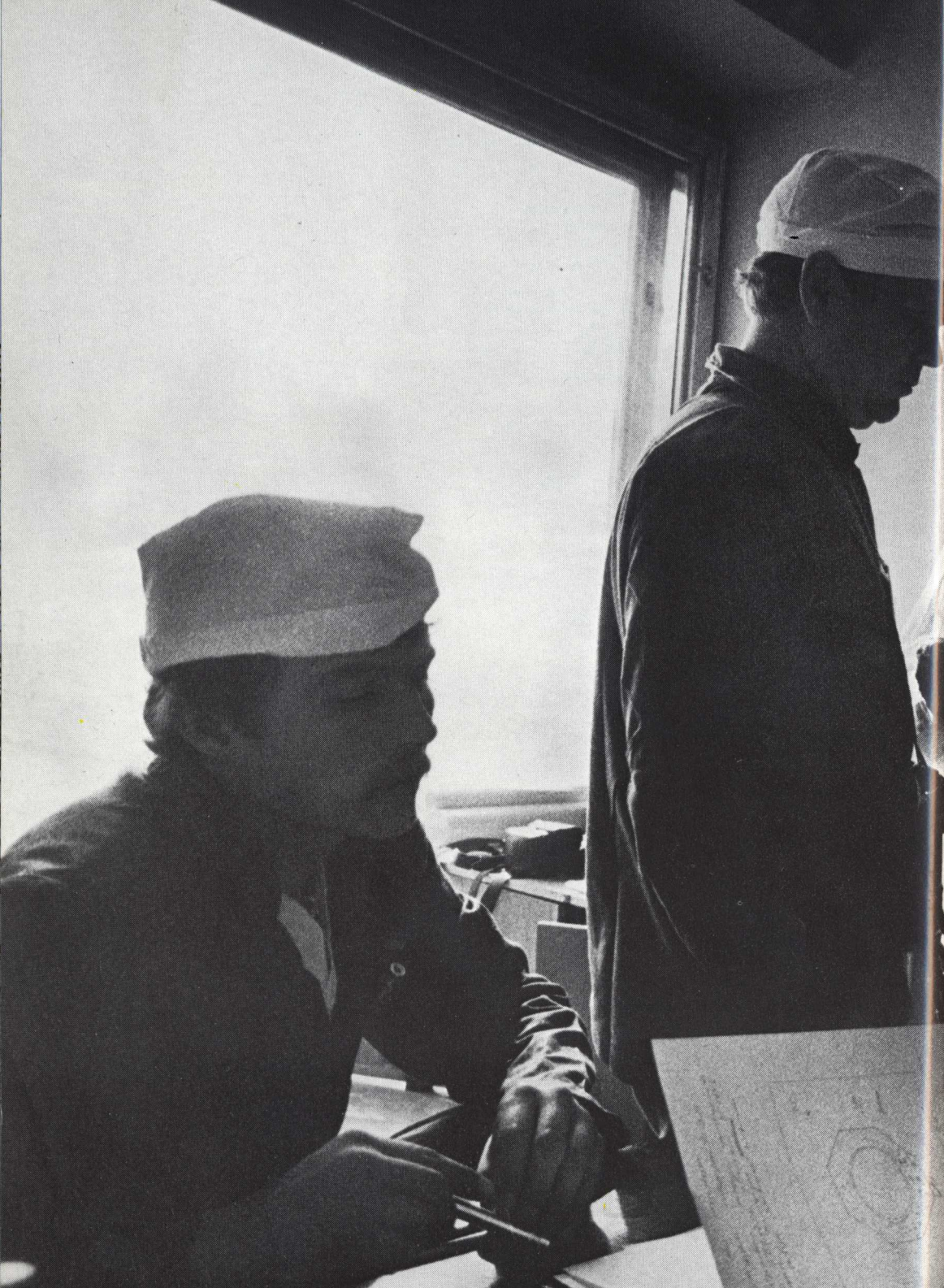
81. Непрерывная, круглосуточная карусель. Машины снуют по маршруту бетонный завод — промплощадка. Слово «бетон» при строительстве саркофага стало чуть ли не главным. В стены этого сооружения непрерывно его надо было закачивать тонны и тонны, не останавливаясь ни на секунду. Напряженно работали заводы, безостановочно двигались бетоновозы. В результате в стены саркофага за невиданно короткий срок было уложено 300 тысяч кубометров бетона.

82—83. 1 октября 1986 года. 16 часов 48 минут. «Мы — в сети!» — такое сообщение пришло с первого энергоблока Чернобыльской АЭС, когда этот агрегат заработал в пробном режиме. Спустя две недели он был остановлен для корректировки, а потом вновь введен в эксплуатацию. Директор станции Э. Поздышев, принявший этот пост еще 25 мая, через месяц после аварии рапортовал ЦК КПСС: «Партия и правительство поставили перед коллективом станции трудную задачу — в октябре пустить первый энергоблок. И мы эту задачу выполнили».

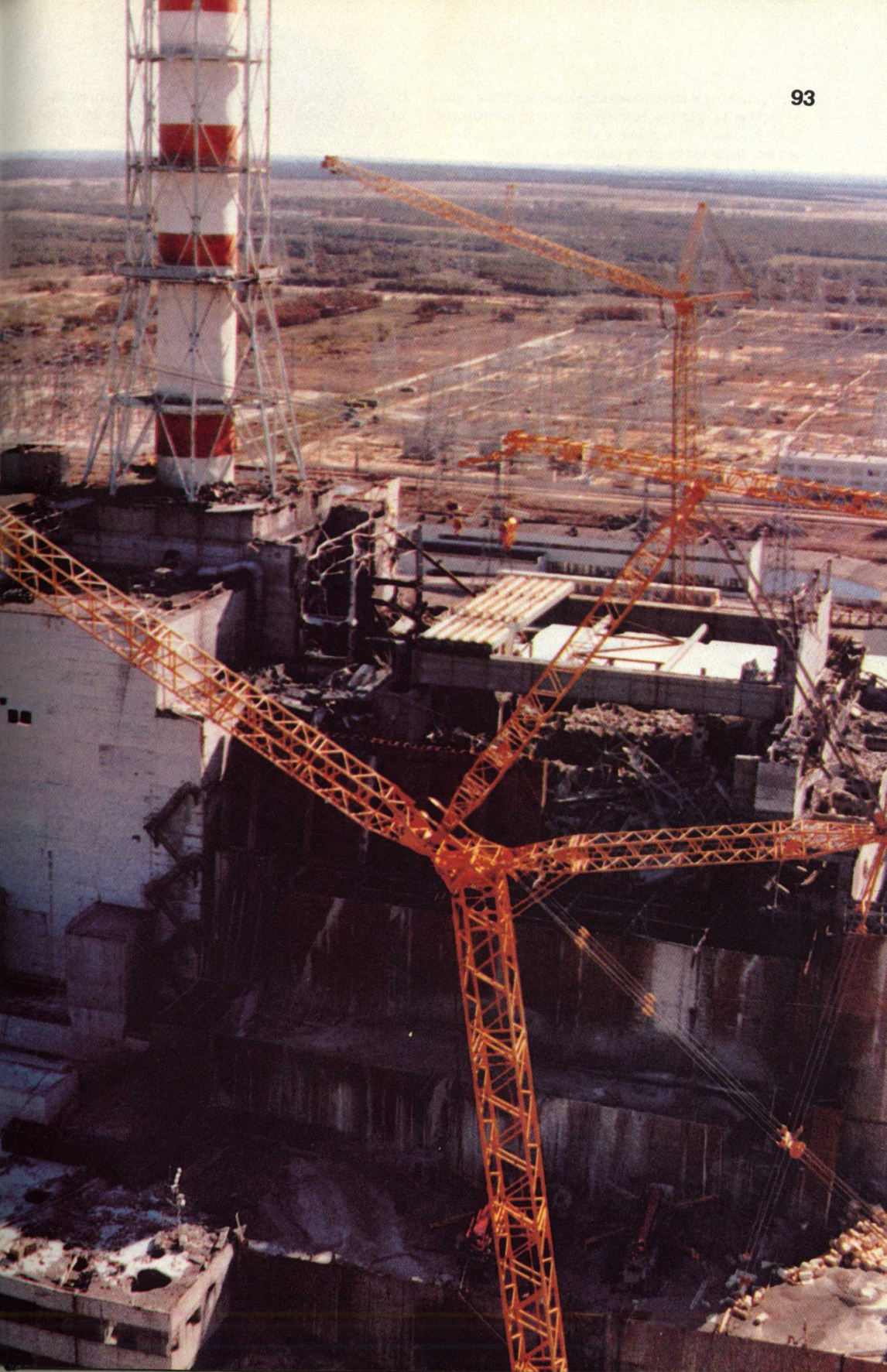

84. Тысячи тонн металлоконструкций, которые нужно скрепить, сварить. Мастерство на промплощадке было в цене. А отношение к мастерству сварщиков особое. Ведь часто от их быстроты и умения зависели и скорость, и качество работы всех других служб, десятков различных подразделений строителей.

85. Шла работа на промплощадке, но и в небе не прекращалось дело. Методично сновали вертолеты, перетаскивая сотни тонн дезактивирующей жидкости.

86. Отсюда, с пульта, надежно обеспеченного радиационной защитой, велось управление роботами, которые должны были действовать в наиболее опасных местах. Увы, как показала практика, далеко не все чудеса механики и электроники могли выполнить необходимые работы: отказывала и электроника, и механика. Происходило это в тяжелых условиях высоко ионизированной атмосферы. И вновь, как принято в таких случаях, взоры обращались к человеку: он-то все сможет, он-то вытерпит. Потом об этом будут говорить и писать как об огромном подвиге, совершенном людьми здесь, на промплощадке Чернобыльской АЭС. Так много будет сказано высоких слов, что станет за этим забываться непреложная в конце XX века истина, что подвиг еще и в том, чтобы не вынуждать совершать людей даже невозможное, а вовремя разгрести завалы в экономике, ликвидировать монбланы бесхозяйственности и безответственности.

87. Прежде чем каждая металлоконструкция или бетонная плита займет свое место в теле саркофага, специалисты просчитают необходимое на эту операцию время, проверят возможные варианты безопасного подхода туда людей, разместят сначала на схемах технику.

88. Ступень за ступенью поднимались вверх гигантские уступы саркофага. Вот уже почти не виден разрушенный блок. Еще немного, и стена бетона и железа поднимется до отметки выше семидесяти метров. И тогда сверху начнется перекрытие.

89. Не на один десяток вопросов пришлось ответить члену правительственной комиссии, заместителю министра энергетики и электрификации СССР Ю. Корсуну, когда он приехал в село Неданчичи. На месте этого села и началось строительство нового города энергетиков Славутича.

90. Самая современная техника была поставлена на промплощадку. Самыми современными, иногда даже революционными методами возводился саркофаг. Два момента определяли весь ритм жизни и работы на Чернобыльской АЭС — скорость и качество. Скорость — для того, чтобы быстрее упрятать смертоносную радиацию. Качество — для того, чтобы никогда больше из Чернобыля не прозвучало тревожного сигнала...

91—93. Этот снимок сделан за день до трагического происшествия. На нем вы видите экипаж вертолета МИ-8. Военные летчики погибли неподалеку от четвертого блока, выполняя очередное, неотложное и ответственное задание. Очень трудными были эти полеты. И не только из-за того, что экипажи хватали дозы, не только из-за того, что они бесконечно перерабатывали и выматывались донельзя, но и просто из-за того, что летать приходилось чуть ли не вплотную к проводам ЛЭП, у высоченной красно-белой трубы, вблизи стен станции. Чуть-чуть не рассчитай, чуть запоздай, не среагируй, и... В память о погибших летчиках, в память о тех, без кого нельзя было провести аварийно-спасательные работы, стоит теперь обелиск.

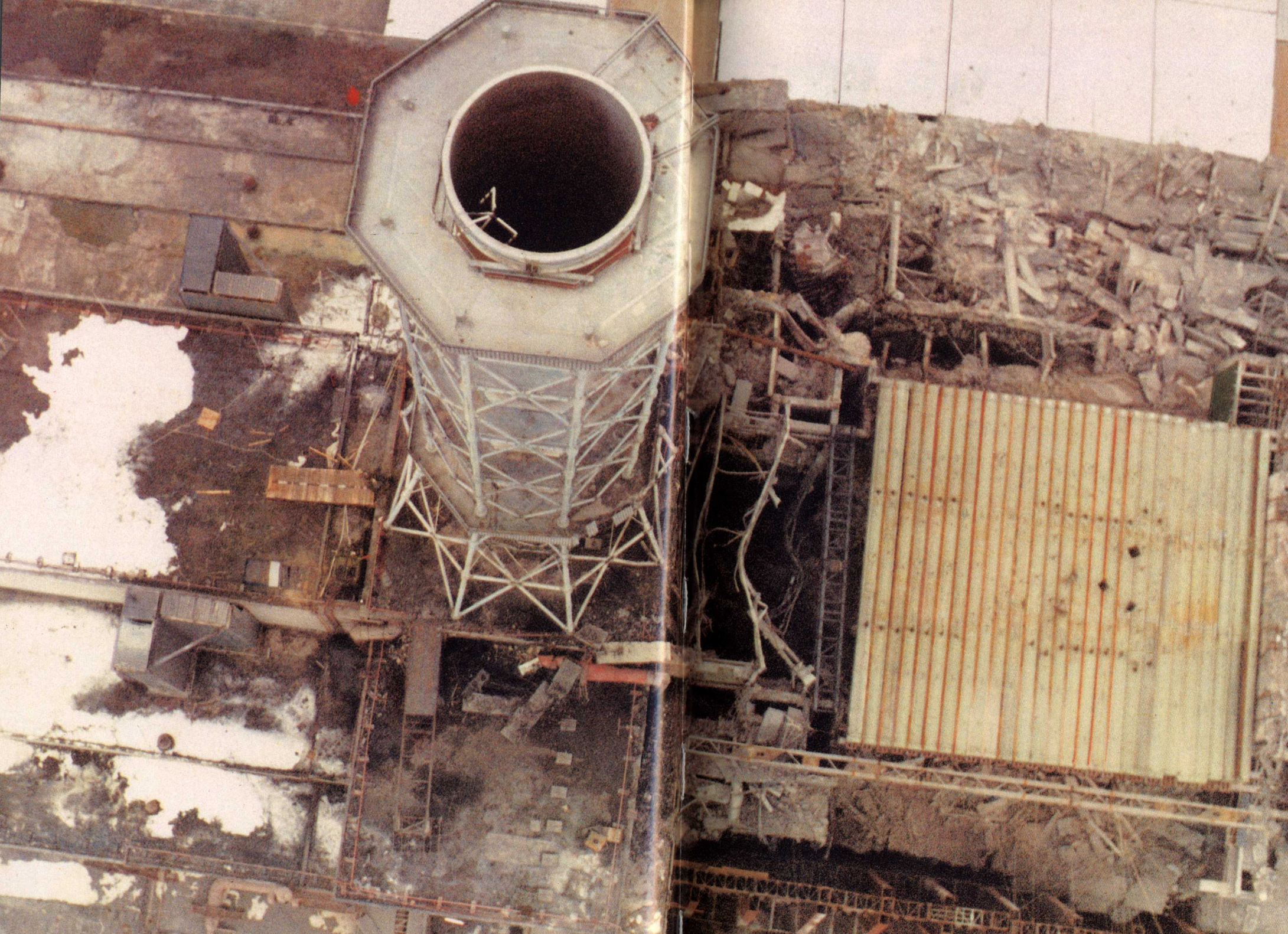
2 октября 1986 года у здания АЭС погибли: капитан Воробьев Владимир Константинович, старший лейтенант Юнгинд Александр Евгеньевич, старший лейтенант Христич Леонид Иванович, прапорщик Ганжук Николай Александрович.

94. Заместитель главного инженера ЧАЭС по ЛПА Юрий Самойленко. За участие в работе по ликвидации последствий аварии удостоен звания Героя Социалистического Труда.

95. На этом снимке Леонид Телятников, который всем нам стал знаком как майор, уже носит погоны подполковника внутренней службы. И высокое звание Героя Советского Союза. Здесь он спокоен. Видимо, не в первый раз, стоя у музейного стенда, показывает на гигантском снимке очаги прошлого пожара на крыше машинного зала, где ему пришлось работать ночью 26 апреля, той страшной огненной ночью, когда пламя вот-вот готово было перекинуться на третий энергоблок...

96. С каждым днем на станцию для опробывания прибывала все новая и новая техника. Десятки НИИ пытались весной и летом 1986 года перепрофилировать свою продукцию для нужд аварийно-спасательных работ. Так, на крыше машзала и в залах у 4-го блока появлялись разнообразнейшие «луноходы»-роботы, которые конструкторы и ученые наделили удивительными качествами. Но в большинстве своем супертехника эта — по задумке создателей — должна была использоваться совсем не на энергоатомных развалинах. А потому, сколь старательно ни перекраивали ее, отдача от чудо-машин ожидаемого эффекта в большинстве случаев не дала. Но даже при таких результатах многие НИИ и КБ остались довольны, ибо редкая возможность для практического выхода их продукции показала границы возможностей техники, ее перспективы. Так что считать бесполезной работу роботов в Чернобыле ни в коем случае нельзя.

97—98. Их отцы и деды оставляли свои фамилии в далеком сорок пятом на рейхстаге. И здесь, на стене построенного саркофага, с полным правом расписываются те, кто в фантастически короткий срок возвел это уникальное сооружение. Да, готов саркофаг! И теперь полностью укрыт под надежной броней весь разрушенный четвертый блок Чернобыльской АЭС.

99. Представьте только, как это трудно было — укрыть этой самой броней реактор. Как велик и труден был фронт работ. Отсюда, с верхней точки, особенно хорошо видны масштабы сделанного. Справа искореженные взрывом конструкции, обгоревшая крыша и вознесенная над всем этим, обсыпанная радиоактивной грязью труба...

100. Разные критические моменты наступали в те тяжелые весну и лето. Радиация, попавшая в воду Припяти, означала бы чрезвычайное: с водой вместе невидимая смерть, уйдя из-под контроля человека, разнесется по Днепру и тогда... Для того, чтобы ни паводок, ни дожди не смыли радиационную грязь в реку, начались огромные работы под странным названием «обвалование». Это и был один из пиков работы в Чернобыле. По берегам Припяти и ее притоков, там, где это было необходи-

мо, возводились валы, покрывались пленкой. Уже к осени длина водоохранных сооружений составила почти 30 километров. А для предохранения грунтовых вод от заражения под землей у четвертого блока поставили защитную тридцатиметровую стенку. На дне водоемов выкапывались специальные ямы-ловушки для того, чтобы задержать ил — с ним вместе течение разносило опасность... Ценой огромных усилий воду удалось уберечь.

101—105. Дело сделано, саркофаг возведен. Это не значит, что работы по ликвидации последствий аварии закончены. Впереди тысяча дел, тысяча проблем. Но одна из главных целей достигнута. И в это вложили свой труд, часть своей жизни, здоровья разные люди. Среди них — строитель Евгений Анисимов, заместитель начальника группы специальной дозиметрической разведки Валерий Стародумов, Герой Советского Союза, генерал-майор Н. Антошкин.

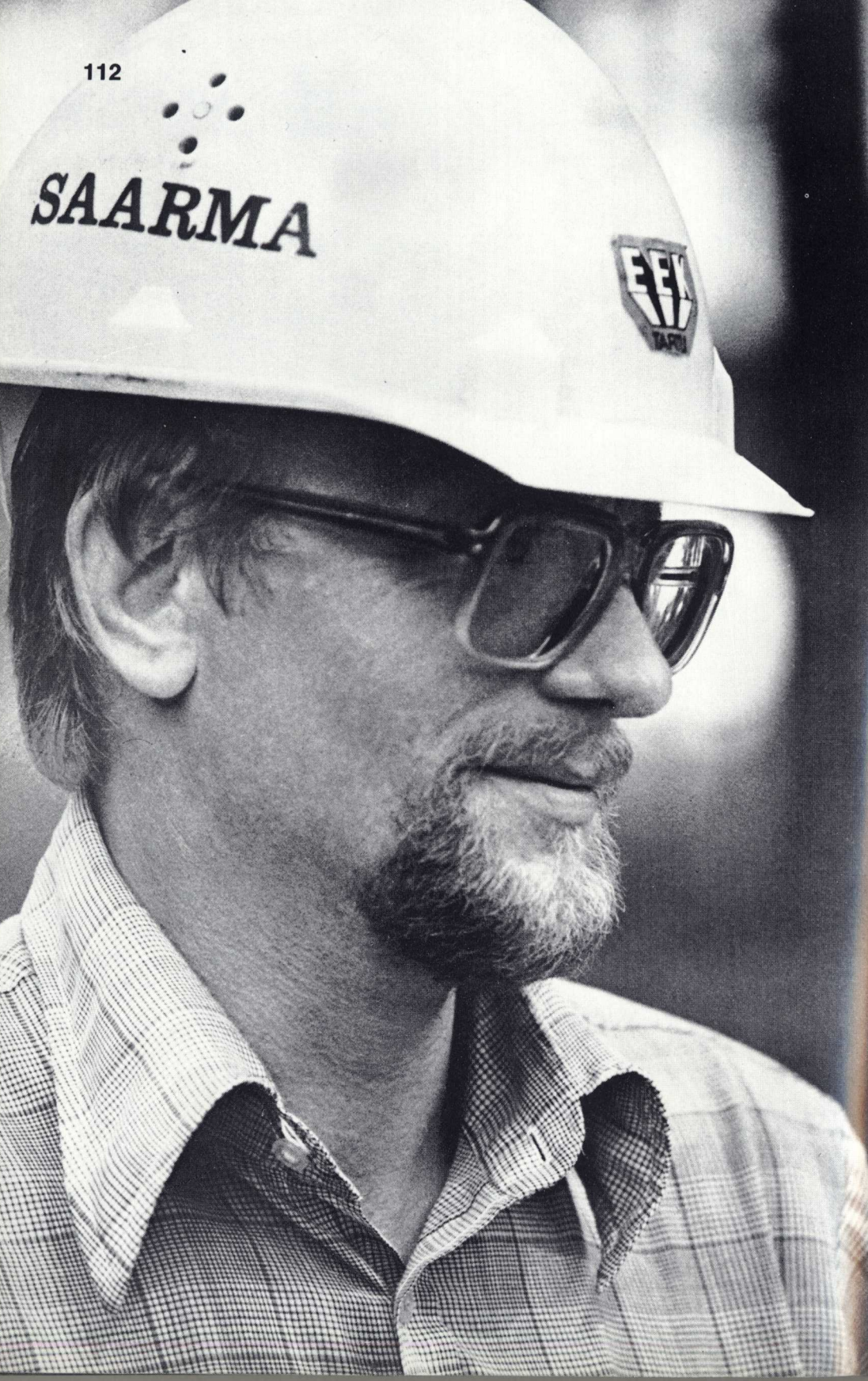

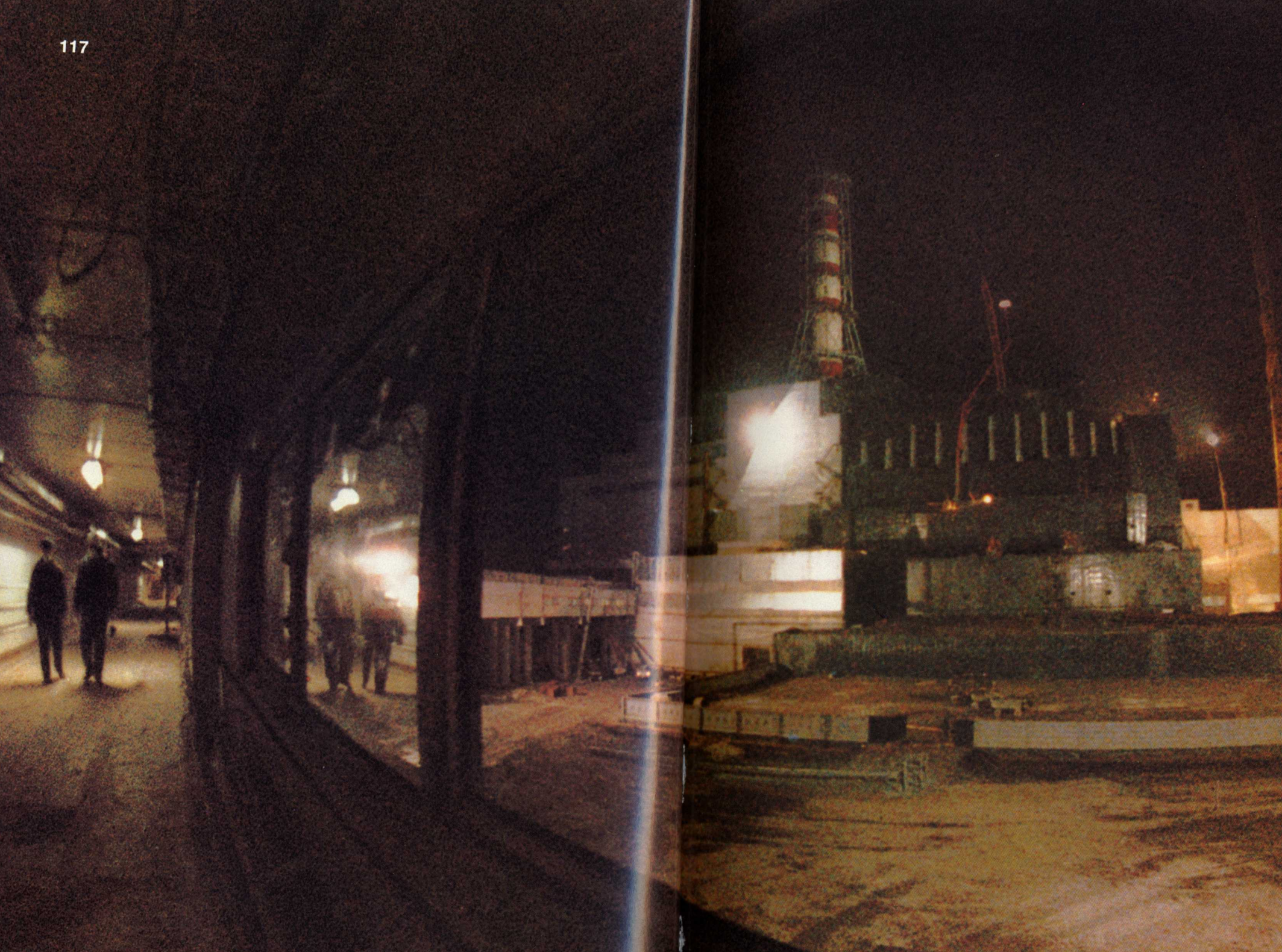

106—109. Славутич — название этого города появилось в планах и расчетах еще до того, как были пущены первые два блока Чернобыльской АЭС, до того, как были решены все проблемы тех, кого коснулись горести эвакуации. Построить его надо было за год. И таким, чтобы жизнь в нем была удобна и привлекательна, — во всяком случае, в рассказах тех, кто город планировал, все время встречались слова — мечта, город XXI века...

Рано или поздно вахтовому методу работы на Чернобыльской АЭС наступит конец. И тогда работники станции станут обычными городскими жителями, кому каждое утро ехать на работу и каждый вечер возвращаться домой. Дорога на скоростном поезде от станции до дома должна будет занимать у них чуть более получаса — что ж, не так много, по сегодняшним меркам.

Строительство города шло невероятно быстрыми темпами, и постепенно стало ясно: малы запланированные масштабы, не все предусмотрено проектировщиками для того, чтобы все запросы будущих жителей были удовлетворены. Но за строительство города взялась, без преувеличения можно сказать, вся страна — может, это поможет воплотить мечту в реальность?

110—111. Не надо думать, что жизнь тех, кто занимался аварийно-спасательными работами, кто очищал территорию и возводил саркофаг, окрашена была только одним цветом — цветом напряженной работы. Конечно, дело в Чернобыле было главным, а отдых — кратковременным. Но в эти, пусть немногие часы отдыха вся страна старалась что-то сделать для чернобыльцев. Многие работники культуры — актеры, певцы, музыканты — почли за честь выступить с концертами в то трудное лето. И надо было видеть, как принимали их благодарные зрители.

112—113. Центр Славутича застроен девятиэтажными домами, вокруг — пятиэтажные, дальше — коттеджи с приусадебными участками. Все микрорайоны поделили между собой строители РСФСР, Украины, Закавказья и Прибалтики. Каждая из восьми республик на свой лад, на свой вкус оформила один из районов города. Да, всем миром возводился Славутич, вырастал и хорошел на глазах...

114—115. А тем временем Чернобыльская АЭС, а точнее, первый и второй блоки этой станции вновь стали давать энергию. Включились в Единую энергосистему страны. Этот факт чрезвычайно важен не только для жизни самой станции. Он не просто отмерил окончание определенного этапа аварийных работ. Дело в том, что Чернобыль очень сильно «задолжал» стране — естественно, никто не планировал аварию на такой крупной атомной электростанции, наоборот, во многих планах рассчитывали на ее ток. И не только в нашей стране. Линии электропередачи от Припяти уходили за пределы страны — в Польшу... И вот после 26 апреля пришлось переложить на другие атомные, тепло-

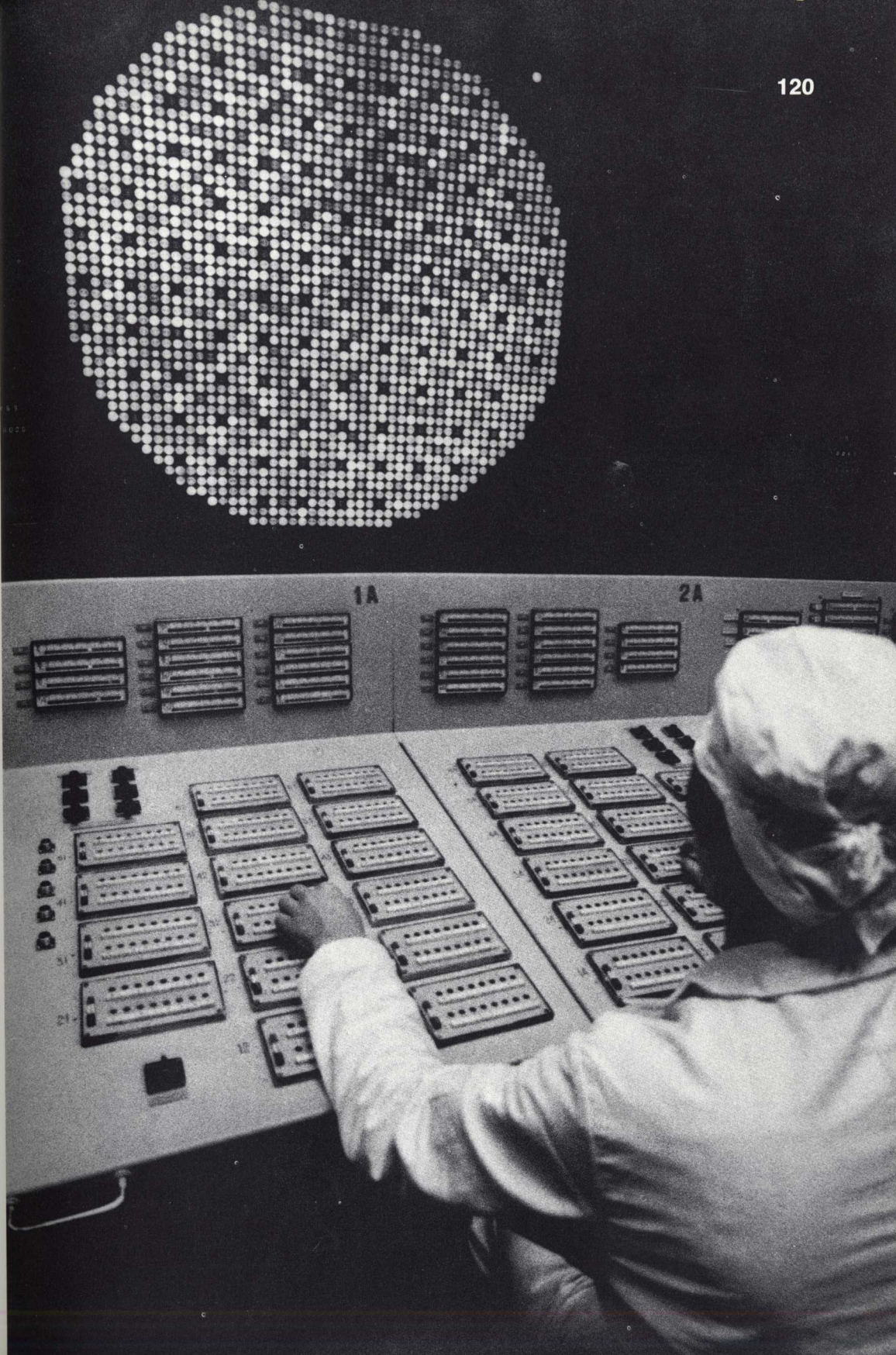
электростанции задачи, которые прежде выполняли здесь, на Чернобыльской. Ведь не оставишь предприятия, стройки, колхозы и совхозы без энергии. И это переключение тоже даром не прошло — кто-то испытывал дефицит энергии, где-то приходилось работать с двойными нагрузками. Потому включения первого и второго здешних энергоблоков ждали не только на Украине, но и далеко за ее границей.

116—117. Саркофаг построен. Цель — укрыть разрушенный блок, прекратить любое поступление в атмосферу радиационных частиц — достигнута. Теперь мы вправе задать такой вопрос — а сколько лет он простоит?

Сотни. Может быть, наши потомки, если конечно, в этом возникнет необходимость, найдут способ перенести его в другое место или полностью обезвредить. А куда возвышаться на берегу Припяти этому огромному странному памятнику. Напоминать потомкам о безответственности и мужестве, о трусости и подвиге. И о том, что даже мирный атом может нести смертельную опасность.

118. Каждый новый шаг, каждая перелопаченная тонна земли, словом, любое обычное для нормальных строек дело, продолжало идти в районе площадки под приглядом дозиметристов. Иногда очаги радиации обнаруживались не сразу или в местах неожиданных. Фигура дозиметриста в здешних местах стала так же привычна, как скажем, сотрудника ГАИ на оживленном городском перекрестке. И в спокойствии этого человека, одетого в белое — залог непогубленного здоровья того, кто сидит за рычагами бульдозера.

119—120. С осени на площадке АЭС стало явственно видно «разделение труда». Все ближе и ближе были дни нормальной работы уцелевших энергоблоков, а потому наравне со строителями и аварийщиками начали занимать свои рабочие места эксплуатационники. Для персонала Чернобыльской АЭС, во всяком случае, на пущенных блоках, наступили трудовые будни. Хотя обычными их, конечно, не назовешь. Не может быть жизнь обычной, когда в сотне метров от тебя покоятся остатки разрушенного энергоблока, когда домой с вахты едешь за десятки километров...

ЧЕРНОБЫЛЬ

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

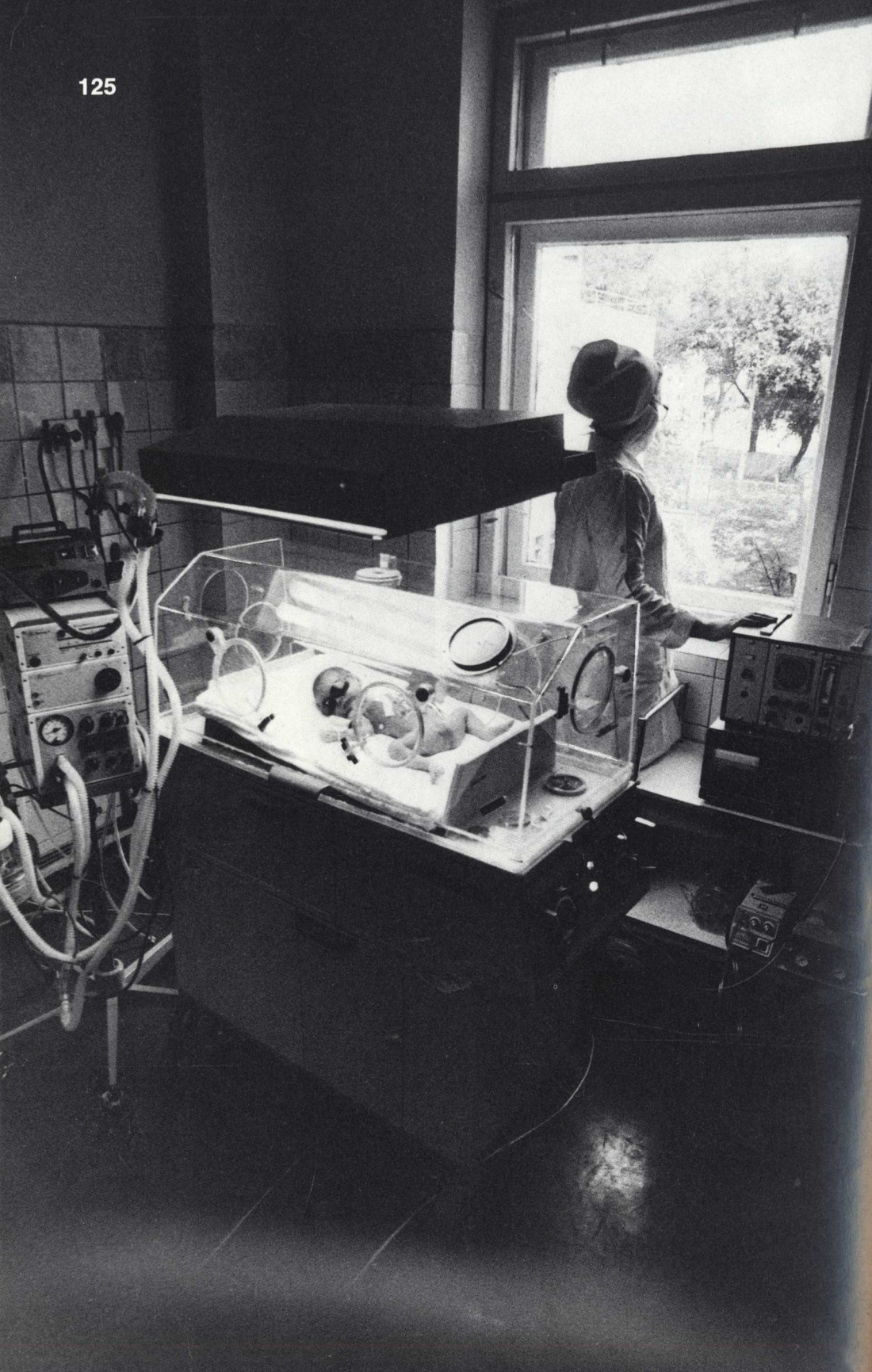
122—123. Жизнь и смерть. В Чернобыле эти вечные понятия оказались слишком близко. Для многих жизнь после аварии была борьбой со смертью.

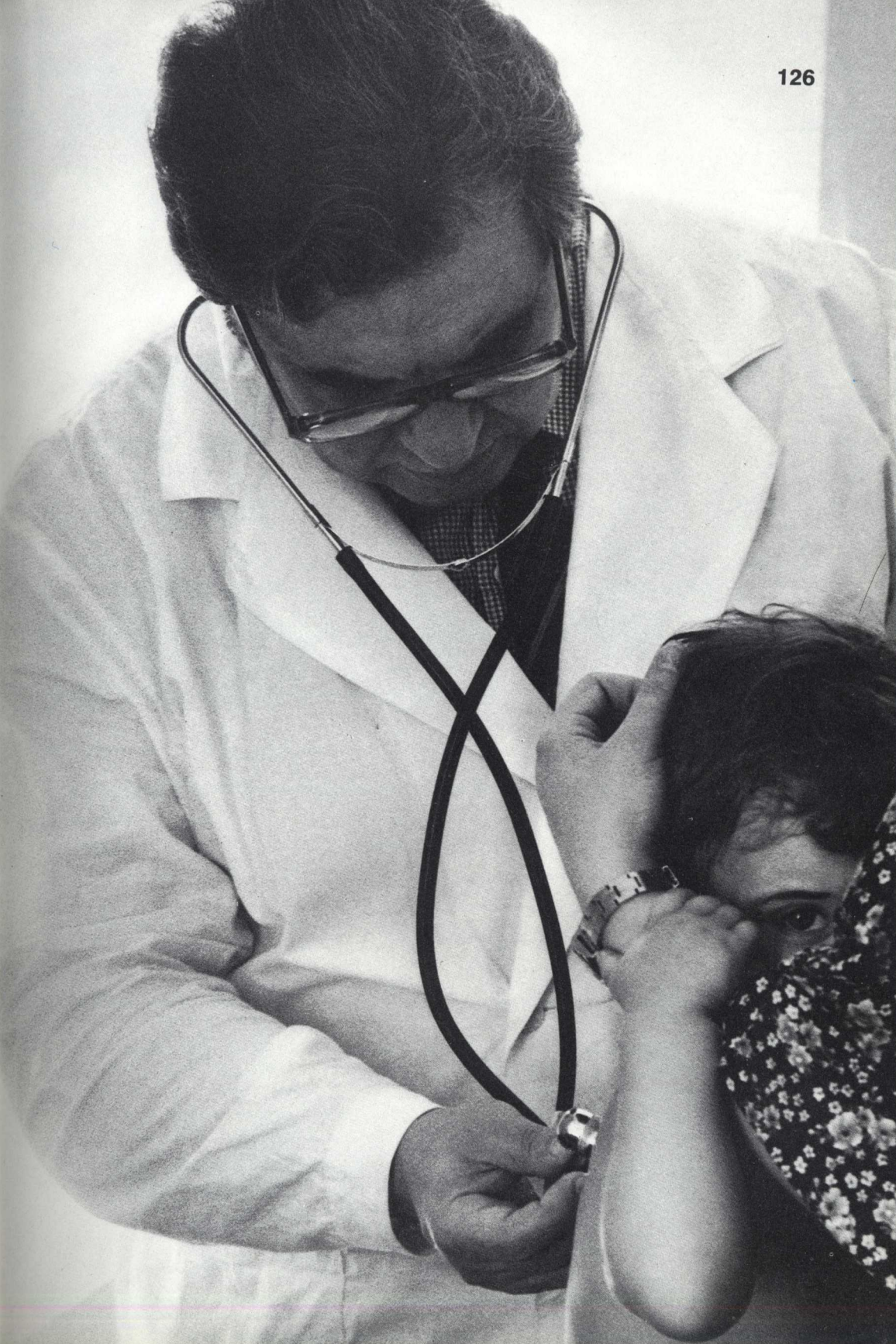
Какое завтра ждет малыша, чей пульс измеряет сейчас доктор? Где гарантия того, что настигшая чернобыльцев радиация не нанесет по нему коварный, на первых порах незаметный удар?

Не надо делать вид, что не было и нет тревоги родителей и близких. Они остались. Но и не верить достаточно утешительным прогнозам врачей и специалистов-радиологов — тоже крайность. Чрезмерная мнительность, как и безрассудное пренебрежение опасностями радиации — две противоположные «болезни», с которыми врачам приходится сталкиваться до сих пор. А ведь многие из них сумели доказать свою высочайшую квалификацию, помноженную на беззаветную преданность делу, спасая больных из Чернобыля. Они смогли вернуть жизнь десяткам почти безнадежных пациентов — пожарным, энергетикам, да и своим коллегам — участникам событий, произошедших сразу после взрыва и пожара.

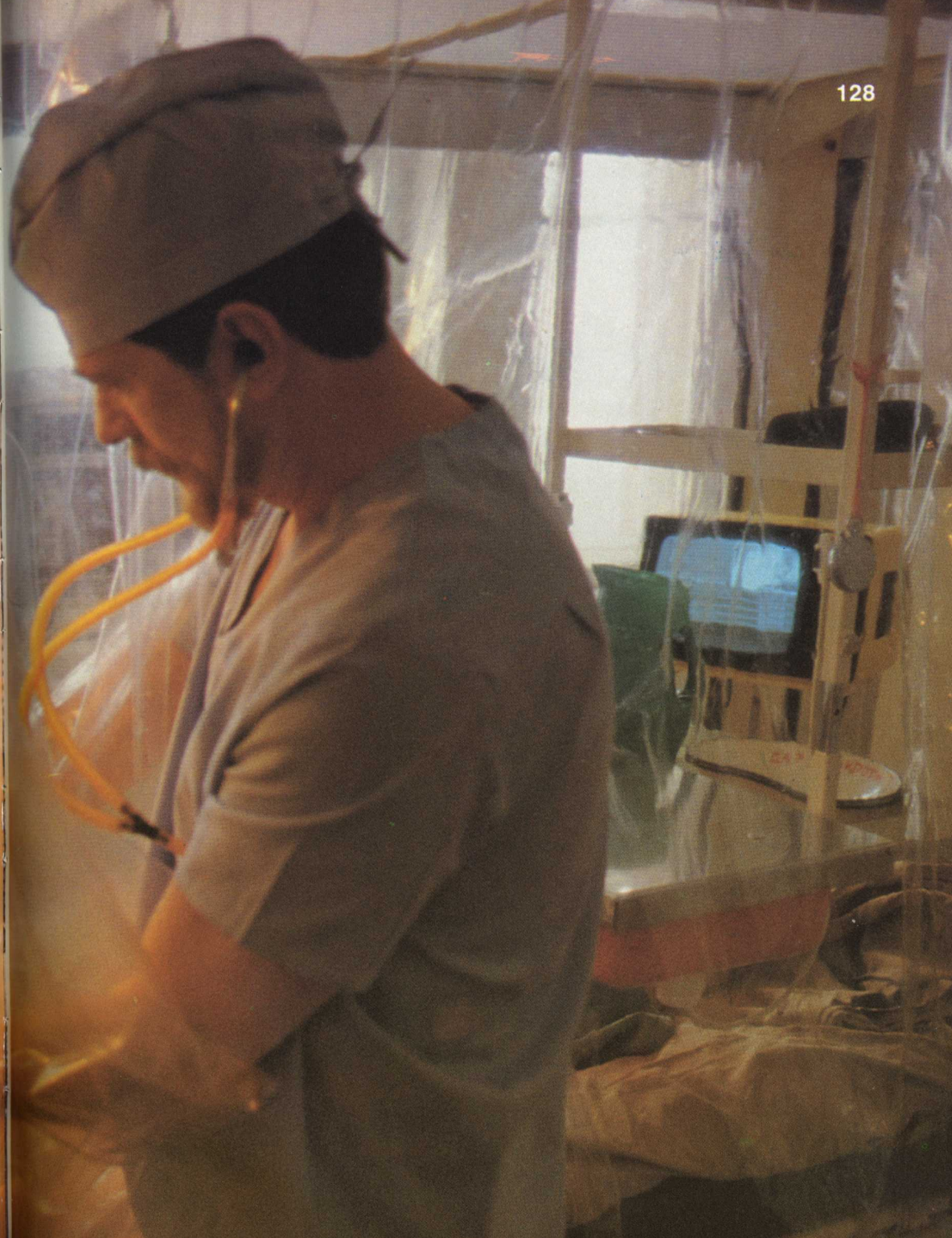
Леонид Телятников считался одним из тяжелых. С группой этих самых тяжелых он был вывезен вечером 27 апреля специальным рейсом в Москву, где попал в руки Ангелины Константиновны Гуськовой и ее коллег. Вы видите его на снимке — уже вернувшегося к жизни, такого сильного и плачущего. В тот момент, когда Герой Советского Союза Леонид Телятников впервые после выхода из больницы пришел на могилы своих товарищей — пожарных. На могилы тех, с кем он останавливал пламя, с кем шел в огонь и радиацию.

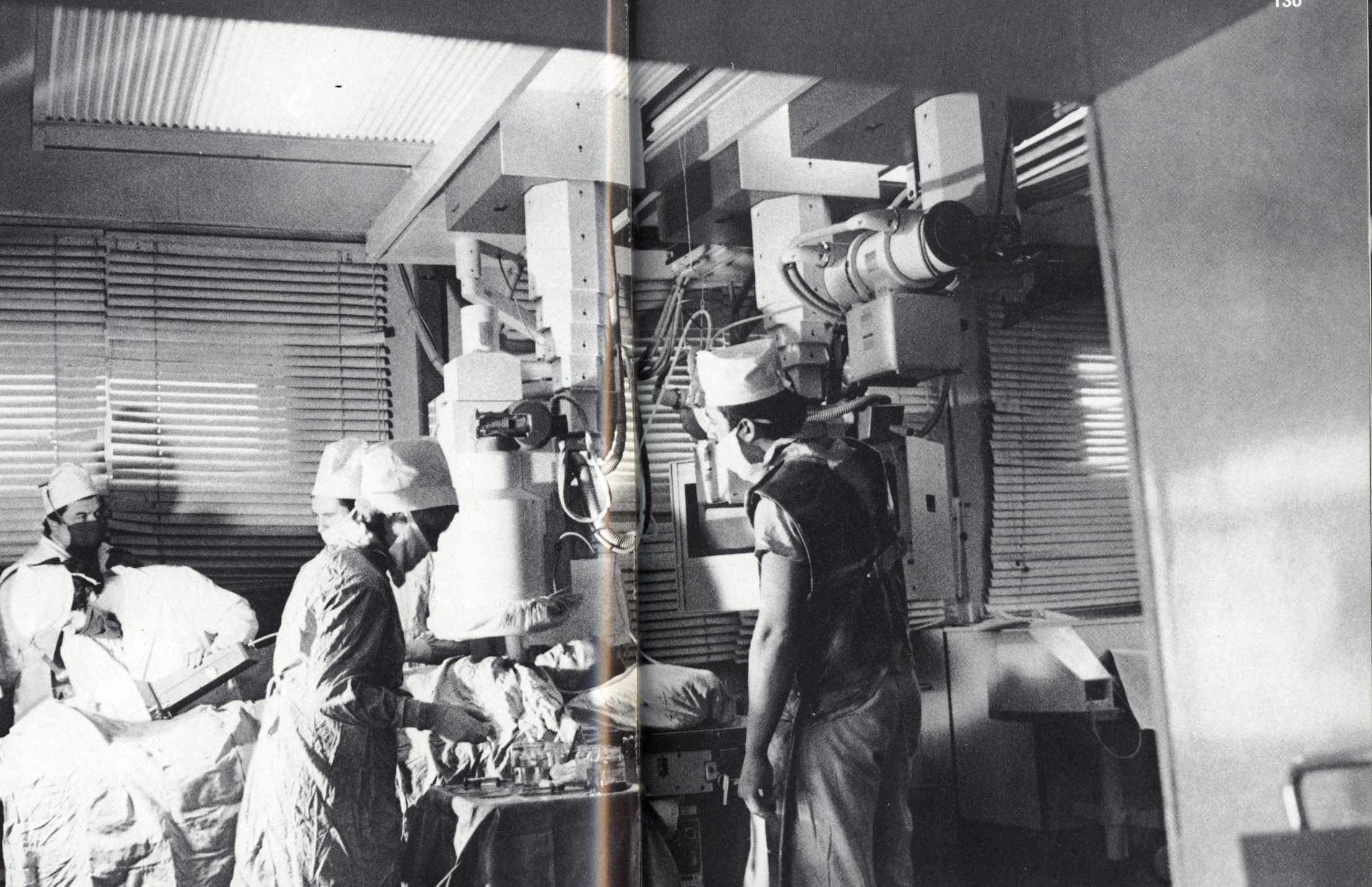

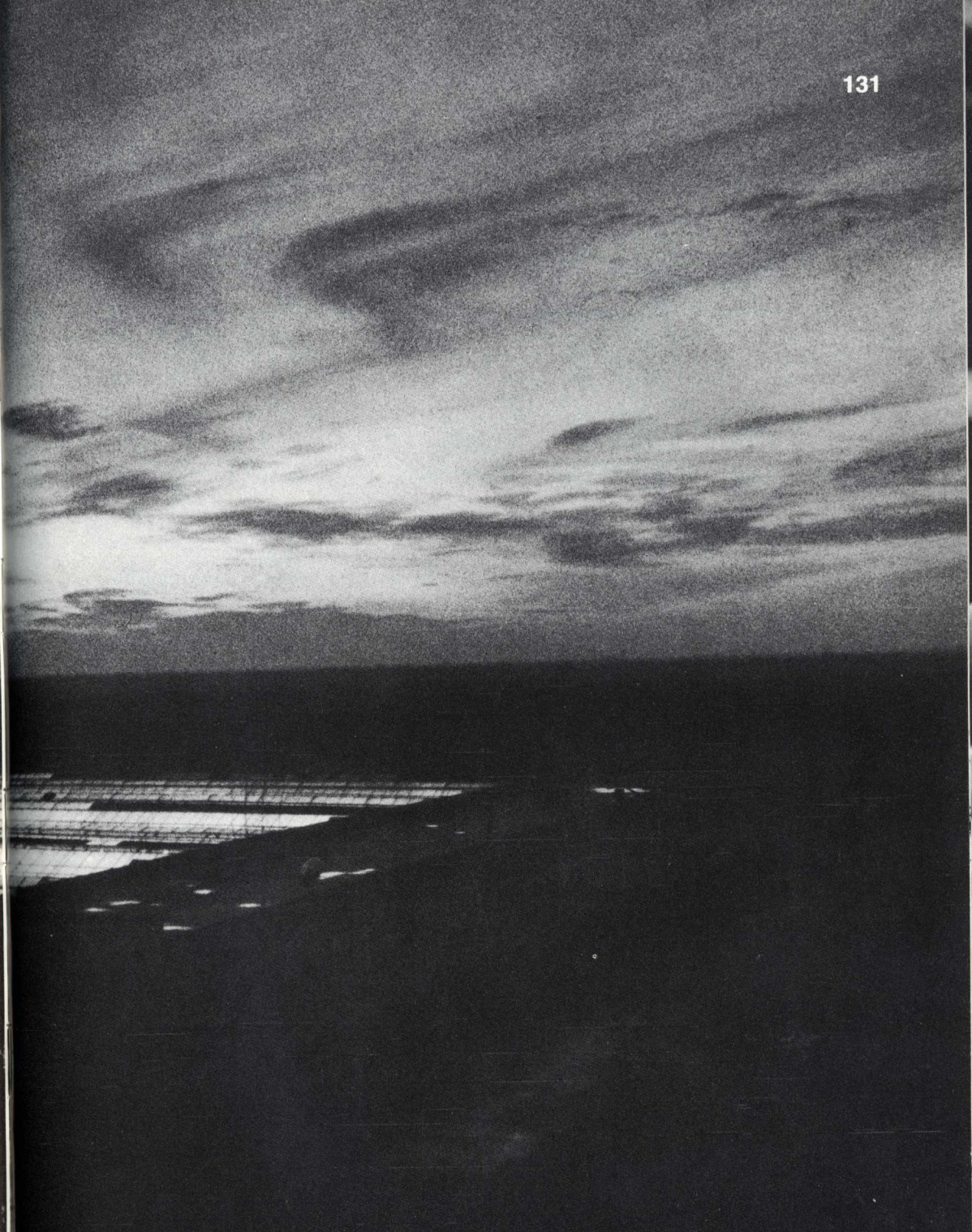

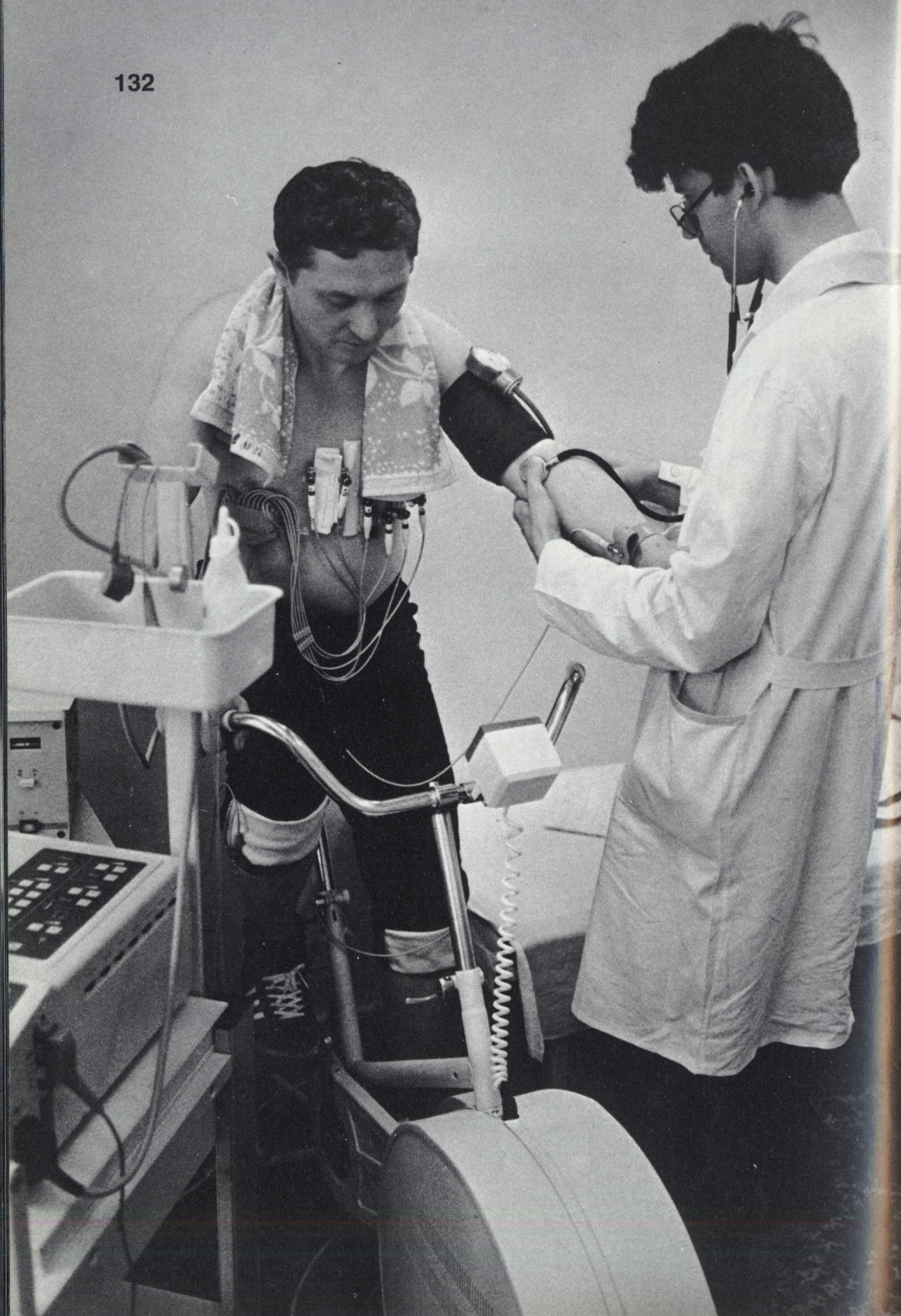

124. Заведующий неврологическим отделением московской клинической больницы Ф. Торубаров. Именно эта клиника приняла самых тяжелых больных.

125—127. Больше всего мы все беспокоились за детей. И за тех, кто бежал по припятским улицам 26 и 27 апреля, и за тех, кто должен был появиться на свет в семьях Припяти и Чернобыля вскоре после аварии. Внимание врачей в самых разных городах — Киеве, Одессе, Чернигове, Москве — было приковано к этим малышам. Все беременные женщины из тридцатикилометровой зоны были взяты на особый учет. Медицинский контроль за мамами и детьми не ослабевает и сегодня.

128. Московская клиническая больница. Когда уже были произведены сложнейшие пересадки костного мозга, сделаны переливания крови, снята прямая опасность, которую несли с собой ожоги, главным здесь стала забота о том, чтобы на больных не навалилась новая беда. Дело в том, что радиационное поражение лишает организм возможности сопротивляться любой инфекции. И в такой ситуации привычный насморк, обыкновенный грипп становятся смертельно опасными. Оградить больных от проникновения любой инфекции стало здесь важнейшей задачей. Посещения родственников даже самых тяжелых больных были резко ограничены. Чернобыльцы лежали в особых, антисептических боксах...

129—130. Профессор Калифорнийского университета Роберт Гейл. Это имя было и прежде широко известно среди зарубежных медиков. После Чернобыля оно стало чрезвычайно популярно и у нас в СССР. Этот человек в первые же дни после аварии позвонил в советское посольство в Вашингтоне и предложил свою помощь. Вот как он рассказывает об этом:

«Рано утром в моей квартире раздался звонок из советского посольства. И первым же рейсом я отбыл в СССР. Позже ко мне присоединились доктор Чемплин, доктор Тарасаки и другие коллеги. Во всей этой стремительной акции очень помог мой друг, давно сотрудничающий с Советским Союзом, доктор Хаммер. Это он передал господину Горбачеву наше предложение оказать помощь». Прилетевший в Москву Гейл был встречен заведующей отделением московской клинической больницы № 6 Ангелиной Константиновной Гуськовой. Слышится, что в зенит общественного признания выводил врача пациент. Точнее — личность спасенного. В нашем же случае знаменитой Гуськовой сделала чернобыльская беда. Хотя, без сомнения, этот блистательный врач отлично делал свое дело и до апреля 1986 года. Делал нешумно, четко, постоянно, всю свою врачебную жизнь. А в этот трудный момент Гуськова возглавила коллектив клиники, куда стали поступать самые тяжелые больные. А их были десятки и десятки...

Что думает она, успевшая к моменту приезда Гейла вместе с профессором Александром Евгеньевичем Барановым начать тяжелейшую работу?

«Доктор Гейл — имя в медицинском мире, безусловное, значительное. И все-таки, чтобы не случилось

превратного представления об отечественной медицине, несколько слов о сотрудничестве с американскими специалистами. Помощь свою после Чернобыля предлагали специалисты многих стран. Мне как врачу это понятно, и по-человечески такой порыв стоит только приветствовать. Но все лечебные мероприятия, связанные с нашими больными (такова специфика), должны были уложиться в первые две недели. Работа — архисложная и делать ее надо было оперативно. К моменту, когда в Москву прибыл доктор Гейл, мы уже самостоятельно сделали первые шесть пересадок костного мозга. Первые решения, самые ответственные, принимали советские врачи. И в частности блистательный специалист А. Баранов. А вместе с доктором Гейлом мы продолжили эту работу».

Спокойный, выдержанный в любых ситуациях человек, Гуськова начала свою бессменную вахту уже 26 апреля — в 16.30. По телефону давала первые распоряжения припятским врачам, а в 18.30 была готова к вылету аварийная бригада, в которую вошли и двое ее сотрудников. Они самолетом отправились в Чернобыль, чтобы помочь отобрать и привезти в Москву первую партию особо тяжелых больных, а Ангелину Константиновну занялась подготовкой к предстоящему их размещению и скорым операциям. Если операции не провести в первые две недели болезни, то потом они теряют смысл и врачи бессильны помочь. А ведь к операциям по пересадке костного мозга необходимо долго готовиться, искать доноров. Уже на следующий день в Москву стали поступать первые чернобыльцы. И с этого момента началась тяжелейшая работа маленького коллектива, никогда прежде не имевшего такого количества пациентов. Работа эта (конечно, не в таком ритме) продолжается до сегодняшнего дня. В клинике у Гуськовой постоянно следят за теми, кто здесь когда-то лежал. Продолжаются и встречи теперь уже члена-корреспондента Академии медицинских наук Гуськовой с Робертом Гейлом.

131. Припятские теплицы. Раньше они кормили город. Теперь они превратились в радиобиологическую лабораторию, где ведут эксперименты ученые. Продукция из этих стеклянных домов не попадет на обеденные столы. Она станет предметом изучения. В бывшем тепличном хозяйстве ставят самые разные эксперименты, специалисты по сельскохозяйственной радиобиологии выясняют, как ведут себя те или иные растения на загрязненной почве, какие на них вырастут плоды, как можно использовать растения для уменьшения радиоактивности почв, что в будущем сажать здесь крестьянину.

132—133. За здоровьем Героя Советского Союза Леонида Тялятникова, который также был пациентом Ангелины Константиновны Гуськовой, ведется постоянное наблюдение. Самочувствие его позволяет ему не только трудиться.

Телятников в последнее время много путешествовал, был гостем разных стран и правительств, где его встречали как истинного героя, удивившая наградами. И теперь на парадной форме подполковника Телятникова медали многих стран мира.

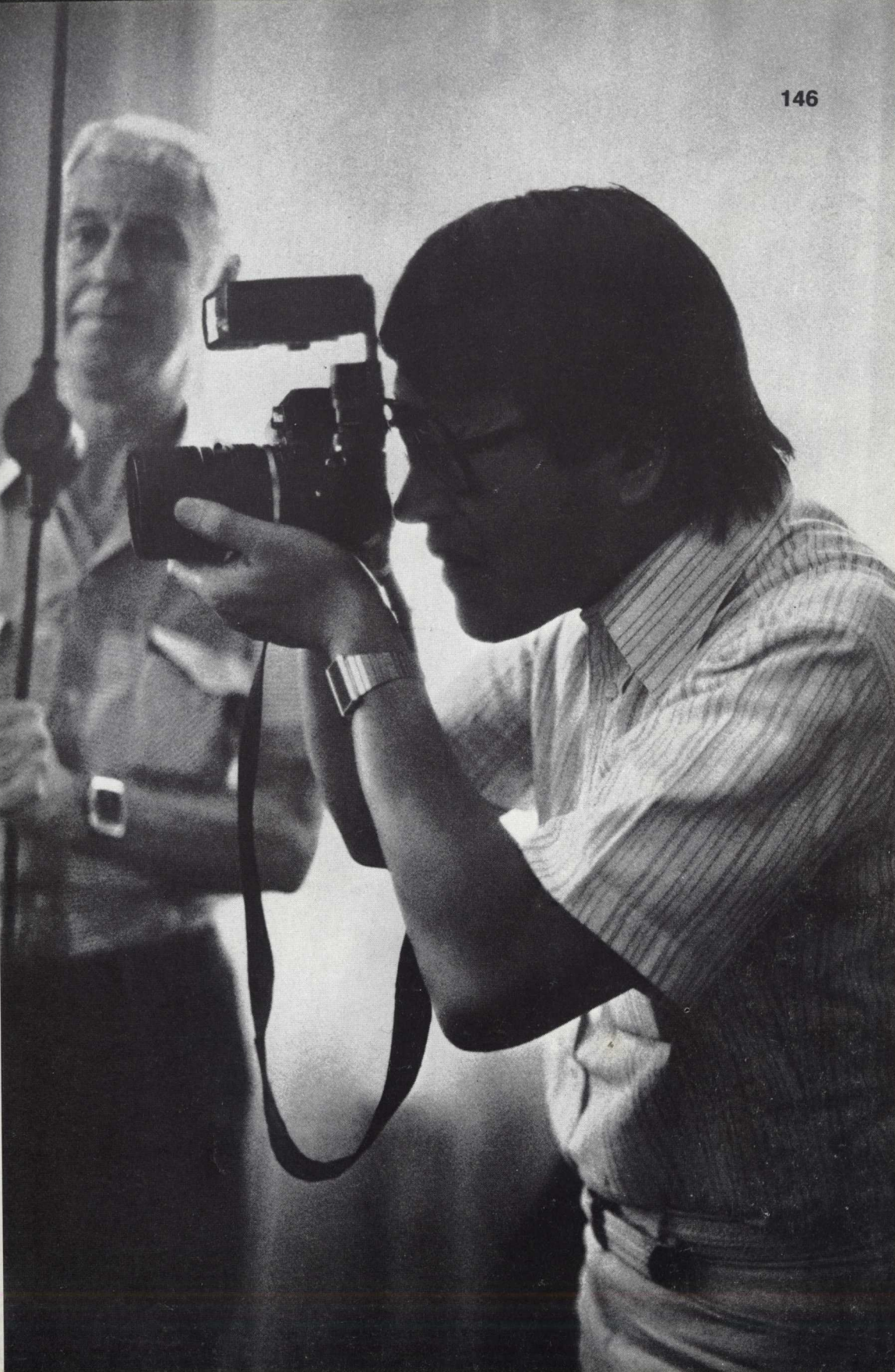

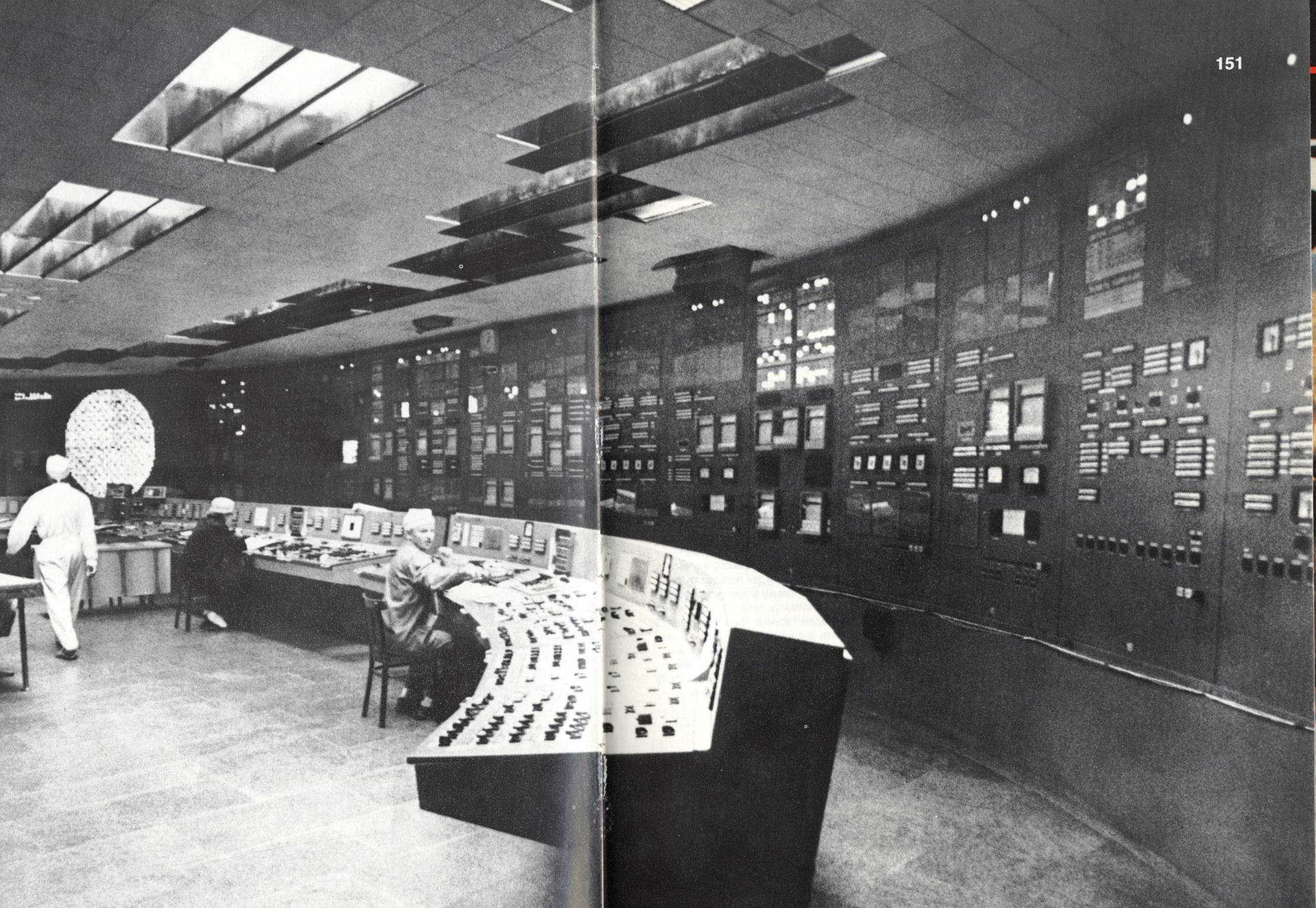

145—147. Как далеко простирается ответственность за порученное дело? Когда и при каких обстоятельствах эти привычные слова произносятся сурово и цена их неизмеримо высока? И об этом заставил задуматься Чернобыль. Суд над теми, кого следствие назвало в числе виновников произошедшего,—один из этапов чернобыльской трагедии, одна из точек отсчета в нашем отношении к делу. Это, видимо, очень правильное решение — провести судебное заседание там, где произошла беда, в пятнадцать километрах от взорвавшегося в апреле 1986 года четвертого реактора. Отвечать за содеянное именно там, где ты вершил безответственность. Трудно, но необходимо поднять глаза и взглянуть в зал, заполненный не только свидетелями и журналистами из разных стран, но и теми неизвестными тебе людьми, которые были вынуждены, бросив семьи и дела, примчаться сюда, в Чернобыль, для ликвидации последствий твоего преступления. В 16 заседаний уложился процесс, и 29 июля 1987 года судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Союза ССР завершила в Чернобыле рассмотрение уголовного дела бывших руководителей станции. Приговор суров: бывшим директору В. Брюханову, главному инженеру Н. Фомину, зам. главного инженера А. Дятлову — мера наказания, предусмотренная уголовным кодексом, — десять лет лишения свободы. Из уголовного дела для проведения дополнительно расследования в отдельное производство выделены материалы по факту несвоевременного принятия мер к совершенствованию конструкции реакторных установок данного типа. Суд вынес частные определения в адрес Минэнерго СССР и Госатомэнергонадзора СССР. Через год после аварии еще явственней высветились мужество одних и некомпетентность, преступная халатность других.

148. А жизнь продолжается. И в как будто бы замершем под снежным покровом вахтовом поселке «Зеленый мыс», где нашли временное пристанище энергетики Чернобыльской АЭС, и в соседних с Чернобылем районах, где разместились переселенцы из тридцатикилометровой зоны. Нормальной в полном смысле слова жизнь этих людей пока не назовешь — поломан привычный уклад жизни, каждодневно приходится решать хотя и маленькие, но неизбежные в этой ситуации проблемы. Далеко протянулось во времени эхо взрыва, долго будет отзываться в наших сердцах боль Чернобыля.

149. И боль эта, и рожденная вместе с ней колоссальная ответственность за судьбы людей, за перспективы атомной энергетики продолжают собирать конструкторов, атомщиков, экологов, специалистов десятков областей науки в разных точках планеты на международные форумы. Сложнейшие вопросы поставил перед человечеством Чернобыль. И трагедия во многом объединила специалистов, заставила их понять — для вышедшего из-под контроля даже мирного атома не существует границ. Беда может настигнуть всякого, и только объединение самых

передовых сил науки всей планеты поможет ограничить человечество от новой катастрофы. Реальные плоды такого сотрудничества уже есть. Кроме научных трудов, обмена знаниями и опытом сделаны и первые практические шаги. Так, например, проект Горьковской тепловой атомной станции будет подвергнут международной экспертизе. Специалисты по безопасности атомной энергетики из МАГАТЭ побывали уже на Игналинской АЭС в Литве и Ровенской на Украине. Ум — хорошо, а содружество умов — надежнее.

150. Продолжается международное сотрудничество и в области медицины. Доктор Гейл не забывает своих пациентов. Тех, кому он когда-то пересадил костный мозг, кого спас от лучевой болезни.

151. А Чернобыльская АЭС продолжает восстанавливаться и одновременно работать. Быть может, лучше вообще отказаться от атомных электростанций? Такая мысль после произошедшего обсуждалась не только среди дилетантов, ее серьезно муссировали на страницах многих изданий. Что считают по этому поводу специалисты? Вот цифры: первая атомная электростанция пущена в СССР в 1954 году. К началу 1986 года в мире действовало 370 энергетических реакторов, их общая мощность — более 250 миллионов киловатт. В некоторых странах АЭС играют ведущую роль в энергетике: в Болгарии они производят 30 процентов всей энергии, в Швейцарии — 35, в Швеции — 39, в Бельгии — 50, во Франции — 65 процентов. Предполагается, что к XXI веку ядерная энергетика будет обеспечивать одну пятую всей мировой энергии. Естественный научно-технический прогресс не останавливать. И атомная энергетика — одно из наиболее перспективных ответвлений этого самого научно-технического прогресса. Мир будет пользоваться энергией атома — вопрос только в том, как обеспечить абсолютную безопасность таких станций, как сделать Чернобыль единственной трагедией на пути прогресса? А сделать это можно будет лишь в том случае, если все выводы из апрельской беды — экономические, политические, технические, нравственные — будут извлечены полностью. Если уроку Чернобыля мы будем следовать всегда и во всем.

Фотоснимки фотокорреспондента
Украинского отделения АПН Игоря Федоровича Костина,
сделанные им в опасных условиях высокоактивных дозовых нагрузок,
заслужили высшие профессиональные награды.

На амстердамском конкурсе «Уорлд прессфото» — «Золотой глаз»,
золотую медаль конкурса «Интерпрессфото» в Багдаде,

«Гран-при» на конкурсе в ГДР,
главный приз Всесоюзной фотовыставки,
посвященной 70-летию Октября.

Фотокорреспонденту ТАСС

Валерию Александровичу Зуфарову
чернобыльские фотографии также принесли
высшую награду амстердамского конкурса

«Уорлд прессфото» — «Золотой глаз»,
а международная организация журналистов присвоила ему
звание международный мастер пресс фотографии.

Чернобыльский репортаж

Фотоальбом

Издание 2-е, исправленное и дополненное

«Испытание»

Записки писателя

ВЛАДИМИРА ЯВОРИВСКОГО

«Уроки катастрофы»

Текст и комментарий к фотографиям

АНДРЕЯ ИЛЛЕША

Художники-составители

НИКОЛАЙ ДАНИЛОВИЧ ЕРЕМЧЕНКО,

ЮРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ НОВИКОВ

Специальная фотосъемка

ИГОРЯ ФЕДОРОВИЧА КОСТИНА,

ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗУФАРОВА

В альбоме использованы фотографии

И. ГАВРИЛОВА, А. КОНДРАТЬЕВА, В. РЕПИКА и других

Заведующая редакцией

Эйсымонт А. В.

Редактор

Гуськова Т. В.

Художественный редактор

Орловский В. Р.

Технический редактор

Тарусина С. С.

Корректоры

Коршунова Н. И.,

Кузьменко Т. А.

ИБ № 1283

Сдано в набор 19.12.89. Подписано в печать 3.01.89. А08403.
Изд. № 11/2-8624. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага мелованная.
Гарнитура гильветика. Печать офсет. Усл. печ. л. 22,1.
Усл. кр.-отт. 82,875. Уч.-изд. л. 32,266. Тираж 35000. З. 452.
Цена 6 р. 70 к. Издательство «Планета». 103031, Москва,
Петровка, 8/11

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красно-
го Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Союзпо-
лиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054,
Москва, Валовая, 28

Ч 4911010000-033
027(01)-89 КБ-33-76-88

© Издательство «Планета», 1988

© Издательство «Планета», 1989, дополненное

ISBN 5-85250-195-6

Этот снимок сделан из космоса. На нем — кусочек нашей прекрасной планеты Земля. Когда-то путешественники тратили годы и годы для того, чтобы переплыть океан, открыть новые земли, обследовать неизвестные острова. Мир казался огромным, а планета — чуть ли не бескрайней. Сегодня за считанные часы космический корабль совершает виток вокруг нее. Скорости и техника XX века сжали пространство, спрессовали все наши проблемы. Мир стал таким маленьким, а наша общая планета Земля такой хрупкой.